

A close-up, high-angle portrait of Vladimir Putin, looking slightly downwards and to the left. He is wearing a light blue shirt and a dark tie. The background is a warm, reddish-brown color.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

РАЗГОВОРЫ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ

Владимиром Путиным

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

РАЗГОВОРЫ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

разговоры с **Владимиром Путиным**

МОСКВА ВАГРИУС 2000

УДК 882
ББК 84Р7
О 24

**В книге использованы фотографии ИТАР—ТАСС,
ИД «Коммерсантъ», Ф. Вильягры, А. Королева, П. Смертина,
Ю. Феклистова, Х. Холлинджер, а также из семейного архива.**

Фото на обложке Х. Холлинджер и А. Королева.

Редакционная работа над книгой завершена 06.03.2000.

ISBN 5-264-00257-6

© Издательство «ВАГРИУС», 2000
© Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова; авторы, 2000
© «ВАГРИУС»—«Дизайнбокс», оформление, 2000

Вместо предисловия

Мы разговаривали с Владимиром Путиным шесть раз. По несколько часов. И он, и мы были терпеливы и терпимы. Он — когда мы задавали неудобные вопросы или попросту лезли в душу. Мы — когда он опаздывал или просил выключить диктофон: «Это очень личное».

Это были встречи «без пиджака», хотя и в галстуке. Как правило, поздними вечерами. И только один раз из шести — в его кабинете в Кремле.

Мы пришли к нему, по сути, с тем же вопросом, который задала в январе на форуме в Давосе американская журналистка Труди Рубин: «Кто он, господин Путин?» Вопрос был адресован известным российским политикам и бизнесменам. Вместо ответа последовала пауза.

Нам показалось, что пауза затянулась. А вопрос-то законный.

Мы разговаривали с Путиным о жизни. Главным образом, о его жизни. Разговаривали, как это и бывает в России, — не на кухне, правда, но все же за накрытым столом. Иногда он приезжал вымотанный, с усталыми глазами, но ни разу не прервал разговор по своей инициативе. Лишь однажды, уже далеко за полночь, аккурратно спросил: «Ну что, все спросили или поболтаем еще?»

Случалось, раздумывая над ответом на какой-то вопрос, Путин держал паузу, но потом все же отвечал.

Так, прежде чем ответить, предавали ли его, долго молчал и решил все-таки сказать «нет», но потом уточнил: «Друзья не предавали».

Мы попытались разыскать друзей Путина, людей, которые хорошо его знают, или тех, кто сыграл важную роль в его судьбе. И наконец, заехали на дачу, где застали женское большинство семьи: жена Людмила, две дочери — Маша и Катя и пудель с намеком на болонку Тоська.

Мы ничего от себя не прибавили, в книге нет ни одной авторской строчки, только наши вопросы. И если они наводили Путина или его близких на какие-то воспоминания или размышления, то мы старались не перебивать. Поэтому формат книги получился несколько необычным — она состоит из интервью и монологов.

Все наши разговоры — в этой книжке. Мы не считаем, что вопрос «Кто он, господин Путин?», таким образом, закрыт. Но в том, что Путин стал понятнее, уверены.

*Наталия Геворкян
Наталья Тимакова
Андрей Колесников*

— На самом деле у меня же очень простая жизнь, она вся как на ладони.
Школу окончил, пошел в университет.
Университет окончил — в КГБ.
КГБ закончил — опять в университет.
Из университета — к Собчаку.
От Собчака — в Москву, в Управление делами.
Потом — в Администрацию президента.
Оттуда — в ФСБ.
Потом назначили премьером.
Теперь — и.о. президента. Все!
— Но были же подробности ?!
— Да были...

«ОНИ ПОМАЛКИВАЛИ ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ»

Про родню отца я знаю больше, чем про мамину. Дед родился в Петербурге и работал поваром. Самая простая семья была: ну что, повар и повар. Но, видно, хорошо готовил, потому что после первой мировой войны его пригласили на работу в подмосковные Горки, где жил Ленин и вся семья Ульяновых. Когда Ленин умер, деда перевели на одну из дач Сталина, и он там долго работал.

— Его не репрессировали?

— Почему-то не репрессировали. Ведь мало из тех, кто все время был при Сталине, уцелел. Дед уцелел. И Сталина, между прочим, тоже пережил и в конце жизни, уже на пенсии, жил и готовил в доме отдыха Московского горкома партии в Ильинском.

— *Вам про деда родители рассказывали?*

— Ильинское я и сам хорошо помню, потому что иногда приезжал к нему. Но он-то про свою жизнь помалкивал. Да и родители мне почти ничего не рассказывали. Как-то это не было принято. Но приезжал в гости кто-то из родственников, разговоры за столом... Обрывки какие-то, фрагменты. Со мной о себе родители никогда не говорили. Особенно отец.

— *Но все же — обрывки, фрагменты?*

— Я знаю, что отец родился в Санкт-Петербурге в 1911 году. Когда началась первая мировая

война, в Питере жить стало трудно, голодно, и вся семья уехала в деревню Поминово в Тверской области, на родину моей бабушки. Дом, где они жили, стоит, кстати, до сих пор, родственники ездят туда отдыхать. Там же, в Поминове, отец познакомился с моей мамой. Они поженились, когда им было по 17 лет.

— **Что, появился повод?**

— Судя по всему, нет. Почему обязательно повод? Главный повод — любовь. Да и в армию ему было скоро. Может, хотели каких-то гарантий друг от друга... Не знаю.

*ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ,
классный руководитель Владимира Путина с 4-го
по 8-й класс в школе № 193:*

У его родителей очень трудная судьба. Представляете, сколько мужества надо было набраться его маме, чтобы родить Володю в 41 год? Он — поздний ребенок. Его папа как-то сказал мне: «Один наш сын был бы уже вам ровесник». Видно, в войну потеряли. Но мне как-то неудобно было спрашивать.

— В 1932 году родители приехали в Питер. Жили в пригороде, в Петергофе. Мама пошла работать на какой-то завод, а отца почти сразу забрали в армию, и он служил на подводном флоте. Вернулся, и у них с интервалом в год родились два мальчика. Один из них через несколько месяцев умер.

— **Когда началась война, отец, видимо, сразу ушел на фронт? Подводник, недавно отслужил...**

— Да, ушел на фронт, добровольцем .

— **А мама?**

— Мама категорически не захотела уезжать, осталась дома, в Петергофе. Когда там стало совсем тяжело, ее забрал в Питер мой дядя, морской офи-

цер, он служил в штабе флота, а штаб располагался в Смольном. Брат приехал и вывез ее с ребенком под обстрелами и бомбежками.

— **А дед-повар? Он не помогал вашим родителям?**

— Нет, тогда вообще, как известно, никто ни за кого не просил. Я думаю, что в тех условиях это было просто невозможно. У моего деда было много детей. И все его сыновья были на фронте. Не все вернулись с войны.

— **Куда же вашу маму и ее сына вывезли из блокадного Петергофа? В блокадный Ленинград?**

— А куда же еще? Мама рассказывала, что в Ленинграде для детей организовывали что-то вроде детских домов. Им пытались сохранить жизнь. В таком детском доме второй мальчик заболел дифтеритом и тоже умер.

— **Как она сама выжила?**

— Ей помогал брат. Он подкармливал ее своим пайком. Был момент, когда брата куда-то на время перевели, и она оказалась на грани смерти. Это не преувеличение: однажды мама от голода потеряла сознание, думали — она умерла, и ее даже положили вместе с покойниками. Хорошо, что мама вовремя очнулась и застонала. Чудом, в общем, осталась жива. Всю блокаду она провела в Ленинграде. Ее вывезли, когда опасность уже миновала.

— **А где был ваш отец?**

— Отец в это время воевал. Его определили в так называемый истребительный батальон НКВД. Эти батальоны занимались диверсиями в тылу немецких войск. Отец, собственно говоря, принял участие в одной такой операции. В их группе было 28 человек. Их выбросили под Кингисеппом, они огляделись по сторонам, устроились в лесу и даже успели взорвать состав с боеприпасами. Но потом

кончились продукты. Они вышли на местных жителей, эстонцев, те принесли им еды, а потом сдали их немцам.

Шансов выжить почти не было. Немцы обложили их со всех сторон, и только некоторым, в том числе и отцу, удалось вырваться. Началось преследование. Остатки отряда уходили к линии фронта. По дороге потеряли еще несколько человек и решили рассеяться. Отец с головой спрятался в болоте и дышал через тростниковую трубочку, пока собаки, с которыми их искали, не проскочили мимо. Так и спасся. Из 28 человек к своим тогда вышли четверо.

— Он нашел свою жену? Они встретились?

— Да нет, не успел. Его тут же направили в действующую армию. Он оказался опять в сложнейшем месте, на так называемом Невском пятачке. Это на левом берегу Невы, если стоять спиной к Ладожскому озеру. Немецкие войска тогда захватили там все, кроме этого маленького плацдарма. И наши держали его всю блокаду в расчете на то, что, когда начнется прорыв, Невский пятачок сыграет свою роль. А немцы все время пытались взять его. Было сброшено какое-то фантастическое число бомб на каждый квадратный метр, даже по меркам той войны. Это была чудовищная мясорубка. Правда, плацдарм в конце концов сыграл свою роль.

— Вам не кажется, что за этот клочок земли заплатили слишком большую цену?

— Я думаю, что на войне всегда бывает много ошибок. Это неизбежно. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, никогда не победишь. Нужно прагматично к этому относиться. И надо думать о победе. Они тогда думали о победе.

Отца тяжело ранили на этом пятачке. Ему и еще одному бойцу дали задание взять «языка». Они

подползли к блиндажу и только приготовились ждать, как оттуда неожиданно вышел немец. Растерялся и он, и они. Немец пришел в себя раньше. Достал гранату, запустил в них и спокойно пошел дальше. Жизнь, она такая простая штука на самом деле.

— **Откуда вы все это знаете? Вы ведь говорили, что родители не любили рассказывать о себе.**

— Это была история, которую отец рассказывал мне лично. Так вот, немец, наверное, был уверен, что убил их. Но отец выжил, правда, ему осколками переколотило ноги. Наши его вытащили оттуда через несколько часов.

— **На передовую?**

— Совершенно верно. Ближайший госпиталь в городе, а чтобы туда попасть, надо тащить его через всю Неву.

Все понимали, что это самоубийство, потому что там был пристрелян каждый сантиметр. Ни один командир приказа доставить его в госпиталь, конечно, не отдал бы. А добровольцев как-то не нашлось. Отец к этому времени столько крови уже потерял, что было ясно: вот-вот помрет, если его так оставить.

Тут на него случайно и наткнулся один боец, его бывший сосед по дому. Он все понял, без лишних слов взвалил отца на себя и потащил по льду Невы на ту сторону. Они были идеальной мишенью и все-таки уцелели. Сосед дотащил отца до госпиталя, попрощался и вернулся на передовую. Сказал только, что они больше не увидятся. Он, видимо, не надеялся выжить на этом пяточке и думал, что у отца тоже маловато шансов.

— **Ошибся?**

— Слава Богу, ошибся. Отец выкарабкался. В госпитале он провел несколько месяцев. Там его нашла мама. Она приходила к нему каждый день. А что значит приходила? Она сама-то была полу-

живая. Отец увидел, в каком она состоянии, и потихоньку от медсестер начал отдавать ей свою еду.

Правда, маму с отцом быстро засекли за этим занятием. Врачи обратили внимание на то, что он теряет сознание от голода. Когда выяснили причину, сделали им внушение, даже перестали маму к отцу пускать на какое-то время. А в результате оба выжили. Только отец после этого ранения так всю жизнь и хромал.

— А сосед? ‘

— И сосед выжил! После блокады он уехал куда-то в другой город. Они с отцом случайно встретились в Ленинграде через 20 лет! Представляете?!

«ЭТО БЫЛ ПРЕДЕЛ МЕЧТАНИЙ»

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Володина мама была очень мягким человеком, добροжелательным, безотказным, сама доброта. Лишь бы Володя был сыт, накормлен. Но чаще-то готовил дома папа, прекрасно варил студень. Мы до сих пор вспоминаем этот пухтинский студень. Никогда никто так не варил студень.

Мама у него была не шибко грамотная женщина. Не знаю, окончила ли пять классов. Она проработала всю жизнь. И дворником, и ночью товар в булочной принимала, и в лаборатории пробирочки мыла. Даже, по-моему, в комиссионном магазине была одно время сторожем.

Папа работал мастером на заводе. Его очень любили, ценили, он вкалывал там столько, сколько нужно. Ему, кстати, долго не давали инвалидность, хотя одна нога у него просто колесом была.

После войны моего отца демобилизовали, и он пошел работать мастером на Вагоностроительный завод имени Егорова. В каждом вагоне метро есть табличка, на которой написано, что этот вагон, номер такой-то, изготовлен на Вагоностроительном заводе имени Егорова.

Ему сразу от завода дали комнату в коммуналке, в обычном питерском доме, в Басковом переулке, это в центре. Двор-колодец, пятый этаж без лифта.

До войны у родителей было полдома в Петергофе. Они очень гордились тем уровнем жизни, которого тогда достигли. Хотя что это был за уровень! Но им казалось, что это чуть ли не предел мечтаний.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Ужасное парадное у них было. Квартира коммунальная. Без всяких удобств. Ни горячей воды, ни ванной. Туалет страшный, врезался как-то прямо в лестничную площадку. Холодный, жуткий. Лестница с металлическими перилами. Ходить по ней было опасно, вся в щербинах.

Там, на этой лестнице, я раз и навсегда понял, что означает фраза «загнать в угол». В подъезде жили крысы. И мы с друзьями все время гоняли их палками. Один раз я увидел огромную крысу и начал преследование, пока не загнал ее в угол. Бежать ей было некуда. Тогда она развернулась и бросилась на меня. Это было неожиданно и очень страшно. Теперь уже крыса гналась за мной. Она перепрыгивала через ступеньки, соскакивала в пролеты. Правда, я все равно был быстрее и захлопнул дверь перед ее носом.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Кухни практически не было. Только квадратный темный коридор без окон. С одной стороны стояла газовая плита, с другой — умывальник. И не протиснуться.

И за этой так называемой кухней жили соседи. Потом они с кем-то поменялись и въехали другие люди, семья из трех человек. А другим соседям, пожилой паре, позже дали отдельную квартиру, поскольку их комната была непригодна для жилья. И тогда на этом месте сделали уже настоящую кухню. Хорошую, светлую. У них там стоял большой буфет.

Но все равно квартира осталась коммунальной. А сами они занимали одну комнату, правда, по тем временам приличную — метров 20.

В нашей коммуналке, в одной из комнат, жила еврейская семья: старенькие дедушка с бабушкой и их дочь Хава. Она была уже взрослой женщиной, но, как говорили про нее взрослые, жизнь у нее не сложилась. Замуж она не вышла и жила с родителями.

Отец ее был портным и, несмотря на то что казался мне очень старым, целыми днями что-то строчил на швейной машинке. Они были правильными евреями: по субботам не работали, а дед в обязательном порядке с утра до ночи талдычил Талмуд: бу-бу-бу... Как-то я даже не выдержал и спросил его, что он бубнит. Он мне объяснил, что это за книга, и мне сразу стало неинтересно.

Как обычно на коммунальной кухне, не обходилось без стычек. Мне все время хотелось как-то защитить своих родителей, заступиться за них. Надо заметить, что со старичками у меня были очень хорошие отношения — они меня любили, я часто играл на их половине.

И вот один раз я решил вмешаться. Реакция родителей была абсолютно неожиданной и мне непонятной. Они страшно рассердились. Для меня это было полным шоком. Я их защищаю, и вдруг они мне говорят: «Не лезь!» Почему? Я никак не мог понять.

А родители считали, что мои хорошие отношения со старичками, их любовь ко мне гораздо важнее мелких кухонных дрызг.

После этого случая я никогда больше в кухонные перебранки не лез. Как только они начинали ругаться, я просто уходил либо к себе, либо к старикам. Мне было все равно к кому.

Еще в нашей квартире жили пенсионеры, правда, недолго. С ними связано мое крещение. Соседка баба Аня была человеком набожным, ходила в церковь, и, когда я родился, она вместе с мамой втайне от отца, члена партии, секретаря партийной организации цеха, меня крестила.

Через много лет, в 1993 году, когда уже работал в Ленсовете, я поехал в Израиль в составе официальной делегации. И мама дала мне мой крестильный крестик, чтобы я освятил его на Гробе Господнем. Я выполнил ее просьбу, потом надел этот крестик и с тех пор не снимаю.

«Я ЖЕ НЕ ПИОНЕР, А ХУЛИГАН!»

— *Вы помните, как пошли в первый класс?*

— Родился я в октябре, поэтому в школу пошел, когда мне было уже почти восемь лет. У нас в семейном архиве сохранилась фотография: я в школьной форме еще старого образца, серой, очень похожей на военную, стою с цветочным горшком в руках. Почему-то не с букетом, а именно с горшком.

— *Хотелось в школу?*

— Нет, не особенно. Мне во дворе нравилось. Два двора были вместе соединены — колодец такой, — там вся наша жизнь и проходила. Мама иногда высунется из окна, крикнет: «Во дворе?» Во дворе. Вот и хорошо, главное, чтобы никуда не убежал, — не разрешали со двора без спросу уходить.

— *И вы ни разу не послушались?*

— Когда мне было лет пять-шесть, я первый раз дошел до угла большой улицы. Естественно, без разрешения. Это было 1 Мая. Я осмотрелся. Народ ходит, шум-гам, жизнь кипит. Я даже испугался немножко.

А когда уже стал постарше, мы с приятелями однажды зимой уехали за город, не сказав ничего родителям. Пропали, короче. Отправились в путешествие. На самом деле сели на электричку, куда-

то заехали. Было холодно. Взяли спички. Кое-как развели костер. Есть нечего. Совсем замерзли. Сели на электричку, поехали назад. Получили ремня. Больше у нас желания путешествовать не возникало.

— **Перестали искать приключений?**

— На время перестал. Особенно когда пошел в школу. С первого по восьмой класс я учился в 193-й школе, которая находилась в том же переулке, что и мой дом, минутах в семи ходьбы. Я всегда опаздывал на первый урок, поэтому даже зимой не успевал толком одеться. Вернее, так: одеться, добежать до школы, раздеться — все это требовало кучу времени. И чтобы его сэкономить, я не одевался, а пулей летел в школу без пальто — и сразу за парту.

— **Впрочем, и сейчас, мы заметили, вы тоже не всегда пунктуальны.**

— Но я стараюсь!

— **А в школе вам понравилось?**

— Какое-то время нравилось. Пока удавалось оставаться, что называется, неформальным лидером. Школа рядом с моим двором. Двор был надежным тылом, и это помогало.

— **Вас слушались?**

— Я не стремился командовать. Важнее было сохранить независимость. А если сравнивать со взрослой жизнью, то роль, которую я тогда играл, была похожа на роль судебной власти, а не исполнительной.

Пока это удавалось — нравилось.

Потом стало ясно, что дворовых навыков недостаточно, — и начал заниматься спортом. Но и этого ресурса для поддержания своего, так сказать, статуса хватило не надолго. Нужно было еще и учиться хорошо. До шестого класса я, честно говоря, учился через пень-колоду.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Мы познакомились, когда Володя еще был в четвертом классе. Их учительница, Тамара Павловна Чиждова, попросила меня: «Вера Дмитриевна, возьмите мой класс. Ребята неплохие».

Я ходила к ним на уроки. Кроме того, организовала кружок немецкого языка. Интересно было посмотреть, кто придет. Пришли человек 10 — 12. Тамара Павловна потом спрашивает: «Ну, кто был?» Я ей рассказываю: Наташа Солдатова, Володя Путин... Она удивилась: «И Володя? На него не похоже». А он с очень большим интересом сидел на занятиях.

Она говорит: «Ну подожди, он тебе еще покажет». «Почему?» Она ответила, что он слишком шустрый, неорганизованный. Он даже пионером не был. Обычно в третьем классе принимали. А его именно потому, что он такой резвый был, и не приняли.

Одни классы учили английский, другие — немецкий. Английский уже был больше в моде, чем немецкий, и английских классов было больше. Володя попал ко мне. В 5-м классе он еще не очень проявлял себя, но я чувствовала, что в нем есть потенциал, энергия, характер. Я увидела большой интерес к языку, он легко схватывал. У него была очень хорошая память, гибкий ум.

Я подумала: из этого мальчишки выйдет толк. Решила уделять ему больше внимания, не давать возможности с дворовыми мальчишками общаться. У него были во дворе друзья, два брата Ковшовы, и вот он с ними лазил, прыгал по крышам гаражей, сараев. Володиному отцу это очень не нравилось. Папа у него был крутого нрава. Но так нам и не удалось Володю от этих Ковшовых отучить.

Отец был очень серьезный, внушительный, вид

сердитый. Я когда в первый раз к ним пришла, то даже испугалась — какой, думаю, строгий человек. А потом оказалось, что в душе очень добрый. Но никаких поцелуйчиков. У них вообще в доме не было сюсюканья.

Вот я к ним тогда пришла и говорю отцу: «Сын-то ваш не занимается в полную силу». А он: «Ну что же делать? Убить, что ли?» Я говорю: «Надо с ним побеседовать. Давайте им займемся вместе — вы дома, а я в школе. Он может учиться без троек, схватывает все на лету». В общем, договорились. Но повлиять на него особо не смогли.

Володя резко изменился сам уже в шестом классе. Он, видимо, поставил себе эту цель; наверное, понял, что надо в жизни чего-то добиваться. Начал учиться без троек, и это ему легко давалось.

Тогда же его наконец приняли в пионеры. Это было в Саблине. Торжественно. Мы пошли на экскурсию в домик Ленина. Около домика и принимали. И сразу после этого он стал председателем совета отряда.

— Что же, вас даже в пионеры только в шестом классе приняли? Неужели до тех пор все было так плохо?

— Конечно, я же хулиган был, а не пионер.

— Кокетничаете?

— Обижаете. Я на самом деле был шпаной.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Большинство ребят тогда увлекались танцами. Вечера бывали в школе, у нас был клуб «Кристалл», мы там спектакль поставили... Но Володя во всем этом не любил принимать участие. Папа очень хотел, чтобы он играл на баяне, и

заставлял его в начальных классах ходить заниматься. Но сам Володя не хотел. Зато на гитаре тренькал с удовольствием. Высоцкого в основном пели, все песни из «Вертикали», про звезды, про Сережку с Малой Бронной.

А вообще он не очень любил компании. Он предпочитал спорт.

Борьбой стал заниматься, чтобы уметь постоять за себя. Занимался где-то у Финляндского вокзала. Четыре раза в неделю ходил, и добился неплохих успехов. Любил это свое самбо. И в соревнованиях стал принимать участие — они часто выезжали в другие города.

«ДЗЮДО — ЭТО НЕ СПОРТ»

Спортом я начал заниматься лет в десять-одиннадцать. Как только стало ясно, что одного драчливого характера не хватает, чтобы быть первым во дворе и в школе, я решил пойти в секцию бокса. Но долго там не продержался: мне очень быстро сломали нос. Боль была страшная — невозможно было дотронуться до кончика носа. Но к врачу я не пошел, хотя вокруг говорили, что надо операцию делать. Я спросил: «Зачем? Так срастется». Действительно, срослось. Но охота заниматься боксом у меня после этого пропала.

И тогда я решил заниматься самбо. Борьба в то время вообще была популярна. Я пришел в секцию недалеко от дома и начал заниматься. Это был простенький зал, принадлежавший спортивному обществу «Труд». Там у меня был очень хороший тренер — Анатолий Семенович Рахлин. Он всю жизнь отдал своему делу, до сих пор тренирует девчонок и мальчишек.

Тренер сыграл в моей жизни, наверное, реша-

ющую роль. Если бы спортом не стал заниматься, неизвестно, как бы все дальше сложилось. Это Анатолий Семенович меня на самом деле из двора выгнал. Ведь обстановка там была, надо честно сказать, не очень.

И вот сначала я занимался самбо, а потом уже пошло дзюдо. Тренер принял решение, что теперь будет дзюдо, и вся наша группа тогда сменила вид борьбы.

Дзюдо — это ведь не просто спорт, это философия. Это уважение к старшим, к противнику, там нет слабых. В дзюдо все, начиная от ритуала и заканчивая какими-то мелочами, несет в себе воспитательный момент. Вот вышли на ковер, поклонились друг другу... А могли и по-другому — вместо «поклонились» сразу противнику в лоб дать.

С теми людьми, с которыми я занимался тогда, до сих пор дружу.

— Покуривали?

— Нет. Может быть, пробовал пару раз, но не курил. А когда начал заниматься спортом, я это просто исключил. Тренировались сначала через день, а потом каждый день, и времени уже ни на что не оставалось. Уже начали появляться другие приоритеты, приходилось самоутверждаться в спорте, добиваться чего-то, появились другие цели. Это, конечно, очень сильно подействовало.

— А карате вы не пробовали заниматься? Ведь это был в то время популярный и где-то запрещенный спорт.

— К карате да и ко всем остальным неконтактным видам спорта мы относились как к разминке, как к балету. Спорт только тогда спорт, когда это связано с потом, с кровью, с тяжелой работой.

Даже когда начался активный интерес к карате, школы всякие начали возникать на коммерчес-

кой основе, мы рассматривали это как дело, связанное только с зарабатыванием денег.

Мы-то никаких денег за занятия не платили — все были из бедных семей. А карате с самого начала было платным, поэтому каратисты считали себя первым сортом.

Однажды мы пришли на тренировку вместе со старшим тренером «Труда» Леонидом Ионовичем. Смотрим, на ковре каратисты занимаются, хотя уже наше время наступило. Леня подошел к их тренеру и сказал ему об этом. Тот даже не посмотрел в его сторону — мол, иди отсюда. Тогда Леня, не говоря ни слова, перевернул его, придушил слегка, убрал с ковра, потому что тот был уже без сознания, и повернулся к нам: «Заходите, располагайтесь». Вот так мы сначала относились к карате.

— **Родители поощряли ваши занятия?**

— Они сначала наоборот считали, что я набираюсь какого-то негативного опыта, который будет использован во дворе и неизвестно чем закончится. Поэтому посматривали на меня с подозрением.

Потом, когда они познакомились с тренером и он стал домой к нам приходить, их отношение изменилось. А уж когда пошли первые успехи, родители поняли, что это серьезно и полезно.

— **Начали выигрывать?**

— Да, годика через два.

ВЕРА ДМИТРИЕВНА ГУРЕВИЧ:

Я вела его с пятого по восьмой класс. А потом мы еще решали, в какую школу ему идти после 8-го класса. У меня этот класс пошел в основном в 197-ю школу, на улице Петра Лаврова. Только он и Слава Яковлев выбрали школу со специализированным химическим уклоном. Думаю, Слава его уговорил.

Я тогда удивилась. А он говорит: «Поучимся, посмотрим...» Он никогда не был нараспашку. В той школе он тоже учился прилично. У него классная руководительница была Минна Моисеевна Юдицкая. Также немецкий язык вела. И я, как ни странно, гораздо чаще, чем раньше, стала бывать в их доме — помогала ему с немецким. Мне хотелось, чтобы он хорошо говорил.

И он мне тоже помогал. Я работала, помимо школы, еще в архитектурно-строительном техникуме, на вечернем. И как-то муж уехал в командировку. А у меня маленькие дочки. И я сказала: «Володя, выручай, я вернусь поздно, девочки могут испугаться, если проснутся». Он пришел посмотреть за ними и даже заночевал. Я считаю, что он добрый человек. Но измены, подлости человеческой не простит никогда и никому. Мне так кажется.

В той школе, как я поняла, Володе не очень нравилось. Пожалуй, кроме уроков литературы. Вел их учитель Кочергин. Делал он это действительно своеобразно и интересно. Давал необычные темы для сочинений. Одна тема, точно помню, меня очень поразила. Необычная по тем временам. «Есть у революции начало, нет у революции конца». Так это же, миленькие мои, на трактат тянет!

Сразу после школы Володя объявил родителям, что пойдет на юрфак. Я не знаю, что повлияло на его выбор. Почему юрфак? Мы сперва-то думали, что он пойдет в технический институт. И Лена Грязнова поступила в Технологический институт. А ведь их с Леной многое связывало. Она чуть не в шестом классе появилась в их доме. Хотя он вообще-то не особенно интересовался девочками. Девочки им больше интересовались.

Так вот, он вдруг неожиданно для всех заявляет: «Я в университет буду поступать». Я говорю: «Как?» Он: «Этот вопрос я решу сам».

«ИНИЦИАТИВНИКОВ НЕ БЕРЕМ!»

Еще до того как окончил школу, у меня возникло желание работать в разведке, хотя это и казалось недостижимым, как полет на Марс. Книжки читал, фильмы смотрел. Правда, вскоре захотелось стать моряком. Но потом опять разведчиком. А в самом начале очень хотелось быть летчиком.

В Ленинграде есть Академия гражданской авиации — я туда всерьез собирался. Литературу читал, какой-то журнал даже выписывал. Но потом книги и фильмы типа «Щит и меч» сделали свое дело. Больше всего меня поражало, как малыми силами, буквально силами одного человека, можно достичь того, чего не могли сделать целые армии. Один разведчик решал судьбы тысяч людей. Так, во всяком случае, я это понимал.

И уже никакая Академия гражданской авиации меня больше не интересовала. Я свой выбор сделал.

Правда, родители это поняли не сразу. К ним пришел мой тренер и говорит: «Есть конкретное предложение. Володя как спортсмен может практически без экзаменов поступить в институт».

Они, конечно, обрадовались и стали меня уговаривать. Тренер вообще не мог понять, почему я сопротивляюсь. «Стопроцентное поступление! В ту же Академию гражданской авиации, — говорил он родителям. — А если он провалится в университет, то пойдет в армию».

Ситуация у меня оказалась сложной. Отец очень властный человек был. Но я просто намертво стоял на своем. Сказал, что решил окончательно.

Потом к ним еще один мой тренер подключился, из общества «Труд», тот самый Леонид Ионович. Хитрый мужик. «Ну что, — говорит, — поступаешь?» Я говорю: «Да». Он: «Куда?» Хотя, конечно, все знал. Я говорю: «В университет». Он: «Это хорошо, молодец, а на какой факультет?» Я говорю: «На юридический». Он как заорет: «Что, людей ловить? Ты что? Ты же ментом будешь, ты понял?» Я обиделся: «Я ментом не буду!» То есть он целый театр устроил.

Год они меня душили ежедневно. Что вообще-то усилило мое желание поступить на юридический. А почему именно юридический, я сейчас объясню.

Чтобы узнать, как становятся разведчиками, я где-то в начале 9-го класса сходил в приемную Управления КГБ. Ко мне вышел какой-то дядя. Как ни странно, выслушал меня. «Хочу, — говорю, — у вас работать». — «Отрадно, но есть несколько моментов». — «Каких?» — «Во-первых, — говорит, — мы инициативников не берем. Во-вторых, к нам можно попасть только после армии или какого-нибудь гражданского вуза».

Я, естественно, поинтересовался: «После какого вуза?» Он говорит: «После любого!» Он, видно, уже хотел от меня отвязаться. А я говорю: «А предпочтительнее какой?» — «Юридический!» — «Понял».

И с этого момента начал готовиться на юрфак Ленинградского университета. И уже никто не мог меня остановить.

Но армией родители и тренеры еще долго меня пугали. Они не понимали, что и армия меня вполне устраивала. Конечно, это удлиняло немного, усложняло мою историю, но не уводило в сторону от курса.

Однако тренеры, между прочим, были фантастически изобретательны. Когда я ходил на подгото-

вательные курсы в университет, то узнал, что составляют списки спортсменов, которым дается преимущество при поступлении. Я точно знал, что меня в этом списке нет. Но когда поступил на юрфак и уже начал учиться, преподаватель физкультуры заставлял меня перейти в «Буревестник». Я его спрашиваю: «Это с чего вдруг я должен переходить?» Он: «Мы тебе помогали поступить, так что будь добр...» А я чувствую, что-то не то.

Вот он мне раз это сказал, два, потом у нас уже до конфликта дело дошло. И тогда я пошел к декану. Пришел и прямо говорю: «Меня заставляют переходить в «Буревестник». Я считаю, что не должен этого делать». А декан, профессор Алексеев — хороший был, добродушный человек — спрашивает: «А почему заставляют-то?» Я ему: «Потому что говорят, якобы помогли мне, как спортсмену, поступить, и поэтому я теперь обязан выступать за «Буревестник»

Он говорит: «Да? Не может быть! У нас все поступают на равных условиях, по знаниям, а не по спискам. Впрочем, подожди». И при мне достал из стола какой-то список, заглянул в него, спросил, как моя фамилия. Я ему ответил, а он: «Нет тебя в списке, так что можешь смело посылать все подобные предложения». Что я и сделал.

Тем не менее на первенстве вузов я выступал за университет, так как это можно было делать без перехода из общества в общество.

Но они все равно своих попыток не оставляли. Я им сто раз сказал, что не уйду из «Труда»: там же были все мои друзья, первый тренер. Сказал, что никуда не пойду, буду выступать за того, за кого захочу.

«ШЛЮПКА, ЗВЕЗДЫ И ТУШЕНКА»

— *Сложно было поступить?*

— Сложно, потому что курс состоял из 100 человек, и всего 10 из них брали сразу после школы. Остальных — после армии. Поэтому для нас, школьников, конкурс был где-то 40 человек на место. Я по сочинению четверку получил, но все остальные сдал на пятерки — и прошел. Между прочим, средний балл аттестата тогда еще не учитывался, поэтому я в десятом классе смог полностью сосредоточиться на предметах, которые надо было сдавать в университет. Если бы я тогда не прекратил заниматься остальными предметами, ни за что не поступил бы.

Слава Богу, в школе были очень умные и тактичные учителя. Для них главным было — подготовить учеников к поступлению в вуз. И как только стало ясно, что я не собираюсь быть химиком, а хочу пойти по гуманитарной линии, мне не стали мешать. Даже наоборот, одобрили.

— *В университете учились, видимо, хорошо, имея в виду свою перспективу?*

— Хорошо учился. Общественной работой не занимался, комсомольским функционером не был.

— *Стипендии хватало на жизнь?*

— Не хватало.

Так получалось, что первое время я сидел на шее у родителей. Студент, денег нет. Вот, допустим, в стройотряде зарабатывали тогда много. А толку-то? Съездил я в стройотряд. В Коми рубили просеку под ЛЭП, ремонтировали дома. Закончили работу, выдали нам пачку денег, где-то тысячу, что ли, рублей. Машина в то время стоила три с половиной — четыре тысячи. А мы за полтора месяца по тысяче получали! Так что деньги немаленькие. Просто огромные, честно говоря.

Итак, получили деньги. Надо же что-то с ними делать. Я с двумя приятелями, не заезжая в Ленинград, поехал в Гагры на отдых.

Приехали. В первый же день напился портвейна, заели его шашлыками и стали думать, что же делать дальше. Куда идти ночевать? Где-то, наверное, были какие-то отели, но мы о них и не мечтали. И уже поздним вечером поселились в частном секторе, какая-то бабка нас подобрала.

Несколько дней мы купались, загорали. Хорошо отдыхали. Потом стало ясно, что придется как-то выбираться оттуда и домой ехать. А деньги, надо признаться, уже на исходе. Мы думали-думали и нашли самый дешевый способ проезда — палубные места на теплоходе. Теплоход шел до Одессы, а дальше — поездом в общем вагоне на третьей полке до Питера. Была раньше такая услуга, называлась «смешанная перевозка».

Посмотрели мы в своих карманах — остались совсем гроши. На оставшиеся деньги решили купить тушенки. Причем один мой приятель был человек довольно аккуратный, у него денег побольше осталось, чем у другого приятеля, разгильдяя. Сейчас, кстати, оба в адвокатуре работают.

И вот когда мы экономному дружку сказали, что надо бы скинуться, он задумался, а потом гово-

рит: «Что-то тяжелая это вещь для желудка — тушенка. Не очень это правильно будет». Мы говорим: «Ну ладно, хорошо, поехали».

Но еще оказалось, что надо сесть на пароход. Мы подошли к пристани, увидели большую толпу, просто огромную. Правда, и пароход был большой. Красивый, белый. Тут нам и рассказывают, что пускают только тех, у кого есть билеты в каюты. Палубных пассажиров пока не пускают.

Приятель, который отказался тушенку покупать, и говорит: «Что-то не нравится мне все это. Есть смутные подозрения, что не все ладно. Давайте попробуем пройти прямо сейчас».

А у нас ведь еще особенные билеты были, потому что перевозка смешанная. У всех палубных пассажиров маленькие такие талончики из плотного картона, а у нас — большие, как у пассажиров с настоящими местами. Я говорю: «Да неудобно, давайте постоим, подождем». Он говорит: «Вот ты тогда и стой, а мы пошли». Они пошли, а я, конечно, тоже за ними увязался.

Контролер спрашивает: «У вас какие билеты?» — «Вот, у нас — большие». — «А, проходите».

И нас пропустили как приличных людей. И тут боцман или кто-то еще как закричит: «Есть еще приличные пассажиры?» Тишина.

Он еще раз спрашивает: «Остались только палубные пассажиры?» Те, в надежде, что их сейчас запустят, с радостью кричат: «Да! Только палубные!» — «Поднять трап!»

Резко начали поднимать трап, и тут такое началось! Обманули, в общем, людей. Они же деньги заплатили. Как потом объясняли, с ними перегруз был.

Если бы мы не сели, так бы на причале и остались. Потому что денег уже ни копейки не было из тех, что мы в тайге заработали. Последние ушли

на тушенку и билеты. И куда бы мы делись без денег, непонятно.

А так расположились прямо в спасательной шлюпке, она над водой висела. И плыли как в гамаке. Я две ночи в небо смотрел, не мог оторваться. Пароход идет, а звезды как будто зависли, понимаете? Ну, морякам это хорошо известно. Для меня же это было любопытное открытие.

Вечером разглядывали пассажиров из кают. Почему-то немного было грустно смотреть, какая там красивая жизнь. У нас ведь только шлюпка, звезды и тушенка.

У нашего экономного приятеля и тушенки не было. Он не выдержал и пошел в ресторан. И там ему такая картина открылась, такие цены, что он очень быстро вернулся и сказал нам довольно безразлично: «Ну, пожалуй, тушечки я бы махнул». Но другой приятель, человек строгих правил, говорит: «Нет, ты знаешь, мы должны позаботиться о твоём желудке. Ему тяжело будет». Так он у нас и постился еще сутки. Жестко, конечно, но справедливо.

«ВМЕСТО ВЫДОХА Я ПРОСТО ХРИПЕЛ»

Когда я начал учиться в университете, появились другие стимулы, другие ценности, я в основном сосредоточивался на учебе, а к спорту уже относился как к делу второстепенному. Но тренировался, конечно, регулярно, и во всесоюзных соревнованиях участвовал, хотя как-то по инерции, что ли.

В 1976 году стал чемпионом города. В нашей секции вообще тренировались не только такие, как я, любители, а профессионалы, чемпионы Европы, мира, Олимпийских игр. И по самбо, и по дзюдо.

Норматив мастера спорта по самбо я выполнил, когда уже учился в университете, а еще через

два года стал мастером спорта по дзюдо. Я не знаю, как сейчас, но тогда нужно было в течение года набрать энное количество побед над соперниками определенного уровня, плюс к этому обязательно занять какое-то место на серьезных соревнованиях. Скажем, войти в тройку на первенстве города либо на всесоюзном первенстве общества «Труд».

Навсегда запомнил несколько схваток.

В конце одной из них я почти не мог дышать, только хрипел. Парень попался крепкий, и я настолько все силы отдал, что вместо вдоха и выдоха из груди шел хрип. Выиграл с небольшим преимуществом.

Еще одна схватка запомнилась на всю жизнь, хотя я и проиграл ее, с чемпионом мира Володей Кюлленином. Он потом погиб. Стал пить, и где-то на улице его убили. А спортсмен был отличный, просто блестящий. Талантливый был человек.

Но тогда он еще не пил. У нас первенство города было. Он уже был чемпионом мира. И с первых минут я его запустил через спину, причем так красиво, с амплитудой. В принципе должны были тут же остановить схватку, но поскольку он чемпион мира, было неприлично так сразу закончить борьбу. Поэтому мне дали очки, и мы продолжили. Конечно, он был сильнее, но я старался. При проведении болевого приема любой возглас считается сигналом о сдаче. Когда он проводил болевой прием — перегибание локтевого сустава в обратную сторону, — схватку остановили. Поскольку судье показалось, что я издал какие-то утробные звуки. В итоге он выиграл. Но, несмотря на это, я до сих пор вспоминаю эту схватку. А проиграть чемпиону мира было не стыдно.

Была еще одна схватка, которая запомнилась мне на всю жизнь. Но я в ней, правда, не участвовал. В университете у меня был друг. Я сам угово-

рил его придти в спортзал. Он начал заниматься дзюдо, очень неплохо. Были какие-то соревнования. Он боролся, сделал бросок вперед и воткнулся головой в ковер. Произошло смещение позвонков и его парализовало. Умер в больнице в течение десяти дней. Хороший был парень. А я до сих пор жалею, что заразил его дзюдо...

На соревнованиях и сборах травмы вообще не были редкостью. И руки ломали, и ноги. Мучили нас на этих сборах, конечно.

Мы часто ездили на спортивную базу под Ленинград, на озеро Хипшиярви. Озеро довольно большое, диаметром около 17 километров. Утром вставали и первым делом — пробежка вокруг озера. После бега — зарядка, потом тренировка, завтрак, тренировка, обед, после обеда отдых, опять тренировки.

Много ездили по стране. Там тоже разное случалось. Как-то приехали на сборы в Молдавию — готовились к Спартакиаде народов СССР. Жарко было ужасно. Идем с тренировки вместе с моим другом, Васей, а везде вино продают. Он и говорит: «Давай махнем по бутылочке винца». Я ему говорю: «Жарко». — «Зато расслабимся, отдохнем». — «Ну, давай возьмем». Взяли с ним по бутылке вина, пришли в номер, после обеда завалились на кровать, он открывает бутылку: «Ну давай». Говорю: «Жарко. Я не буду». — «Да? Ну, как хочешь». Р-р-раз — выпил бутылку. Посмотрел на меня: «Точно не будешь?» Я говорю: «Точно». Берет вторую бутылку: — р-р-раз, и ее выпил. Поставил на стол — бабах! И тут же захрапел, просто мгновенно. Я так пожалел, что не согласился с ним выпить! Ворочался-ворочался, потом не выдержал, растолкал его. Говорю: «Ты, хряк, прекрати! Храпишь как слон».

Так что по-разному отдыхали. Но это исключение, обычно там не было такого разгула, потому что и так очень тяжело было на тренировках.

Разное было. Вместе со мной тренировался здоровенный парень, Коля его звали. Он мало того что огромный был, у него еще и лицо было выразительное — челюсть массивная выдавалась вперед, взгляд исподлобья. В общем, доброе такое лицо. И вот к нему как-то вечером хулиганы пристали в темной подворотне. А он им говорит: «Ребята, тихо, тихо. Сейчас, одну секундочку». Достал спички, чиркнул, поднес к своему лицу: «Посмотрите на меня». Инцидент враз был исчерпан.

«ПОНИЖЕННОЕ ЧУВСТВО ОПАСНОСТИ»

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН,

солист Симфонического оркестра Мариинского театра, друг семьи Путиных, крестный отец старшей дочери Маши:

Володя учился вместе с моим братом. Я жил в другом городе, и, когда оказался в Ленинграде, брат рассказал мне про Вовку.

Он приехал к нам с братом, и мы познакомились. Это было, кажется, в 1977 году. Встретились и уже не расставались. Он мне просто как брат. Раньше, когда мне некуда было деться, я шел к нему, и у него спал и ел.

Так вот, познакомились. Потом меня забрали в армию, я служил в Ленинграде. Он как-то приехал ко мне на своем «Запорожце». Я через забор перелез и убежал в самоволку. И мы поехали кататься на машине по ночному Ленинграду. У машины глушитель был сломан, мы с ним гоняли и пели песни. Даже могу вспомнить:

*Этот вечер был всего один,
Утром чей-то поезд уходил,
А чуть позже чей-то самолет...*

Страшно самозабвенно пели. И громко. Глушитель ведь не работал.

Как-то маме вместо сдачи в столовой дали лотерейный билет, и она выиграла «запорожец». Я тогда учился на третьем, кажется, курсе.

Долго думали, что с этой машиной делать. Жили мы скромно. Я себе первое пальто купил только когда еще раз в стройотряд съездил, через год после отдыха с ребятами в Гаграх. Это было первое приличное пальто. С деньгами в семье было туго, и решиться в этих условиях отдать мне машину казалось абсолютным безумием. Ведь можно было продать ее, деньги получить — три с половиной тысячи, не меньше. Можно было бы хорошо подправить семейный бюджет, но родители решили меня побаловать. Отдали «Запорожец» сыночку, и он на нем благополучно рассекал. Я на этом «Запорожце» все время ездил, даже на сборы.

Я лихачом был. И при этом все время боялся разбить машину. Как ее потом восстанавливать?

— **Один раз вы все-таки в аварию попали. Человека сбили.**

— Я тогда не виноват был, это выяснили. Он сам, что ли, прыгнул... Счеты с жизнью сводил... Не знаю, что он там творил, балбес какой-то. Он убежал тут же.

— **Говорят, вы пытались догнать его.**

— То есть?! Вы что, думаете, я его машиной сбил, а потом еще пытался догнать? Не такой уж я зверь. Просто вышел из машины.

— **Вы в критических ситуациях спокойным становитесь?**

— Спокойным. Чересчур даже. Позже, когда я учился в разведшколе, мне в одной характеристике записали как отрицательную черту: «Пониженное чувство опасности». И этот недостаток считался очень серьезным.

Нужно немножко больше на взводе быть в таких ситуациях, чтобы качественно реагировать. На самом деле это важно. Страх как боль. Заболело что-то — значит, неладно в организме. Долго потом пришлось над собой работать.

— **Вы, видимо, не азартный человек?**

— Нет, не азартный.

Уже к концу университета мы ездили на военные сборы. Там были и два моих друга, с одним из которых мы в Гагры ездили. Два месяца провели на этих сборах. Было, конечно, попроще, чем на спортивных, и быстро надоело. Там основное развлечение — карты. Играли в карты, а потом ходили к бабке в деревню за молоком. Кто выигрывает — покупает молоко. Я играть сразу отказался, а они — нет. И все быстро проиграли. Когда у них совсем ничего не осталось, они подошли и говорят: «Дай нам денег». Азартные были игроки. Я думаю: дать, что ли, им? Проиграют же. А они: «Да ладно, тебя твои гроши все равно не спасут. Отдай нам». А я же говорю — у меня пониженное чувство опасности. Отдал.

Они на эти деньги так раскрутились! Сначала очень много выиграли, а потом все оставшееся время никак не могли их проиграть. Мы каждый вечер к бабке ходили молоко покупать.

«Я СКАЗАЛ ЕЙ ПРАВДУ...»

— **Университетское время — как раз для романов. У вас были?**

— А у кого не было? Но ничего серьезного... Если не считать одной истории.

— **Первая любовь?**

— Да. Мы с ней собирались сочетаться узами законного брака.

— Когда же это случилось?

— Года за четыре до того, как я действительно женился.

— Тогда не получилось?

— Нет.

— А что помешало?

— Что-то. Интриги, конечно.

— И она вышла за другого?

— За другого? Позднее.

— Кто же решил, что вы не поженитесь?

— Я. Я принял это решение. Мы уже подали заявление. Все было совсем готово. Родители с обеих сторон все закупили — кольца там, костюм, платье... Это было одно из самых сложных решений в жизни. Очень было тяжело. Я выглядел как последний негодяй. Но я решил, что лучше все-таки сейчас, чем потом мучиться и ей, и мне.

— То есть ушли просто из-под венца?

— Да, почти. То есть я, конечно, никуда не сбежал, я сказал ей всю правду, все, что считал нужным.

— Не хотите говорить об этом?

— Да... сложная история. Так получилось. Было действительно тяжело.

— Не жалеете?

— Нет.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Эта его девочка мне нравилась, хорошая девочка. Медик, с сильным характером, была, знаете, другом ему, что ли, женищиной, которая может заботиться о нем. Только любила ли она его? Вот Люда, жена его, или Людик, как мы ее звали, любит.

Я с этой девушкой, кажется, ее тоже Людой звали, в замечательных отношениях был. Она заботилась о его здоровье. Не просто: «Ах, до-

рогой, как ты себя чувствуешь?» Она говорила: «Так, у тебя, мне кажется, желудок болит...» Не знаю, что между ними произошло. Он ничего мне не рассказывал. Сказал только, что все кончилось. Мне кажется, что-то произошло только между ними, ведь их родители были согласны на брак.

Он, конечно, переживал. Дело в том, что мы с ним Весы и очень близко к сердцу такие вещи принимаем. И в то время я видел, что он... что его... Он в принципе человек очень эмоциональный, но эмоции выражать совершенно не умел. Я ему, например, говорил: «Вовка, ты же просто страшно разговариваешь. Как же ты говоришь так?»

Сейчас-то он, конечно, Цицерон по сравнению с тем, как говорил тогда. Я ему объяснял: «Ты говоришь очень быстро, а никогда не надо говорить быстро». Я, будучи артистом, хотел помочь ему. Эмоции-то у него сильные были, а в форму их облечь он не мог. Потому что служба, мне кажется, накладывала штампы на его речь. Вот сейчас он замечательно, блестяще говорит. Эмоционально, емко, понятно. Где научился?

«ЕСЛИ НЕ ХОТЯТ ГОВОРИТЬ КУДА, ЗНАЧИТ — ТУДА!»

Все эти годы в университете я ждал, что обо мне вспомнит тот человек, к которому я тогда приходил в приемную КГБ. А оказалось, что про меня, естественно, забыли. Я же к ним пришел школьником. Кто же знал, что я такую прыть проявлю? А я помнил, что у них инициативников не берут, и поэтому не давал знать о себе.

Четыре года прошло. Тишина. Я решил, что все, тема закрыта, и начал прорабатывать варианты трудоустройства сразу в два места — в спецпрокуратуру (она и сейчас на режимных объектах существует) и в адвокатуру. Это было престижное распределение.

Но на четвертом курсе на меня вышел один человек и предложил встретиться. Правда, человек этот не сказал, кто он такой, но я как-то сразу все понял. Потому что он говорит: «Речь идет о вашем будущем распределении, и я хочу на эту тему с вами поговорить. Я бы пока не хотел уточнять куда».

Тут я все и смикитил. Если не хочет говорить куда, значит — туда.

Договорились встретиться прямо на факультете, в вестибюле. Я пришел. Прождал его минут где-то двадцать. Ну думаю, свинья какая! Или кто-то пошутил, обманул? И уже хотел уходить. Тут он и прибежал запыхавшийся.

— Извини, — говорит.

Мне это понравилось.

— Впереди, — говорит, — Володя, еще очень много времени, но как бы ты посмотрел, в общем и целом, если бы тебе предложили пойти на работу в органы?

Я ему тогда не стал говорить, что я со школы мечтаю об этом. А не стал только потому, что по-прежнему хорошо помнил тот разговор в приемной: «Инициативников не берем».

— А вы, когда на работу в органах соглашались, про 37-й год думали?

— Честно скажу: совершенно не думал. Абсолютно. Я недавно встречался в Питере с бывшими сотрудниками Управления КГБ, с которыми когда-то начинал работать, и говорил с ними о том же самом. И могу повторить то, что сказал им.

Я, когда принимал предложение того сотрудника отдела кадров Управления (он, впрочем, оказался не по кадрам, а сотрудником подразделения, которое обслуживало вузы), не думал о репрессиях. Мои представления о КГБ возникли на основе романтических рассказов о работе разведчиков. Меня, без всякого преувеличения, можно было считать успешным продуктом патриотического воспитания советского человека.

— *Вы что, ничего не знали о репрессиях?*

— Толком даже и не знал. Да, я, конечно, был в курсе культа личности, того, что пострадали люди, а потом было развенчание культа личности... Я же совсем пацан был! Когда в университет поступал, мне 18 лет было, а когда окончил — 23!

— *Но те, кто хотел знать, знали все.*

— Мы ведь жили в условиях тоталитарного государства. Все было закрыто. Насколько глубоким был этот культ личности? Насколько серьезным? Ни я сам, ни кто-то из моих друзей не отдавали себе в этом отчета. Так что я шел на работу в органы с романтическими представлениями.

Но после разговора в вестибюле все вдруг затихло. Пропал тот человек. Уже комиссия по распределению на носу. И тут опять звонок. Приглашают в отдел кадров университета. Разговаривал со мной Дмитрий Ганцеров, я фамилию запомнил. Он и провел со мной первую установочную беседу накануне распределения.

А на самой комиссии чуть не случился казус. Когда дошли до моей фамилии, представитель отдела юстиции сказал: «Да, мы берем его в адвокатуру». Тут резко проснулся опер, курировавший распределение, — он до этого спал где-то в углу. «Нет-нет, — говорит, — этот вопрос решен. Мы

берем Путина на работу в органы КГБ». Прямо на распределении сказал, открыто.

И уже через несколько дней заполнил какие-то бумаги, всякие там анкеты.

— Вам сказали, что вас берут для работы в разведке?

— Конечно, нет. В том-то и дело, что подход правильный был. Говорили примерно так: «Предлагаем поработать на том участке, на который пошлем. Готовы?» Кто-то отвечал: «Мне надо подумать». Все, иди, следующий. И шансов больше у этого человека нет. Если он начинает ковырять в носу: там хочу, а там не хочу, — то его очень сложно использовать.

— Вы, видимо, сразу сказали, что готовы работать, куда пошлют?

— Да. Разумеется. Да они и сами не знали, где я буду работать. Они просто брали людей. Это на самом деле рутинное дело — подбор кадров. Определить, куда и кого именно направить. И мне сделали именно такое рутинное предложение.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Вовка сразу сказал мне, что работает в КГБ. Практически сразу. Может, он и не должен был этого делать. Некоторым он говорил, что работает в милиции. Я, с одной стороны, осторожно относился к этим ребятам, потому что сталкивался с ними. Я выезжал за границу и знал, что с любой группой ездили якобы инспекторы или представители Министерства культуры, с которыми нужно было держать язык за зубами.

Я одному коллеге своему как-то говорю: «Да ладно, нормальные, хорошие ребята». А он ответил: «Чем больше ты с ними разговариваешь, тем больше на тебя том на Литейном, 4».

Я у Володи никогда не спрашивал ничего про работу. Мне, конечно, интересно было: а как там? Но точно помню: как-то раз решил все-таки его со всех сторон окружить и выяснить про какую-нибудь спецоперацию. Но ничего у меня не вышло.

А потом я его спросил: «Я — виолончелист, я играю на виолончели. Я никогда не смогу быть хирургом. Но я — хороший виолончелист. А у тебя что за профессия? Я знаю, ты — разведчик. Не знаю, что это значит. Ты кто? Что ты можешь?»

И он мне сказал: «Я — специалист по общению с людьми». На этом мы разговор закончили. И он действительно считал, что профессионально разбирается в людях. А когда я развелся со своей первой женой, Ириной, он говорил: «Я точно предвидел, что так и будет». Я был с ним не согласен, я не считал, что у нас с Ириной все было ясно с самого начала. Но слова его произвели на меня большое впечатление. Я гордился и очень дорожил тем, что он — специалист по общению с людьми.

МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ

«ИНСТРУКЦИЯ И ЕСТЬ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЗАКОН»

— Меня оформили сначала в секретариат Управления, потом в контрразведывательное подразделение, и я там проработал около пяти месяцев.

— Это было то, что вы себе представляли? То, чего так ждали?

— Конечно, нет. Я все-таки после университета пришел. Была уже определенная подготовка. И вдруг я вижу стариков, которые трудились еще в те незабвенные времена. Некоторые уже вот-вот должны были уйти на пенсию.

Помню, они как-то разрабатывали одно мероприятие. Сидела целая группа. Меня тоже привлекли. Я уже не помню детали, но один говорит: «Давайте так-то и так-то сделаем. Согласны?» Я говорю: «Нет, это неправильно». — «Что такое, почему неправильно?» — «Это противоречит закону». Он удивляется: «Какому закону?» Я называю закон. Они говорят: «Но у нас же есть инструкция». Я опять про закон. Они ничего не понимают — и опять про инструкцию. Я говорю: «Так это же инструкция, а не закон».

А собеседник мой искренне и с удивлением: «Для нас инструкция и есть самый главный закон». Причем сказал дед без иронии. Абсолютно.

Так они были воспитаны, так работали. Я так не мог. И не только я, но и практически все мои ровесники.

Несколько месяцев покрутился формально, подшивал дела какие-то. А через полгода меня отправили на учебу, на шесть месяцев, на курсы переподготовки оперативного состава. Это была ничем не примечательная школа у нас, в Ленинграде. Считалось, что база у меня есть, а нужна чисто оперативная подготовка. Я там проучился, вернулся в Питер и еще где-то около полугода отработал в контрразведывательном подразделении.

— **Что это было за время?**

— Что за время? Конец 70-х. Сейчас говорят: «В тот момент Леонид Ильич начал закручивать гайки». Но это было не очень заметно.

— **А в работе органов что-нибудь изменилось?**

— Знаете, на самом деле многие вещи, которые правоохранительные органы стали позволять себе с начала 90-х годов, тогда были абсолютно невозможны. Действовали как бы из-за угла, чтобы не торчали уши, не дай Бог. Я для примера расскажу только одну историю. Допустим, группа диссидентов собирается в Ленинграде проводить какое-то мероприятие. Допустим, приуроченное к дню рождения Петра Первого.

— **Да, давайте просто предположим.**

— Диссиденты в Питере в основном к таким датам свои мероприятия приурочивали. Еще они любили юбилеи декабристов.

— **Диссиденты же.**

— Действительно. Задумали, значит, мероприятие с приглашением на место события дипкорпуса, журналистов, чтобы привлечь внимание мировой общественности. Что делать? Разгонять нельзя, не велено. Тогда взяли и сами организовали возложение венков, причем как раз на том месте,

куда должны были прийти журналисты. Созвали обком, профсоюзы, милицией все оцепили, сами под музыку пришли. Возложили. Журналисты и представители дипкорпуса постояли, посмотрели, пару раз зевнули и разошлись. А когда разошлись, оцепление сняли. Пожалуйста, идите кто хочет. Но уже неинтересно никому.

— **Вы тоже принимали участие в этой операции?**

— Нас не особенно привлекали к этим мероприятиям.

— **Откуда же вы знаете такие подробности?**

— Так особого секрета из этого никто и не делал. В столовой встречались, разговаривали. Я к чему все это говорю? К тому, что действовали, конечно, неправильно, и это было проявлением тоталитарного государства. Но показывать уши считалось неприличным. Было все не так грубо.

— **И история с Сахаровым не была грубой?**

— История с Сахаровым была грубой.

«ВОТ ВЫШЛИ ЛЮДИ СО СКРИПКАМИ...»

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Мы с Вовкой после работы в филармонию иногда ходили. Он меня спрашивал, как правильно слушать симфоническую музыку. Я ему пытался объяснить. И вообще, если вы его спросите сейчас про Пятую симфонию Шостаковича, то он вам очень подробно расскажет, о чем там, потому что ему страшно нравилось, когда он слушал, а я объяснял. И когда потом Катя и Маша стали музыкой заниматься, в этом тоже я виноват.

Я совершенно убежден, что наши лекторы, которые ведут заумные беседы с публикой о му-

зыка, дико не правы. Пропанганда классической музыки ведется абсолютно бездарно. Я ему рассказывал, что должен и видеть и слышать нормальный человек. Он честно спрашивает: «Вот вышли люди со скрипками, дирижер... Зачем?» Я ему тоже честно объясняю: «Смотри, заиграла музыка. Вот мирная жизнь, строят коммунизм. Видишь, какой аккорд: та-ти, па-па. А сейчас издали появится фашистская тема, посмотри: вот она идет — вон те медяшки заиграли, это медные духовые инструменты. Эта тема сейчас будет расти. А вот та, которая была в самом начале, где мирная жизнь. Они сейчас будут сталкиваться, то тут, то здесь, то тут, то здесь». Ему страшно нравилось.

У него очень сильный характер. Допустим, я намного лучше играл в футбол. Но ему проигрывал, потому что он цепкий был, как бульдог. Он меня просто уже доставал. Я три раза отберу мяч, и три раза он у меня обратно его вырвет. Страшно настырный характер, который проявлялся буквально во всем. Он же был чемпионом Ленинграда по дзюдо в 76-м году.

Один раз, перед самым отъездом в Германию, мы поехали к Васе Шестакову в спортивный лагерь. Вася — его друг, он там тренером работал с юношами. Приехали ночью. Нам Вася сказал: «Вон там какие-то койки, вы найдите свободное место...» Мы нашли. А утром ребята из лагеря проснулись и говорят: «Смотрите, два каких-то мужика. Можно взять их без шума и пыли». Ну ладно, думаю.

Потом эти ребята на тренировку пошли, на ковер. Они тоже дзюдо занимались. И Вася говорит Володе: «Хочешь побороться?» Он отвечает: «Да нет, ну что ты...» — «Ну, покажи

им!» — «Да нет, я уже не стоял на ковре несколько лет!» Я тоже говорю: «Ну что ты? Давай! Они же хотели нас без шума и пыли взять...» И Вася продолжает к нему приставать. «Ну ладно, — говорит, — уговорили». Ему нужно было кимоно, он подошел к парнишке: «Слушай, не дашь куртку побороться?» А тот ему небрежно: «Возьми у кого-нибудь другого». Он у кого-то взял и вышел на ковер. И парнишка тот выходит. Вовка его швырнул так, что ему сразу дали чистую победу. И Вася радостно в мегафон: «Победу одержал мастер спорта, чемпион Ленинграда 1976 года Владимир Путин!» Володя снимает кимоно, отдает его и спокойно уходит, даже голову опустил. Я этому парнишке говорю: «Это тебе еще повезло, что я не боролся».

А однажды, на Пасху, он позвал меня на Крестный ход. Володя стоял в кордоне, за порядком следил. И спросил меня: «Хочешь подойти к алтарю, посмотреть?» Я, конечно, согласился. Такое мальчишество в этом было — никому нельзя, а нам можно. Посмотрели мы Крестный ход и отправились домой. Стоим на остановке, подошли какие-то люди к нам. Не бандиты, нет, может, какие-то студенты, но подвыпившие: «Закурить не найдется?» Я промолчал, а Вовка отвечает: «Не найдется». — «А ты чего так отвечаешь?» Он: «А ничего». Что произошло дальше, я просто не успел понять. Помоему, один из них его толкнул или ударил. И я увидел только, как перед глазами промелькнули чьи-то носки. И парень куда-то улетел. А Володька мне спокойно говорит: «Пойдем отсюда!» И мы ушли.

Мне так понравилось, как он обидчика кинул! Раз — и ноги в воздухе.

Пока я полгода работал в контрразведывательном подразделении, на меня, видимо, обратили внимание сотрудники внешней разведки. Начали со мной беседовать. Одна беседа, вторая, еще раз и еще... Разведка постоянно активно ищет себе людей, в том числе среди кадровых сотрудников органов безопасности. Брали молодых, подходящих по некоторым объективным данным.

Конечно, мне хотелось в разведку. Считалось, что разведка — это белые воротнички в органах. Очень много блатников было, конечно. Это факт, к сожалению. Потому что мы все знаем, что такое для человека был выезд за границу в условиях Советского Союза.

Естественно, я согласился, потому что это было интересно. Довольно быстро уехал на спецподготовку в Москву, где пробыл год. Потом вернулся опять в Ленинград, проработал там, как раньше говорили, в первом отделе. Первое главное управление — это разведка. В этом управлении были подразделения в крупных городах Союза, в том числе и в Ленинграде. Там я проработал где-то четыре с половиной года, после этого опять поехал в Москву на учебу в Краснознаменный институт имени Андропова. Сейчас это Академия внешней разведки.

МИХАИЛ ФРОЛОВ,

полковник в отставке, преподаватель Краснознаменного института имени Андропова:

Я проработал в Краснознаменном институте (КИ) 13 лет. Владимир Путин поступил ко мне из Ленинградского управления КГБ в звании майора.

Я решил посмотреть его в роли старшины отделения. Старшина отделения в Краснознамен-

ном институте — это не просто какое-то дежурное назначение. От старшины отделения многое зависит. Здесь нужны и организаторские способности, в определенной степени тактичность, деловитость. Мне показалось, что у Путина все это есть. Учился он ровно, без сбоев, не было никаких казусов, как не было повода усомниться в его честности и искренности.

Я помню, что он приходил ко мне на доклад в «тройке-костюме», несмотря на то что на улице 30-градусная жара, и я сидел в рубашке с короткими рукавами. Он считал необходимым являться к руководителю вот так строго, в деловом костюме. Я даже в пример его ставил другим: «Вот посмотрите на товарища Платова!» Там же не называли по настоящим фамилиям, поэтому Путин был не Путиным, а Платовым. Как правило, первую букву фамилии оставляли. Сам я, когда учился в разведшколе, назывался Филимоновым.

В Краснознаменном институте не только обучали правилам разведки и контрразведки. Львиная доля нашей деятельности состояла в изучении слушателя, его профессиональной пригодности, его личных качеств. Нам надо было определить в конце концов, годится ли слушатель для работы в разведке.

Обучение в нашем институте — своего рода испытательный полигон. Вот я, например, преподавал искусство разведки. Что это значит? Это умение входить в контакт с людьми, умение выбирать нужных нам людей, умение ставить вопросы, которые интересуют нашу страну и наше руководство, умение, если хотите, быть психологом. Поэтому нам приходилось изучить слушателя настолько, чтобы поручиться за него, как за свою правую руку. А в конце

учебы на каждого выпускника мы писали характеристики, которые и определяли его судьбу.

Мы просили всех преподавателей, начиная от кафедры контрразведки и заканчивая кафедрой физкультуры, высказать на бумаге свое мнение о слушателях. Затем это все докладывалось руководителю учебного отделения, который уже сводил все вместе: свои собственные наблюдения с наблюдениями этих преподавателей, и писал развернутую, подробную характеристику.

Это был адский труд. А по объему — всего четыре машинописные страницы. Но рассматривалось все: и личные качества, и профессиональные. Мы закрывались на неделю, на две и сидели: писали, писали... В конце характеристики делали вывод о пригодности или непригодности выпускника для работы в разведке.

В качестве примера я могу сослаться на один печальный в определенной степени момент в своей деятельности. У меня был слушатель, который наши оперативные задачи решал, как семечки щелкал. Иногда создавалось впечатление, что он знает решение заранее. Его четкий аналитический ум позволял ему находить хорошие решения.

Но в то же время само по себе умение решать оперативные задачи не являлось приоритетным. Под конец его обучения я написал на него характеристику, которая препятствовала выпускнику работать в разведке. Сыграли роль его личные качества — карьеризм и неискренность по отношению к товарищам.

Для этого слушателя было как гром с ясного неба, когда он прочитал характеристику хотя в общем-то и положительную, но закрывавшую ему путь в резидентуру.

Я сам работал в резидентурах и потому прекрасно представлял себе, что может быть, ког-

да там окажется такой сотрудник. Он всех перессорит, создаст нервную и вредную обстановку, которая не позволит нормально работать. Поэтому я должен был написать об этом в характеристике.

Вот про Владимира Владимировича не могу сказать, что он карьерист. Хотя некоторые отрицательные качества я тогда в его характеристике назвал. Мне казалось, что он человек несколько замкнутый, необщительный. Это, кстати говоря, можно считать как отрицательным, так и положительным качеством. Но я помню, что указал в качестве негативных сторон в его деятельности некоторую академичность. Я не имею в виду, что был он сухарь. Нет, он был остроумный, за словом в карман не лез.

Дальнейшее использование каждого слушателя определяла очень высокая выпускная комиссия. Она вызывала выпускника перед свои светлые очи и, зачитав его характеристику, определяла, в какое подразделение КГБ он направляется.

В результате обучения Владимир Владимирович был закреплен за представительством КГБ в ГДР.

— Когда я учился в КИ, с самого начала было ясно, что меня готовят в Германию, потому что на-таскивали на немецкий язык. Вопрос был только, куда — в ГДР или ФРГ.

Для того чтобы поехать в ФРГ, надо было поработать в соответствующем отделе центрального аппарата. Полтора, два, три года... у всех по-разному. Это один вариант. Мог я это сделать? В принципе мог.

А второй вариант — сразу же поехать в ГДР. И я решил, что лучше поеду сразу.

— **Вы ведь в это время уже были женаты?**

— В это время — да.

— Как-то, когда я уже работал в первом подразделении в Питере, мне позвонил приятель и сказал, что приглашает меня в театр на Аркадия Райкина. У него есть билеты, девушки будут. Сходили. Девушки действительно были.

На следующий день опять в театр пошли. Уже я билеты доставал. И на третий то же самое. С одной из них я начал встречаться. Мы подружились. С Людой, моей будущей женой.

— **И сколько продолжались эти встречи?**

— Долго — года три, наверное. Мне уже было 29 лет, я привык все планировать. Да и друзья стали говорить: «Слушай, прекращай ты, давай женись».

— **Да они завидовали.**

— Конечно, завидовали. Но я и сам понял, что если не женюсь еще года два-три, не женюсь никогда. Хотя, конечно, привычка к холостяцкой жизни сложилась. Людмила ее искоренила.

*ЛЮДМИЛА ПУТИНА,
супруга:*

Я из Калининграда. Работала стюардессой на внутренних линиях. Международных линий в Калининградском авиаотряде не было: Калининград ведь был закрытым городом. Наш авиаотряд был немногочисленным и молодым.

В Ленинград мы с приятельницей прилетели на три дня. Она тоже стюардесса из нашего отряда; пригласила меня в театр Ленсовета на концерт Аркадия Райкина, а ее, в свою очередь, пригласил один знакомый. Одной ей было идти страшновато, она и позвала меня. Этот знакомый, узнав, что я иду, пригласил и Володю.

Мы втроем — я, моя подруга и ее приятель —

приехали на Невский, там есть театральная касса, возле здания Думы. Такая башня с часами. Володя стоял на ступеньках этой кассы. Он был очень скромно одет, я бы даже сказала, бедно. Совсем невзрачный такой, на улице я бы даже не обратила внимания.

Посмотрели первую часть. В антракте вышли в буфет. В основном веселилась я, старалась всех рассмешить. Но мне далеко было до Райкина — все как-то не очень реагировали. Но меня это не смущало.

После концерта договорились встретиться опять и пойти в театр: мы ведь приехали всего-то на три дня, и нас, естественно, интересовала культурная программа. Мы поняли, что Володя — тот человек, который может достать билеты в любой театр.

На следующий день действительно встретились. Правда, того приятеля, который нас познакомил, уже не было.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Я купил свою первую машину, «Жигули» первой модели. Я тогда окончил консерваторию, попал в коллектив к Мравинскому, ездил на гастроли в Японию и все такое. У меня денег было больше, чем у Вовки. Привозил я ему из командировок сувениры, футболочки какие-то...

И вот мы как-то договорились с ним встретиться на Невском. Он говорит: «Там к тебе девочки подойдут, скажут, что от меня. Я через 15 минут тоже подойду, и пойдем в театр». Девушки вовремя, как им было назначено, пришли. Одна из них была Люда. Очень симпатиченькая. Сели ко мне в «Жигули». Стали его ждать. Мне было дико неудобно, что я там сижу с ними: мимо проходили какие-то знакомые,

узнавали меня — все это было не очень кстати. Так мы сидели где-то час. Я все это время утомлял этих девиц разговорами. Так мне казалось, но на самом деле мне с ними было очень легко.

Наконец появился Володя. Он вообще, кстати сказать, почти всегда опаздывал. Пошли в театр. Что мы там смотрели, я, конечно, не помню. Совершенно не помню. Помню только, что знакомые ходили мимо машины и узнавали меня.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

На второй день мы пошли в Ленинградский мюзик-холл, а на третий опять в театр Ленсовета. Три дня — три театра. На третий день уже нужно было прощаться. Это было в метро. Приятель его стоял в сторонке. Он Володю знал как человека, который не очень-то охотно дает о себе какие-нибудь сведения или тем более телефон свой домашний. Вдруг он видит, как в самый последний момент Володя дает мне свой телефон. И этот приятель позже, когда я уехала, заметил: «Ты что, с ума сошел?» За Володей такого не водилось.

— Это вам муж рассказывал?

— Конечно.

— А он вам сказал, где работает?

— Сказал. В уголовном розыске. А потом, спустя уже какое-то время, я узнала, что в КГБ, во внешней разведке. Для меня тогда, между прочим, все равно было: КГБ, уголовный розыск... Сейчас я знаю разницу.

Я сказал ей, что работаю в милиции. Потому что сотрудников органов безопасности, особенно разведки, прикрывали какими-нибудь корочками. Если становится широко известным, где ты дей-

ствительно работаешь, тебя, уж конечно, не пошлют за границу. Практически у всех были удостоверения сотрудников уголовного розыска. И у меня тоже. Вот я и сказал. Я же не знал, чем наше знакомство закончится.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я в тот первый приезд влюбилась в Ленинград с первого взгляда, и именно потому, что мне удалось так провести время. Город ведь нравится и приятен, когда встретил там людей хороших.

— А в невзрачного, скромно одетого паренька не влюбились?

— Потом пришла влюбленность, и сильная. Не сразу. Сначала я просто звонила ему.

— Вы ему, как приличная девушка, своего телефона не оставили?

— У меня в Калининграде не было телефона. Сначала звонила, потом стала летать на свидания. В основном на свидания люди как ездят? На трамвае, на автобусе, на такси. А я летала на свидания на самолете.

У Калининградского авиаотряда не было рейсов в Ленинград. Поэтому мне ставили три-четыре выходных дня в наряде, и я летала уже обычным рейсом. Что-то, видимо, в Володе было такое, что привлекало меня. Спустя три-четыре месяца я уже решила, что он именно тот человек, который мне нужен.

— Почему? Вы же сами говорили — неяркий, неброский.

— Может быть, вот эта внутренняя сила, которая и привлекает сейчас всех.

— А вам замуж хотелось?

— Просто замуж? Нет, никогда. А конкретно за него — да.

— Но ведь поженились вы только через три с половиной года. Что же вы делали все это время?

— Три с половиной года я за ним ухаживала!

— Как же он наконец решился?

— Однажды вечером мы сидели у него дома, и он говорит: «Дружочек, ты теперь знаешь, какой я. Я в принципе не очень удобный человек». И дальше шла самохарактеристика: молчун, в чем-то достаточно резкий, иногда может обидеть и так далее. Словом, рискованный спутник жизни. И продолжает: «За три с половиной года ты, наверное, для себя определилась?»

Я поняла, что мы, похоже, расстаемся. «Вообще-то, — говорю, — определилась». Он с сомнением в ответ: «Да?» Тут я окончательно поняла, что мы расстаемся.

«Ну, если дело обстоит таким образом, то я тебя люблю и предлагаю такого-то числа пожениться», — говорит он. Вот это было полной неожиданностью.

Я сказала, что согласна. Через три месяца мы поженились. Сыграли свадьбу в ресторане — «поплавке» — парходике, стоявшем у берега.

Мы очень серьезно восприняли это событие. Даже на свадебной фотографии видно, что мы оба просто суперсерьезные. Для меня замужество не было легким шагом. И для него тоже. Есть ведь люди, которые ответственно относятся к браку.

— А он, как человек ответственный и последовательный, запланировал, где вы будете жить?

— Да там и планировать было нечего. Жили у его родителей, квартира 27 метров в доме-корабле, так их тогда называли. Знаете, с такими высокими подоконниками? Эту квартиру обме-

нять было очень сложно: в одной комнате балкон, а на кухне и в другой комнате окна чуть не под потолком. Когда сидишь за столом, не видно улицы, только стена перед глазами. Это было огромным минусом при обмене.

Родители жили в 15-метровой комнате с балконом. В нашей, без балкона, было 12. А сама квартира в районе Автово, в доме-новостройке. Ее Володин отец получил, как инвалид войны.

— У вас был хороший контакт с его родителями?

— Да. Родители относились ко мне как к женщине, которую выбрал их сын. А он для них был светом в окошке. Они делали для него все, что могли. Больше, чем они сделали для него, никто бы не смог сделать. Они всю свою жизнь вложили в него. Владимир Спиридонович и Мария Ивановна были очень хорошими родителями.

— А как он к ним относился?

— Его отношению к родителям можно было позавидовать. Он относился к ним бережно, никогда ничем их не обидел. Иногда, конечно, они бывали чем-нибудь недовольны, а он с ними не согласен. И всегда в такой ситуации он лучше промолчит, чем причинит им боль.

— Как вам было с ним первые годы?

— Первый год после того как поженились, мы жили душа в душу. Было ощущение постоянной радости и праздника. И потом, когда я была беременна нашей старшей, Машей. Она родилась, когда я училась на четвертом курсе, а он уехал на год учиться в Москву.

— Все это время вы не виделись?

— Я каждый месяц ездила к нему в Москву. И он приезжал один или два раза. Нельзя было чаще.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Один раз он приехал из Москвы на пару дней и ухитрился сломать руку. В метро кто-то пристал к нему, и он отметелил эту шпану. Результат — сломал руку. В дзюдо ведь не атакующая техника. Володя очень расстроился: «В Москве этого не поймут. Боюсь, будут последствия». И были действительно какие-то неприятности, он в подробности не посвящал. В конце концов все обошлось.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Результатом его учебы и стала командировка в Германию. Он должен был ехать в Берлин, но тут один Володин знакомый рекомендовал его шефу группы в Дрездене, потому что сам тоже был ленинградец. Этот знакомый работал в Дрездене, и срок его командировки заканчивался. Вот он и порекомендовал на свое место Володю. Командировка в Берлин, правда, считалась более престижной, а работа, видимо, более интересной, с выходом на Западный Берлин. Впрочем, в подробности я никогда не вникала, да он и не посвящал. Между нами никогда не было разговоров на эту тему.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Они подошли друг другу по всем статьям. Потом у нее, конечно, характер стал проявляться. Она же не боится говорить правду. И даже не боится сама про себя говорить: «Я иногда становлюсь такая душная». Я как-то купил кресло-качалку и никак не мог запихнуть его в машину. Она стала мне советовать: «Вот так надо повернуть, а не так...» А оно у меня никак не запихивается, да еще тяжелое. Я говорю: «Люда, абсолютно замолчи». Она чуть ли не в истерику

сорвалась: «Ну почему вы, мужики, все такие тупые?»

Люда очень хозяйственная. Когда я приезжал к ним, она всегда очень быстро все делала. Настоящая женщина, которая может всю ночь не спать, веселиться, а утром квартиру прибрать и все приготовить...

Людмила младше меня на пять лет. До того, как стать стюардессой, она училась в техническом вузе и сама бросила его, ушла с третьего курса. Думала, куда поступать. В этот момент мы с ней познакомились, и это, можно сказать, повлияло на нее. Она начала спрашивать, советоваться, куда ей пойти учиться. Я сказал, что в университет. Но на филфак решила пойти сама. Сначала на подготовительное отделение. Потом поступила на испанскую филологию, стала заниматься языками. Выучила два языка: испанский и французский. Там же преподавали португальский, но он так и остался у нее в зачаточном состоянии. Зато в Германии стала бегло говорить по-немецки.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Перед отъездом в Германию у них Маша родилась. У моего бывшего тестя была дача за Выборгом, шикарное место, и мы, когда ее из роддома забрали, поехали туда и все там жили: Володя, Люда, я с женой... Мы, конечно, праздновали рождение Маши... По вечерам такие танцы устраивали... «Держи вора, держи вора, поймать его пора!» Вовка здорово движется. Хотя в бальных танцах я его не замечал.

Перед поездкой Людмилу проверили. Начали эту проверку еще когда я учился в Москве. В тот момент было еще неизвестно, куда именно я поеду,

и требования для членов семьи были максимально жесткие. Надо было, например, чтобы жена по состоянию здоровья могла работать в условиях жаркого и влажного климата. А то представьте себе: пять лет тебя готовили, учили, и вот наконец надо ехать за границу на работу, на боевой участок, а жена по состоянию здоровья не может. Это ведь ужасно!

И мою жену проверили по полной программе. Ей об этом, конечно, ничего не сказали. Только после всего уже вызвали в отдел кадров университета и сообщили, что она прошла спецпроверку.

И мы поехали в Германию.

«ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ»

— Вы пришли в КГБ в 1975 году, а окончательно уволились оттуда в 1991-м. Шестнадцать лет. Сколько из них за границей?

— Неполных пять. Я работал только в ГДР, в Дрездене. Мы приехали туда в 1985 году, а уехали уже после падения Берлинской стены, в 1990-м.

— Хотелось за границу?

— Хотелось.

— Но ведь в ГДР, да и в других соцстранах, КГБ работал практически официально. Как сказал один из ваших бывших коллег, ГДР — это провинция с точки зрения разведработы.

— Наверное. Впрочем, и Ленинград с этой точки зрения провинция. Но в этих провинциях у меня всегда все было успешно.

— Но это, видимо, оказался не «Щит и меч»? Как насчет романтики в разведке?

— Не забывайте, что я к тому времени уже десять лет проработал в органах. О какой романтике вы говорите?

Разведка всегда была самой фрондирующей структурой в КГБ. Влияло и то, что сотрудники годами жили за границей. Три года в капстране или четыре-пять в так называемом соцлагере, потом де-

вать месяцев переподготовки в Москве и опять за границу. У меня, например, есть друзья, один 20 лет отработал в Германии, другой — 25. Когда приезжаешь на девять месяцев между двумя поездками, не успеваешь въехать в эту нашу жизнь. А когда уже возвращались из-за границы, начинали с трудом вживаться в действительность, видели, что у нас делалось... А мы-то, молодые, общались со старшими товарищами. Я говорю сейчас не о стариках, помнивших еще сталинские времена, а о людях с опытом работы, скажем так. А это уже было совсем другое поколение, с другими взглядами, оценками, настроениями.

Один из моих друзей работал в Афганистане старшим группы по линии безопасности. Когда он оттуда вернулся, мы, естественно, о многом с ним говорили. У нас ведь тогда как было? Все, что связано с Афганистаном, — сплошное ура! Очень патриотично. И вот мы сидели, разговаривали. И я спросил, как он оценивает результаты своей работы в Афганистане. А дело в том, что при нанесении ракетно-бомбовых ударов, как теперь говорят, нужна была его подпись. То есть без его подписи решения о бомбардировке не принимались. Его ответ был для меня шокирующим. Он так внимательно посмотрел на меня и сказал: «Ты знаешь, я свои результаты оцениваю по количеству документов, которые я не подписал». Это, конечно, подействовало на меня как удар. После таких разговоров задумываешься, что-то переосмысливаешь. Ведь это говорили люди, которых мы уважали, авторитеты в хорошем смысле слова. И вдруг их мнение шло вразрез с общепринятыми, устоявшимися шаблонами. В разведке тогда позволяли себе мыслить иначе, говорить такое, что мало кто мог себе позволить.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Мы приехали в Дрезден в 1986 году. К тому времени я уже окончила университет. Маше был год. Ждали второго ребенка. Катя родилась в Дрездене. Немецкий я знала на уровне школы. Не больше.

Меня перед поездкой специально никак не инструктировали. Прошла медкомиссию — и все. Наши ведь в ГДР работали вполне легально. Жили мы в доме германской госбезопасности — «Штази». Соседи знали, где мы работаем, а мы знали, где работают они. Но вот интересно. Мы приехали, когда в СССР уже началась перестройка. А они все еще серьезно верили в светлое будущее коммунизма.

— Чем конкретно вы занимались?

— Это была работа по линии политической разведки. Получение информации о политических деятелях, о планах потенциального противника.

— Правильно ли нам объяснили профессионалы, что вы занимались «разведкой с территории»?

— Довольно точно, хотя такая формулировка предполагала разведку с территории СССР. Мы работали с территории Восточной Германии. Нас интересовала любая информация по линии, как раньше говорили, главного противника, а главным противником считалось НАТО.

— Вы ездили в Западную Германию?

— Пока работал в ГДР, нет, ни разу.

— Так в чем же все-таки заключалась работа?

— Обыкновенная разведдеятельность: вербовка источников информации, получение информации, обработка ее и отправка в центр. Речь шла об информации о политических партиях, тенденциях внутри этих партий, о лидерах — и сегодняшних и возможных завтрашних, о продвижении лю-

дей на определенные посты в партиях и государственном аппарате. Важно было знать, кто, как и что делает, что творится в МИДе интересующей нас страны, как она выстраивает свою политику по разным вопросам в разных частях света. Или — какова будет позиция наших партнеров на переговорах по разоружению, например. Конечно, чтобы получить такую информацию, нужны источники. Поэтому параллельно шла работа по вербовке источников и добыче информации, а также по ее обработке и анализу. Вполне рутинная работа.

«И НИКАКОГО СПОРТА»

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

О делах дома не говорили. Думаю, накладывал отпечаток характер работы мужа. В КГБ всегда была установка: с женой не делиться. Бывали, говорят, случаи, когда излишняя откровенность приводила к плачевным последствиям. Всегда исходили из того, чем меньше жена знает, тем крепче спит. Я довольно много общалась с немцами, и если какое-то знакомство было нежелательным, Володя мне об этом говорил.

— Жизнь-то в ГДР, наверное, была лучше, чем в Питере?

— Да, мы приехали из России, где очереди и дефицит, а там всего было много. Тут-то я килограммов двенадцать и прибавил. Стал весить восемьдесят пять.

— А сейчас сколько весите?

— Семьдесят пять.

— Что же вы там так распустились?

— Давайте я честно скажу...

— Пиво?

— Конечно! Мы регулярно ездили в маленький городишко Радеберг, а там был один из лучших пивных заводов в Восточной Германии. Я брал такой баллон на три с лишним литра. Пиво в него наливаешь, потом краник нажимаешь — и пьешь как из бочки. Вот и получалось в неделю регулярно 3,8 литра пива. И до работы два шага от дома, так что лишние калории не сбросишь.

— И никакого спорта?

— У нас там не было для этого условий. Да и работали очень много.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Мы жили в служебной квартире в немецком доме. Дом большой, двенадцать подъездов. Пять квартир занимала наша группа. Только Володин шеф с женой жили в другом доме. А рядом в подъезде еще четыре квартиры, где жили военные разведчики. Все остальные — немцы, сотрудники госбезопасности ГДР.

Наша группа работала в отдельном здании, в огороженном немецком особняке. То ли трехэтажный, то ли четырехэтажный... Не помню. Но от дома до этого особняка было минут пять ходьбы. Из окон своего кабинета Володя видел маленькую Катю в яслях. Утром он заводил Машу в детский садик — это прямо под окнами нашей квартиры, а потом Катю в ясли.

Обедать он всегда приходил домой. Да и все ребята дома обедали. Иногда вечерами собирались у нас, приходили друзья по работе, бывали и немцы. Мы дружили с несколькими семьями. Бывало весело — разговоры в основном ни о чем, шутки, анекдоты. Володя хорошо рассказывает анекдоты.

Моя мама —
Мария Ивановна
Шеломова.

Отец —
Владимир Спиридонович
Путин.

Сяды Бован на намятні Дзядушова.

Дед-повар готовил для
Ленина и Сталина.

Дядя —
Иван Иванович Шеломов

Брат.
Умер в блокадном Ленинграде.

Отец служил на подводном флоте
(фото 1932 года).

Дядя спас маму от голодной смерти во время войны.

После ранения отец работал в колхозе.

Я – школьник.

Саша Григорьев (справа) сегодня возглавляет управление
ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Моя учительница
Вера Дмитриевна
Гуревич.

В 1969 году мы ездили в Тбилиси на соревнования по дзюдо.
Я – второй слева.

Отец одобрял мои занятия спортом.

То самое жаркое лето в Гаграх.

Мы с мамой. Июль 1958 года.

Я с родителями перед отъездом в ГДР. 1985 год.

Баба Оля всю жизнь прожила в деревне.

Одно время мама (крайняя справа) работала медсестрой в больнице. 1968 год.

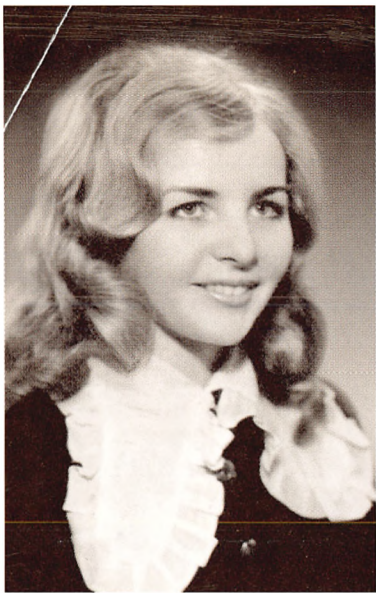
Это любимая фотография Людмилы.

Я сделал Люде предложение, и через три месяца мы поженились. 1983 год.

В этом загсе мы расписались.

Я женился поздно — мне было уже тридцать.

Фото
из личного дела
сотрудника КГБ.

В 1998 году я стал директором ФСБ.

Первая дочка Маша родилась в 1985 году.

А в выходные мы уезжали за город. У нас была служебная машина — «Жигули». Это в ГДР считалось вполне приличным уровнем. Ну, по сравнению с местным «трабантом», во всяком случае. У них, кстати, тоже в то время машину достать было непросто, как и у нас. Так вот, в выходные мы куда-то обязательно выезжали всей семьей. Там очень много красивых мест вокруг Дрездена — например, так называемая Саксонская Швейцария. Минут 20 — 30 ехать от города. Гуляли, сосиски какие-то ели с пивом. И домой.

«НАСОЧИНЯЛИ-ТО СКОЛЬКО!»

— У вас были какие-то очевидные удачи во время работы в Дрездене?

— У меня хорошо шла работа. Считалось нормальным, если во время работы в загранкомандировке было одно повышение в должности. Меня повышали дважды.

— В какой же должности вы приехали в ГДР?

— Я был старшим оперуполномоченным. Следующая должность — помощник начальника отдела. И вот это считалось уже очень хорошим ростом. Я стал помощником, а потом еще старшим помощником начальника отдела. Дальше повышать уже было некуда. Там уже шел руководящий уровень, а у нас был только один начальник. И в качестве поощрения меня сделали членом парткома представительства КГБ.

— Писали, что вы принимали участие в операции «Луч». Это что такое?

— Точно не знаю. Я ею не занимался. Даже не знаю, проводилась ли она или нет. Имеется в виду, насколько я понимаю, работа по политичес-

кому руководству ГДР. Я к этому не имел отношения.

— Но, как говорят, именно вы контролировали бывшего секретаря дрезденского обкома СЕПГ Ханса Модрофа.

— Я встречался с Модрофом пару раз на официальных приемах. Этим и ограничилось наше знакомство. Он общался с людьми иного уровня — командующим армией, нашим старшим офицером связи. А вообще мы не работали по партийным функционерам. В том числе, кстати, и нашим. Было запрещено.

— И документацию по истребителю «Еврофайтер» вы не добывали?

— Я не занимался технической разведкой, не работал по этой линии. Что же насочиняли-то обо мне столько? Полная чушь!

— Так, чтобы на супершпиона тянуло. А вы от всего отказываетесь. За что же вас, интересно, повышали?

— За конкретные результаты в работе — так это называется. Они измерялись количеством реализованных единиц информации. Добывал какую-то информацию из имеющихся в моем распоряжении источников, оформлял, направлял в инстанции и получал соответствующую оценку.

— Вы отвечаете как разведчик, то есть ничего не отвечаете. А тут еще бывший шеф восточногерманской разведки Маркус Вольф вас обидел. Рассказал, что бронзовую медаль «За заслуги перед Национальной народной армией ГДР», которую вам там вручили, давали чуть ли не каждой секретарше, если за ней не числилось грубых нарушений.

— Все правильно сказал Маркус Вольф. И ничего обидного в его словах нет. Скорее наоборот. Он просто подтвердил, что у меня не было грубых нарушений. Только медаль по-моему называется

ся не «за заслуги», а «За выдающиеся заслуги перед Национальной народной армией ГДР».

— Вы не ждете каких-то сенсационных публикаций о вас, скажем, в той же Германии? Ближе к выборам, например.

— Нет... Честно говоря, нет.

Довольно смешно читать всю эту ерунду в газетах. Вот сейчас я не без любопытства узнаю, что в западных странах ищут агентов, которых я завербовал. Чушь все это. Ведь наши друзья, так мы называли сотрудников госбезопасности ГДР, дублировали все, что мы делали. Это все сохранилось в их архивах. Поэтому нельзя сказать, что я занимался какими-то тайными операциями, которые были вне поля зрения местных гэдээровских органов власти, в данном случае — органов госбезопасности. Мы значительную часть работы проводили через граждан ГДР. Они все там на учете. Все прозрачно и понятно.

И обо всем этом известно немецкой контрразведке.

Я не работал против интересов Германии. Это абсолютно очевидная вещь. Более того, если бы это было иначе, то я после ГДР не въехал бы ни в одну страну Западной Европы. Я же не был тогда таким высокопоставленным чиновником, как сегодня. А я выезжал много раз, в том числе и в Германию. Мне даже некоторые сотрудники МГБ ГДР писали письма, когда я уже работал в Петербурге вице-мэром. И на одном из приемов я так сказал германскому консулу: «Имейте в виду, я получаю письма, это мои личные связи. Я понимаю, что у вас там кампания какая-то против бывших сотрудников госбезопасности, их ловят, преследуют по политическим мотивам, но это мои друзья, и я от них отказываться не буду». Он мне ответил: «Мы все понимаем,

господин Путин. Какие вопросы? Все ясно». Они прекрасно знали, кто я и откуда приехал. Я этого и не скрывал:

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Конечно, жизнь в ГДР очень отличалась от нашей: чистые улицы, вымытые окна — они их раз в неделю моют, обилие товаров, не такое, как в Западной Германии, наверное, но все же лучше, чем в России. Еще меня одна деталь поразила. Пустяк — не знаю, стоит ли и рассказывать вам? Это, знаете, как немки развешивают белье. Утром, до работы, часов в семь, они выходят во двор. Там стоят такие металлические столбики, и каждая хозяйка натягивает свою веревку и ровными-ровными рядами вешает белье на прищепки. Все одинаково.

У немцев был очень упорядочен быт, да и уровень жизни выше, чем у нас. Думаю, что и получали сотрудники МГБ больше, чем наши ребята. Я могла судить об этом по тому, как жили наши немецкие соседи. Мы, конечно, пытались экономить, копили на машину. Потом, когда вернулись, купили «Волгу». Часть зарплаты там нам платили в немецких марках, часть в долларах. Но мы особенно и не тратили деньги, разве что на еду. Мы же ни за что не платили — жили в казенной квартире с казенной посудой. В общем, жили на чемоданах и мечтали вернуться домой. Очень хотелось домой! Правда, мы хорошо чувствовали себя в ГДР. Четыре года прошло, а за эти четыре года страна и город, в котором живешь, становятся почти твоими. И когда рушилась Берлинская стена и стало уже понятно, что это конец, было такое ужасное чувство, что страны, которая стала тебе почти родной, больше не будет.

— Если немецкая контрразведка, как вы говорите, знает все о вашей деятельности в ГДР, то это означает, что она знает все и о тех, с кем работали вы и разведгруппа. Вся ваша агентура провалена?

— Мы все уничтожили, все наши связи, контакты, все наши агентурные сети. Я лично сжег огромное количество материалов. Мы жгли столько, что печка лопнула.

Жгли днем и ночью. Все наиболее ценное было вывезено в Москву. Но оперативного значения и интереса уже не представляло — все контакты прерваны, работа с источниками информации прекращена по соображениям безопасности, материалы уничтожены или сданы в архив. Аминь!

— Когда это?

— В 1989-м. Когда начали громить управление Министерства госбезопасности. Мы опасались, что могут прийти и к нам.

— Но ведь тех, кто громил МГБ, можно понять, вам так не кажется?

— Можно, вот только форма, в которую вылился их протест, вызывала досаду.

Я из толпы наблюдал, как это происходило. Люди ворвались в управление МГБ. Какая-то женщина кричала: «Ищите вход под Эльбой! У них там узники томятся по колено в воде!» Какие узники? Почему под Эльбой? Там было помещение типа следственного изолятора, но не под Эльбой, конечно.

Конечно, это была обратная реакция. Я понимал этих людей, они устали от контроля со стороны МГБ, тем более что он носил тотальный характер. Общество действительно было абсолютно запугано. В МГБ видели монстра.

Но МГБ тоже было частью общества и болело всеми теми же болезнями. Там работали очень разные люди, но те, кого знал я, были приличными людьми. Со многими из них я подружился, и то, что сейчас их все пинают, думаю, так же неправильно, как и то, что делала система МГБ ГДР с гражданским обществом Восточной Германии, с ее народом.

Да, наверное, были среди сотрудников МГБ и такие, которые занимались репрессиями. Я этого не видел. Не хочу сказать, что этого не было. Просто я этого лично не видел.

ГДР стала для меня в некотором смысле открытием. Мне-то казалось, что я еду в восточноевропейскую страну, в центр Европы. На дворе был уже конец 80-х годов. И вдруг, общаясь с сотрудниками МГБ, я понял, что и они сами, и ГДР находились в состоянии, которое пережил уже много лет назад Советский Союз.

Это была жестко тоталитарная страна по нашему образу и подобию, но 30-летней давности. Причем трагедия в том, что многие люди искренне верили во все эти коммунистические идеалы. Я думал тогда: если у нас начнутся какие-то перемены, как это отразится на судьбах этих людей?

И как накаркал. Действительно, трудно было себе представить, что в ГДР могут начаться такие резкие изменения. Да никому и в голову это не приходило! Более того, когда они начались, мы не отдавали себе отчет, чем это может закончиться. Иногда, конечно, возникали мысли, что этот режим долго не продержится. Влияло, конечно, и то, что у нас уже начиналась перестройка, начинали открыто обсуждать многие закрытые прежде темы. А здесь — полное табу, полная консервация общества. Семьи разбиты. Часть родственников живет по ту сторону стены, половина — по эту.

За всеми следят. Конечно, это было ненормально, неестественно.

— **А вас-то не тронули, когда громили МГБ?**

— Люди собрались и вокруг нашего здания. Ладно, немцы разгромили свое управление МГБ. Это их внутреннее дело. Но мы-то уже не их внутреннее дело. Угроза была серьезная. А у нас там документы. Никто не шелохнулся, чтобы нас защитить.

Мы были готовы сделать это сами, в рамках договоренностей между нашими ведомствами и государствами. И свою готовность нам пришлось продемонстрировать. Это произвело необходимое впечатление. На некоторое время.

— **У вас была охрана?**

— Да, несколько человек.

— **Вы не пробовали выйти и поговорить с людьми?**

— Через некоторое время, когда толпа снова осмелела, я вышел к людям и спросил, чего они хотят. Я им объяснил, что здесь советская военная организация. А из толпы спрашивают: «Что же у вас тогда машины с немецкими номерами во дворе стоят? Чем вы здесь вообще занимаетесь?» Мол, мы-то знаем. Я сказал, что нам по договору разрешено использовать немецкие номера. «А вы-то кто такой? Слишком хорошо говорите по-немецки», — закричали они. Я ответил, что переводчик.

Люди были настроены агрессивно. Я позвонил в нашу группу войск и объяснил ситуацию. А мне говорят: «Ничего не можем сделать без распоряжения из Москвы. А Москва молчит». Потом, через несколько часов, наши военные все же приехали. И толпа разошлась. Но вот это «Москва молчит»... У меня тогда возникло ощущение, что страны больше нет. Стало ясно, что Союз болен.

И это смертельная, неизлечимая болезнь под названием паралич. Паралич власти.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я видела, что творилось с соседями по дому, когда в ГДР начались все эти революционные события. Моя соседка, с которой я дружила, неделю плакала. Она плакала именно по утраченной идее, по крушению того, во что они всю жизнь верили. Для них это стало крушением всего — жизни, карьеры. Они же все остались без работы, был запрет на профессию. У Кати в садике была воспитательница, по призванию воспитательница. После падения стены она уже не имела права работать в садике и воспитывать детей. Они же все были сотрудниками МГБ. Она пережила психологический кризис, потом все-таки как-то справилась, пошла работать в дом для престарелых.

Еще одна знакомая немка из ГДР устроилась в западную фирму. Она работала там уже довольно долго и вполне успешно, когда вдруг ее шеф в пылу какой-то дискуссии сказал, что все бывшие гэдээровцы тупые, необразованные и неспособные — в общем, люди второго сорта. Она все это выслушала и говорит: «А вот я из ГДР. Вы считаете меня тоже ни на что не способной?» Шеф замолчал, не нашелся, что ответить, а претензий к ней по работе у него никаких не было.

— Вы переживали, когда рухнула Берлинская стена?

— На самом деле я понимал, что это неизбежно. Если честно, то мне было только жаль утраченных позиций Советского Союза в Европе, хотя умом я понимал, что позиция, которая основана на

стенах и водоразделах, не может существовать вечно. Но хотелось бы, чтобы на смену пришло нечто иное. А ничего другого не было предложено. И вот это обидно. Просто бросили все и ушли.

У меня потом, уже в Питере, была одна любопытная встреча с Киссинджером, и он неожиданно подтвердил то, о чем я тогда думал. Была такая комиссия — «Киссинджер — Собчак» — по развитию Петербурга, привлечению иностранных инвестиций. Киссинджер приезжал, по-моему, пару раз. Как-то я его встречал в аэропорту. Мы сели в машину и поехали в резиденцию. По дороге он меня расспрашивал, откуда я взялся, чем занимался. Такой любопытный дед. Кажется, что спит на ходу, а на самом деле все видит и слышит. Мы говорили через переводчика. Он спрашивает: «Вы давно здесь работаете?» Я ответил, что около года. А дальше у нас был такой диалог.

— А до этого где работали?

— До этого в Ленсовете.

— А до Ленсовета?

— В университете.

— А до университета?

— А до этого я был военным.

— В каких войсках?

Ну думаю, сейчас я тебя огорчу: «Вы знаете, я работал по линии разведки». Он спокойно: «За границей работали?» Я: «Работал. В Германии». Он: «В Восточной или Западной?» — «В Восточной». Он: «Все приличные люди начинали в разведке. Я тоже». Я не знал, что Киссинджер работал в разведке. А то, что он сказал потом, было для меня неожиданно и очень интересно. Он сказал: «Вы знаете, меня сейчас очень критикуют за мою позицию в то время в отношении СССР. Я считал, что Советский Союз не должен так быстро уходить из

Восточной Европы. Мы очень быстро меняем баланс в мире, и это может привести к нежелательным последствиям. И мне сейчас это ставят в вину. Говорят: вот ушел же Советский Союз, и все нормально, а вы считали, что это невозможно. А я действительно считал, что это невозможно». Потом он подумал и добавил: «Честно говоря, я до сих пор не понимаю, зачем Горбачев это сделал».

Я совершенно не ожидал услышать от него такое. Ему сказал и сейчас говорю: Киссинджер был прав. Мы избежали бы очень многих проблем, если бы не было такого скоропалительного бегства.

«РАЗВЕДЧИКИ БЫВШИМИ НЕ БЫВАЮТ»

— Вы не думали о том, что и КГБ исчерпал себя?

— Почему я позднее отказался от работы в центральном аппарате, в Москве? Мне же предлагали. Я уже понимал, что будущего у этой системы нет. У страны нет будущего. А сидеть внутри системы и ждать ее распада... Это очень тяжело.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Помню, с какой болью и негодованием Володя говорил о том, как наши сдали всю разведку в Германии. Он говорил: «Так вообще нельзя делать! Как же можно? Понимаю, что я могу ошибаться, но как могут ошибаться те, о ком мы думаем как о высочайших профессионалах?» Он был очень разочарован. Я ему сказал: «Знаешь, Володя, ты мне не вкручивай!». Он: «Я уйду из КГБ!». А я ему: «Разведчики бывшими не бывают!»

Володя искренне говорил, и я, в принципе, ему верил. Хотя как можно отказаться от тех знаний, от той информации, которая в тебе сидит? Естественно, ты можешь не работать в этой организации, но взгляд и образ мыслей остаются.

То, что мы делали, оказалось никому не нужным. Что толку было писать, вербовать, добывать информацию? В центре никто ничего не читал. Разве мы не предупреждали о том, что может произойти, не рекомендовали, как действовать? Никакой реакции. Кому же нравится работать на корзину, вхолостую? Тратить годы своей жизни. На что? Просто получать зарплату?

Вот, например, мои друзья, которые работали по линии научно-технической разведки, добыли за несколько миллионов долларов информацию о важном научном открытии. Самостоятельная разработка подобного проекта обошлась бы нашей стране в миллиарды долларов. Мои друзья его добыли, направили в Центр. Там посмотрели и сказали: «Великолепно. Суперинформация. Спасибо. Всех вас целуем. Представим к наградам». А реализовать не смогли, даже не попытались. Технологический уровень промышленности не позволил.

Короче, когда в январе 1990 года мы вернулись из Германии, я еще оставался в органах, но потихоньку начал думать о запасном аэродроме. У меня было двое детей, и я не мог все бросить и пойти неизвестно куда. Чем заниматься?

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Когда Володя вернулся из Германии, он мне сказал: «Мне предлагают в Москву ехать или идти в Питере на повышение». Мы стали рассуждать, что лучше, и я говорю: «В Москве-то начальники все, там нормальных людей нет — у одного в министерстве дядя, у другого — брат, у третьего — сват. А у тебя там никого нет, как же ты там будешь?» Он подумал и ответил: «Все-таки Москва... Там перспективы». Но я видел: он явно склонялся остаться в Петербурге.

Я с удовольствием пошел «под крышу» Ленинградского государственного университета в расчете написать кандидатскую, посмотреть, как там и что, и, может быть, остаться работать в ЛГУ. Так в 90-м я стал помощником ректора университета по международным связям. Как у нас говорили, работал в действующем резерве.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Перестройку и все то, что происходило в 1986—1988 годах, мы в Германии наблюдали только по телевизору. Поэтому о том воодушевлении, о том подъеме, который был у людей в те годы, я знаю только по рассказам. Для нас это все осталось за кадром.

Когда мы вернулись домой, я даже как-то не заметила перемен: те же дикие очереди, карточки, талоны, пустые прилавки. Мне первое время после возвращения было даже страшно по магазинам ходить. Я не могла, как некоторые, искать, где подешевле, выстаивать очереди. Просто заскакивала в ближайший магазин, покупала самое необходимое — и домой. Впечатления были ужасные.

К тому же никаких особых денежных накоплений за годы работы в Германии у нас не было. Все деньги «съела» покупка автомобиля. Правда, наши соседи-немцы отдали нам свою старую стиральную машину, 20-летней давности. Мы привезли ее с собой, и она еще лет пять нам служила.

Да и на работе у мужа ситуация изменилась. Несмотря на то что, по моим ощущениям, его работа в Германии была успешной, он явно задумывался, что будет дальше. Мне кажется, в ка-

кой-то момент он понял, что дело его жизни исчерпало себя. И конечно, было непросто, расставшись с прошлым, принять решение уйти в политику.

Ректором ЛГУ тогда был Станислав Петрович Меркурьев. Очень хороший человек и блестящий ученый.

В ЛГУ я начал писать диссертацию. Выбрал себе научного руководителя — Валерия Абрамовича Мусина, одного из лучших специалистов в области международного права. Выбрал тему по международному частному праву, начал составлять план работы.

В университете я восстановил связь с друзьями по юрфаку. Некоторые остались здесь же работать, защитились, стали преподавателями, профессорами. Один из них и попросил меня помочь Анатолию Собчаку, который к этому времени стал председателем Ленсовета.

Он просто сказал мне, что у Собчака никого нет в команде, его окружают какие-то жулики, и спросил, не могу ли я Собчаку помочь. «Каким образом?» — поинтересовался я. «Перейти к нему на работу из университета». — «Знаешь, надо подумать. Ведь я сотрудник КГБ. А он об этом не знает. Я его могу скомпрометировать». «Ты с ним поговори», — посоветовал приятель.

Надо сказать, что Собчак был в этот момент уже человеком известным и популярным. Я действительно с большим интересом смотрел за тем, что и как он делает, как он говорит. Не все, правда, мне нравилось, но уважение он у меня вызывал. Тем более было приятно, что это преподаватель нашего университета, у которого я учился.

Правда, когда я был студентом, у меня не было с ним никаких личных связей. Хотя позже

очень много писали, что я был чуть ли не его любимым учеником. Это не так: он был просто одним из тех преподавателей, которые один-два семестра читали у нас лекции.

Я встретился с Анатолием Александровичем в Ленсовете, в его кабинете. Хорошо помню эту сцену. Зашел, представился, все ему рассказал. Он человек импульсивный, и сразу мне: «Я переговорю со Станиславом Петровичем Меркурьевым. С понедельника переходите на работу. Все. Сейчас быстро договоримся, вас переведут». Я не мог не сказать: «Анатолий Александрович, я с удовольствием это сделаю. Мне это интересно. Я даже этого хочу. Но есть одно обстоятельство, которое, видимо, будет препятствием для этого перехода». Он спрашивает: «Какое?» Я отвечаю: «Я вам должен сказать, что я не просто помощник ректора, я — кадровый офицер КГБ». Он задумался — для него это действительно было неожиданностью. Подумал-подумал и выдал: «Ну и с ним!»

Такой реакции, я конечно, не ожидал, хотя за эти годы ко многому привык. Мы ведь с ним видимся первый раз, он — профессор, доктор юридических наук, председатель Ленсовета — и он вот так, что называется, открытым текстом мне ответил.

После этого говорит: «Мне нужен помощник. Если честно, то я боюсь в приемную выйти. Я не знаю, что там за люди». В то время там как раз работали скандально известные теперь деятели, которые сослужили Собчаку плохую службу.

Ребята, сидевшие у Собчака в приемной и на тот момент как бы составлявшие его ближайшее окружение, вели себя жестко, грубо, в лучших традициях комсомольской, советской школы. Это вызвало, конечно, сильное раздражение в депутатском корпусе и очень быстро привело к конфликту

между Собчаком и Ленсоветом. Поскольку я это понимал, то прямо сказал Анатолию Александровичу, что с удовольствием приду к нему работать, но тогда я должен буду сказать своему руководству в КГБ, что ухожу из университета.

Это был довольно деликатный для меня момент — сообщить вышестоящим начальникам, что я намереваюсь поменять работу.

Я пришел к своему руководству и сказал: «Мне Анатолий Александрович предлагает перейти из университета к нему на работу. Если это невозможно, я готов уволиться». Мне ответили: «Нет, зачем? Иди, спокойно работай, никаких вопросов».

«ВОПРОСОВ БОЛЬШЕ НЕТ!»

Мои начальники — люди довольно тонкие и понимающие обстановку вокруг — не стали мне ставить никаких условий. Поэтому, хотя формально я числился в органах безопасности, в здании управления практически не появлялся.

Что характерно и интересно — начальство ни разу не пыталось использовать меня в оперативных целях. Я думаю, понимали, что это бессмысленно. Кроме того, в тот момент все, включая правоохранительные органы, находилось в состоянии разложения.

ВЛАДИМИР ЧУРОВ,

заместитель председателя Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга:

До 91-го года кабинеты в Смольном были четко поделены: в кабинетах больших начальников висели два портрета — Ленина и Кирова, а в кабинете чиновников рангом пониже — один Ленин. После того как их портреты сняли, оста-

лись только пустые крюки. И каждый выбирал, кого повесить у себя в кабинете вместо вождей революции. Все в основном выбирали портрет Ельцина. Путин заказал себе Петра Первого.

Ему принесли два портрета на выбор: один романтический портрет — молодой Петр, кудрявый, задорный, в латах времен «великого посольства»; второй, который Путин и выбрал, — гравированный, один из самых последних портретов Петра Первого. Портрет тех лет, когда, собственно, его реформы шли наиболее активно. Именно тогда, после завершения неудачного прусского похода и Северной войны, Петр заложил основы Российской империи.

Я думаю, Владимир Владимирович не случайно для своего кабинета этого Петра выбрал, редкого, мало кому известного. Петр на этой гравюре достаточно мрачный, озабоченный, я бы сказал.

Один раз, правда, мои коллеги из органов все-таки попытались воспользоваться моей близостью к Собчаку. Он тогда много ездил по командировкам, часто отсутствовал в городе. На хозяйстве он оставлял меня. Как-то он в спешке куда-то в очередной раз уезжал, а срочно нужна была его подпись под документом. Документ не успели подготовить, а Собчак уже не мог ждать. Тогда он взял три чистых листа бумаги, поставил на них внизу свою подпись и отдал мне: «Доделайте». И уехал.

В тот же вечер ко мне зашли коллеги из КГБ. Поговорили о том о сем, и издалека начали заходить, мол, хорошо бы подпись Собчака получить под одним документом, давай обсудим. Но я-то уже опытный был деятель — столько лет без провала, — так что сразу все понял. Достал папку, открыл ее, показал пустой лист с подписью Собчака.

И я, и они понимали, что это — свидетельство очень высокой степени доверия Собчака ко мне. «Вы видите, этот человек мне доверяет? Ну и что? — говорю, — Что вы хотите от меня?» Они моментально дали задний ход: «Никаких вопросов больше. Извини». И все закончилось, так и не начавшись.

Тем не менее это была ненормальная ситуация, ведь я продолжал получать у них зарплату. Которая, кстати, была больше, чем в Ленсовете. Но довольно скоро возникли обстоятельства, заставившие меня подумать о том, чтобы написать рапорт об увольнении.

Отношения с депутатами Ленсовета складывались не всегда легко. Прежде всего из-за того, что они часто лоббировали чьи-то интересы. И как-то подошел ко мне один депутат: «Знаешь, тут надо кое-кому помочь. Не мог бы ты сделать то-то и то-то». Я его раз послал, второй. А на третий он мне и заявляет: «Тут нехорошие люди, враги всякие, пронюхали, что ты на самом деле сотрудник органов безопасности. Это срочно надо заблокировать. Я готов тебе в этом помочь, но и ты мне окажи услугу».

Я понял, что меня в покое не оставят и будут просто-напросто шантажировать. И тогда я принял непростое для себя решение — написал рапорт об увольнении. Надоел этот наглый шантаж.

Для меня это было очень тяжелое решение.

Хотя я уже почти год фактически в органах не работал, но все равно вся моя жизнь была связана с ними. К тому же это был 90-й год: еще не развалился СССР, еще не было августовского путча, то есть окончательной ясности в том, куда пойдет страна, еще не было. Собчак, безусловно, был ярким человеком и видным политическим деятелем, но связываться с ним свое будущее было доста-

точно рискованно. Все могло просто в один момент развернуться. При этом я с трудом представлял себе, что буду делать, если потеряю работу в мэрии. Подумал, что в крайнем случае вернусь в университет писать диссертацию, буду где-то подрабатывать.

В органах у меня было стабильное положение, ко мне хорошо относились. В этой системе у меня все было успешно, а я решил уйти. Почему? Зачем? Я буквально страдал. Мне нужно было принять, наверное, самое сложное решение в своей жизни. Я долго думал, собирался, потом взял себя в руки, сел и с первого раза написал рапорт.

Второе, что я сделал после того, как подал рапорт, — решил публично рассказать о том, что работал в органах безопасности.

За помощью я обратился к своему товарищу, режиссеру Игорю Абрамовичу Шадхану. Талантливый человек, его самый известный фильм — «Контрольная для взрослых». Тогда Шадхан работал у нас на телестудии. Я приехал к нему и сказал: «Игорь, хочу открыто рассказать о своей прошлой работе. Так, чтобы это перестало быть секретом и меня уже никто не мог бы этим шантажировать».

Он записал передачу — интервью, в котором очень подробно расспрашивал меня о моей работе в КГБ, о том, что я делал, когда служил в разведке, и так далее. Все это показали по Ленинградскому телевидению, и когда в следующий раз ко мне подошли с какими-то намеками на мое прошлое, я сразу сказал: «Все. Неинтересно. Об этом уже всем известно».

Но написанный мною рапорт об увольнении где-то так и завис. Кто-то, видимо, никак не мог принять решение. Так что, когда начался путч, я оставался действующим офицером КГБ.

— Помните популярный вопрос того времени: где вы были в ночь с 18 на 19 августа 1991 года?

— Я был в отпуске. И когда все началось, я очень переживал, что в такой момент оказался черт-те где. В Ленинград я на перекладных добрался 20-го. Мы с Собчаком практически переселились в Ленсовет. Ну не мы вдвоем, там куча народу была все эти дни, и мы вместе со всеми.

Выезжать из здания Ленсовета в эти дни было опасно. Но мы предприняли довольно много активных действий: ездили на Кировский завод, выступали перед рабочими, ездили на другие предприятия, причем чувствовали себя при этом довольно неуютно. Мы даже раздали оружие кое-кому. Правда, я свое табельное оружие держал в сейфе.

Народ нас везде поддерживал. Было ясно, что если кто-то захочет переломить ситуацию, будет огромное количество жертв. Собственно говоря, и все. Путч закончился. Разогнали путчистов.

— А что вы сами думали о них?

— Было ясно, что они своими действиями разваливают страну. В принципе, задача у них была благородная, как они, наверное, считали, — удержание Советского Союза от развала. Но средства и методы, которые были избраны, только подталкивали к этому развалу. Я, когда увидел путчистов на экране, сразу понял — все, приехали.

— А если бы, предположим, путч закончился так, как они хотели? Вы — офицер КГБ. Вас с Собчаком наверняка бы судили.

— Да ведь я уже не был офицером КГБ. Как только начался путч, я сразу решил, с кем я. Я точно знал, что по приказу путчистов никуда не пойду

и на их стороне никогда не буду. Да, прекрасно понимал, что такое поведение расценили бы минимум как служебное преступление. Поэтому 20 августа во второй раз написал заявление об увольнении из органов.

— А вдруг ему также не дали бы ход, как вашему первому заявлению?

— Я сразу предупредил о такой возможности Собчака: «Анатолий Александрович, я писал уже однажды рапорт, он где-то «умер». Сейчас я вынужден сделать это повторно». Собчак тут же позвонил Крючкову, а потом и начальнику моего управления. И на следующий день мне сообщили, что рапорт подписан. Начальник управления у нас был убежденный коммунист, считавший: все, что делается путчистами, — правильно. Однако он был очень порядочный человек, к которому я до сих пор отношусь с большим уважением.

— Вы переживали?

— Страшно. В самом деле, такая ломка жизни, с хрустом. Ведь до этого момента я не мог оценить всей глубины процессов, происходящих в стране. После возвращения из ГДР мне было ясно, что в России что-то происходит, но только в дни путча все те идеалы, те цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули.

Конечно, это было фантастически трудно пережить, ведь большая часть моей жизни прошла в органах. Но выбор был сделан.

ВЛАДИМИР ЧУРОВ:

Через несколько месяцев после путча Дом политпросвещения, который принадлежал коммунистам, был передан городу. И довольно скоро там заработал международный бизнес-центр. Но с коммунистами поступили либерально и оставили им часть здания: практически целое

крыло занимали КПРФ, РКРП и прочие коммунистические организации. На крыше Дома флаги-ток был. Коммунисты решили воспользоваться им по назначению и вывесили красный флаг. И вот каждый раз, выезжая из Смольного, руководство города видело его. Флаг прекрасно был виден из окон кабинетов и Собчака, и Путина. Это ужасно раздражало, и Путин решил флаг снять.

Дает команду — красный флаг снимают. Но на следующий день он снова появляется. Путин вновь дает команду — флаг снова снимают. И так борьба шла с переменным успехом. У коммунистов стали заканчиваться флаги, и они вывешивали что-то совершенно непотребное, один из последних вариантов был даже уже не красный, а буровато-коричневый. Это Путина окончательно допекло. Он подогнал кран, и под его личным наблюдением флаги-ток был срезан автогенном.

— Когда вы вышли из партии?

— Я не выходил. КПСС прекратила существование, я взял партийный билет, карточку, положил в стол — там все и лежит.

— Как Питер пережил 93-й год?

— Все было почти так же, как в Москве, только не стреляли. Мэрия к тому времени уже сидела в Смольном, депутаты — в Ленсовете.

— То есть в Питере был практически такой же конфликт, как у Ельцина с Верховным Советом?

— Да. Но важно, что тогда уже не было, как в 91-м, раскола среди правоохранительных органов. Руководство управления ФСБ — а возглавлял его тогда Виктор Черкесов — с самого начала заявило о своей поддержке мэра. Оно провело ряд мероприятий по задержанию экстремистов, которые устраи-

вали провокации, собирались что-то взорвать, дестабилизировать обстановку. На этом все и закончилось

«ОН ВЫСОХ В СМЫСЛЕ ДУШИ»

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА,

секретарь Путина в 1991—1996 годах:

Первый раз я увидела Владимира Владимировича из-за стеклянной двери кабинета. Я как раз сидела против нее и красила губы. Вдруг вижу — по коридору идет новый руководитель Комитета по внешним связям. Думаю. «Ну все. Теперь он меня на работу точно не возьмет». Но все обошлось: он сделал вид, что ничего не заметил, а я больше никогда не красила губы на рабочем месте.

Не могу сказать, что он был строгий начальник. По-настоящему его могла вывести из себя только людская тупость. Именно тупость. Но голоса он никогда не повышал. Он мог быть строгим и требовательным и не повышая голоса. Если он давал какое-то задание, его не особо волновало, как это сделать, кто это сделает, какие могут возникнуть проблемы. Это должно быть сделано — и все.

ВЛАДИМИР ЧУРОВ:

В 1991 году Собчак решил создать в Ленсовете Комитет по внешним связям, который и возглавил Владимир Путин.

На тот момент в системе внешней торговли города была точно такая же ситуация, как и во всей стране: государственная монополия, уполномоченные государственные фирмы-монстры типа «Ленфинторга» или «Ленвнешторга». Ес-

тественно, при этом полное отсутствие таможенной, банковской, инвестиционной, биржевой и прочих структур.

Необходимо было срочно создавать условия для сотрудничества с Западом в условиях рыночной экономики.

Начал комитет с того, что открыл в Санкт-Петербурге первые в стране представительства западных банков. При самом активном участии Путина в городе открылись отделения «БМП Дрезднер-банк» и банка «Насьональ де Пари».

Усилия администрации города также были сосредоточены на привлечении западных инвесторов. По инициативе Комитета по внешним связям были созданы инвестиционные зоны, которые и сейчас успешно развиваются, — это зона «Парнас» и зона в районе Пулковских высот.

Была разработана оригинальная схема: крупный инвестор — «Кока-кола» — осваивает участок территории, подводит на Пулковские высоты инженерные коммуникации с избыточными возможностями, заранее планируя, что рядом появятся еще несколько производств. Так и произошло.

После того как «Кока-кола» освоила этот участок, рядом появились «Жилетт», потом «Ригли», запустили фармацевтическое производство. Так внутри города образовалась экономическая зона, объем инвестиций в которую сейчас существенно превышает полмиллиарда долларов.

Кроме того, при содействии комитета активно стали модернизировать инфраструктуру города, чтобы создать условия для успешного бизнеса. Первое большое дело, которое поддержал Путин, — это завершение укладки оптоволо-

конного кабеля на Копенгаген. Этот суперпроект начали еще в советское время, но не справились. Теперь попытка оказалась удачной. Обеспечили Петербург международной телефонной связью на уровне мировых стандартов.

Наконец возникла проблема кадров: специалистов, знающих язык, было очень мало — по инициативе Путина и при поддержке Собчака в ЛГУ был создан факультет международных отношений. В 1994 году объявили первый набор. А сейчас выпускники этого факультета уже работают в нашем комитете и в других структурах.

— В питерской прессе много говорили и писали о скандале, связанном с поставками продовольствия. В чем там было дело?

— Действительно, в 1992 году, когда в стране был фактически продовольственный кризис, Ленинград испытывал большие проблемы. И тогда наши бизнесмены предложили следующую схему: им разрешают продать за границу товары, главным образом сырьевой группы, а они под это обязуются поставить продукты питания. Других вариантов у нас не было. Поэтому Комитет по внешним связям, который я возглавлял, согласился с этим предложением.

Получили разрешение председателя правительства, оформили соответствующее поручение. Схема начала работать. Фирмы вывозили сырье. Разумеется, они оформляли все необходимые разрешения, лицензии на вывоз. То есть таможня не выпустила ничего без соответствующих сопроводительных документов, которые обычно для этого требуются.

Тогда много говорили, что якобы какие-то редкоземельные металлы вывезли. Ни одного грам-

ма никакого металла вывезено не было. То, что нуждалось в специальном разрешении, таможня не пропустила.

К сожалению, некоторые фирмы не выполнили главного условия договора — не завезли из-за границы продукты или завезли не в полном объеме. Они нарушили обязательства перед городом.

— *Была создана депутатская комиссия, возглавляемая Мариной Салье, которая провела специальное расследование?*

— Да там фактически расследования никакого не было. Да и быть не могло. В уголовном порядке преследовать было не за что и некого.

— *Тогда откуда взялась вся эта история о коррупции?*

— Я думаю, что этот скандал часть депутатов пыталась использовать для воздействия на Собчака, чтобы он меня уволил.

— *За что?*

— За то, что я — бывший кэгебэшник. Хотя, я думаю, за этим стояли и другие мотивы. Некоторые депутаты напрямую работали с теми фирмами, которые хотели на этих сделках заработать, а им ничего не досталось, вот они и нашли злого кэгебэшника, который мешал, и его надо было изгнать. А на это место хотели поставить своего человека.

Я считаю, что город, конечно, не сделал всего, что мог. Нужно было теснее работать с правоохранительными органами и палкой выбивать из этих фирм обещанное. Но подавать на них в суд было бессмысленно — они растворялись немедленно: прекращали свою деятельность, вывозили товар. По существу, предъявить-то им было нечего. Вспомните то время — тогда сплошь и рядом возникали какие-то конторы, финансовые пирамиды, МММ... Мы просто этого не ожидали.

Вы поймите, мы же не занимались торговлей. Комитет по внешним связям сам ничем не торговал, ничего не покупал, ничего не продавал. Это же не внешнеторговая организация.

— **А выдача лицензий?**

— Лицензии мы не имели право давать. В том-то все и дело. Лицензии давали подразделения министерства внешнеэкономических связей. Это федеральная структура, не имевшая никакого отношения к администрации города.

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Володя сильно изменился, когда начал работать в мэрии. Мы стали редко видеться. Он очень занят был — уезжал из дома рано, приезжал ночью. И конечно, уставал. Даже когда мы шашлыки жарили на даче, он ходил вдоль забора, о чем-то думал. Он где-то был в другом месте.

Он с головой ушел в Санкт-Петербургские дела и как-то высох в смысле души, мне так показалось. Он прагматиком стал.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

У Путиных была собака, кавказская овчарка. Ее звали Мальши. Собака жила на даче и все время делала подкопы под забор, пыталась выскочить наружу. Однажды она все-таки выскочила и попала под машину. Людмила Александровна ее схватила, повезла в ветеринарную клинику. Оттуда звонит в приемную и просит передать мужу, что спасти собаку не удалось.

Захожу в кабинет к Владимиру Владимировичу и говорю: «Вы знаете... такая ситуация... Мальши погиб». Смотрю, а у него на лице ноль эмоций. Я так удивилась отсутствию какой-либо реакции, что не удержалась и спросила: «Вам что, уже об этом кто-то сказал?» А он спокойно:

«Нет, вы первая мне об этом говорите». И тут я поняла, что ляпнула что-то не то.

На самом же деле он очень эмоциональный человек. Но, когда надо, умеет скрыть свои чувства. Хотя расслабляться тоже умеет.

«СОПРИКОСНУЛИСЬ С ПРЕКРАСНЫМ, ПОРА ОТВАЛИВАТЬ»

Как-то раз в Гамбурге мы с друзьями пошли на эротическое шоу. Впрочем, вряд ли его можно было назвать эротическим — пожалуй, покруче. Но мы с женами были! Это они начали уговаривать меня: «Ну давай, своди нас куда-нибудь на что-нибудь такое...» Они первый раз оказались за границей. «Может, не надо?» — «Надо, надо, мы хотим, мы уже большие!» — «Ну ладно, вы сами этого хотели».

Пришли, сели за столик. Началось. Вышли солисты афроамериканского происхождения: негр такой здоровый, метра под два ростом, и негрityночка, совсем маленькая девочка. И вот они не спеша раздеваются под хорошую музыку, и началось. Вдруг смотрю, жена моего друга, не отрывая глаз от этой парочки, поднялась со стула, встала и вдруг — бах! — потеряла сознание. Хорошо, ее в последнюю секунду муж поймал, а то ударилась бы головой.

Привели ее в чувство и повели в туалет — лицо сполоснуть. Поднялись на второй этаж, идем, а в это время у солистов номер закончился, они со сцены вышли и мимо нее проходят в чем мама родила. Она их увидела — и опять — ба-бах — в обморок!

Вернулась, села. Я спросил: «Ну, как ты?» Пряча глаза, отвечает: «Видимо, я съела что-ни-

будь». — «Я знаю, что ты съела. Пошли отсюда». — «Нет-нет, ничего, все нормально, все в порядке, это пройдет». Я говорю: «Нет уж, пойдем, всего насмотрелись, соприкоснулись с прекрасным, пора отваливать».

Если что, я там находился в качестве поводыря, знающего немецкий язык. К тому же я не первый раз был в Гамбурге и, не поверите, по долгу службы изучал их значные места: мы в то время пытались навести порядок в игорном бизнесе Санкт-Петербурга.

Тогда я считал, не знаю, правильно или нет, что игорный бизнес — это такая сфера деятельности, в которой должна быть монополия государства. Но моя позиция противоречила уже принятому Закону об антимонопольной деятельности. Тем не менее я попытался сделать так, чтобы государство в лице города установило жесткий контроль над игорной сферой.

Для этого мы создали муниципальное предприятие, которое никакими казино не владело, но контролировало 51 процент акций игорных заведений города. В это предприятие были делегированы представители основных контролирующих организаций: ФСБ, налоговой полиции, налоговой инспекции. Расчет был в том, что государство, как акционер, будет получать дивиденды с 51 процента акций.

На самом деле это была ошибка, потому что можно было владеть каким угодно пакетом акций и при этом ничего не проконтролировать: ведь все деньги со столов уходили черным налом.

Владельцы казино показывали нам только убытки. То есть в тот момент, когда мы подсчитывали прибыль и решали, куда можно будет ее направить — на развитие городского хозяйства, на поддержание социальной сферы, — они смеялись над

нами и показывали убытки. Это была классическая ошибка людей, которые впервые столкнулись с рынком.

Позже, особенно во время предвыборной кампании Анатолия Собчака в 1996 году, наши политические оппоненты пытались найти какой-то криминал в наших действиях, обвинить нас в коррупции. Мол, мэрия занималась игорным бизнесом. Смешно было это читать. Все, что мы делали, было абсолютно прозрачно.

Можно только спорить о том, правильно ли это было с экономической точки зрения. Судя по тому, что схема оказалась неэффективной и с ее помощью не удалось достичь задуманного, — надо признать, что она была не продумана до конца.

Но если бы я остался работать в Питере, все равно эти казино додушил бы. Я бы их всех заставил работать на нужды общества и делиться с городом своими прибылями. Эти деньги пошли бы пенсионерам, учителям и врачам.

«С ОГЛУШИТЕЛЬНЫМ ГРОХОТОМ»

ВЛАДИМИР ЧУРОВ:

Неприятный инцидент произошел у нас во время визита вице-президента США Альберта Гора, когда его встречали в аэропорту. Сотрудник генерального консульства США в Санкт-Петербурге грубо повел себя с кем-то из руководителей города. Не помню точно, что там случилось, но, по-моему, он как-то грубо оттолкнул командующего округом. И после этого последовало официальное заявление Владимира Путина, что мы в администрации города этого человека принимать отказываемся.

Разрешать конфликт приезжал посол Соединенных Штатов Америки в России. И через некоторое время отозвали не только этого сотрудника, но и генерального консула. Путина весь дипломатический корпус очень сильно уважал. Второй такой политический международный скандал случился в Гамбурге в марте 1994 года. Президент Эстонии Леннарт Мери, который, кстати, был хорошо знаком с Путиным и с Собчаком, позволил себе грубые выпады в адрес России в публичном выступлении на семинаре Европейского союза. Путин был в зале вместе с другими российскими дипломатами. После того как Мери в очередной раз грубо сказал про оккупантов, имея в виду Россию, Путин не стерпел. Он встал и демонстративно вышел из зала после этих слов. Это выглядело впечатляюще: заседали в Рыцарском зале с десятиметровыми потолками и мраморным полом, и когда он шел, в полной тишине каждый его шаг отдавался под сводами эхом. В довершение ко всему огромная кованая дверь захлопнулась за ним с оглушительным грохотом. Как Путин сам потом рассказывал, он даже пытался ее придержать, но не смог.

Наш МИД потом одобрил этот поступок.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Меня всегда удивляло, что он совершенно спокойно общается с людьми очень высокого уровня, с иностранными делегациями. Обычно же, когда разговариваешь с большими начальниками, возникает какое-то чувство стеснения, неловкости. А Владимир Владимирович с любым руководством всегда держался непринужденно. Я ему завидовала и думала, как бы мне научиться этому.

Я даже потом была удивлена, когда его супруга как-то сказала мне, что Владимир Владимирович по натуре достаточно стеснительный человек и ему пришлось очень долго работать над собой, чтобы по крайней мере казаться таким непринужденным в общении с людьми.

Разговаривать с ним было легко. Хотя на первый взгляд он кажется очень серьезным, но на самом деле с ним всегда можно пошутить. Например, он мне как-то говорит: «Позвоните в Москву, конкретно договоритесь о времени встречи, чтобы потом не сидеть в приемной, не терять черт знает сколько часов». Я ему отвечаю: «Да, точно так же, как у вас в приемной сидят». Он на меня посмотрел как бы строго, а на самом деле хитро: «Марина!»

С его супругой, Людмилой Александровной, у нас тоже были хорошие отношения. Мы с ней общались просто так, как знакомые. Я помню, была у нее в гостях, сидим на кухне, пьем чай. Позвонил Владимир Владимирович. Она говорит: «Мы с Мариной пьем чай». А он, наверное, задал ей вопрос: «С какой?» Супруга отвечает: «С какой-какой! С твоей Мариной».

Мы особенно сблизились, когда Людмила Александровна попала в аварию.

«БОЛЬНО, И ДИКАЯ УСТАЛОСТЬ»

В 1994 году я принимал участие в переговорах с Тедом Тернером и Джейн Фондой о проведении в Санкт-Петербурге Игр доброй воли. Они приехали к нам, и я сопровождал их на всех переговорах. График был очень жесткий.

Вдруг звонок из моей приемной. Секретарь сообщила мне, что Людмила попала в аварию. Я спрашиваю: «Серьезное что-то?» — «Нет, вроде ничего серьезного. Но на всякий случай «скорая» в больницу повезла». Сказал: «Я постараюсь вырваться с переговоров и туда подъеду».

Когда приехал, поговорил с главврачом, и он меня заверил: «Не переживайте, ничего опасного нет. Сейчас мы шину наложим, и все будет нормально». Я переспросил: «Это точно?» — Абсолютно». — И я уехал.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я ехала на наших «Жигулях», как положено, на зеленый свет. На заднем сиденье спала Катя. И вдруг в боковую стойку на скорости примерно 80 километров в час врывается легковая машина. Я ее не видела даже. Ехала на зеленый и направо даже не смотрела. Да я бы этот автомобиль и не разглядела — он выскочил на красный из-за стоящей у светофора машины.

Счастье, что он въехал в эту стойку. Если бы он врезался в переднюю или в заднюю дверь, то кто-то из нас наверняка бы погиб.

На полчаса я потеряла сознание, потом очнулась, хотела ехать дальше, но поняла, что не могу. Было немного больно и дикая усталость. Когда в «скорую» укладывали и сделали укол снотворного, я помню, что подумала: «Господи, вот отосплюсь-то!» До этого я несколько недель не могла выспаться.

Первая мысль была, конечно, о дочке. Я сразу спросила: «Что с ребенком? У меня ребенок сидел сзади». И кому-то из тех, кто стоял рядом, дала телефон помощника Володи Игоря Ивановича Сечина, чтобы он приехал и забрал Катю,

потому что все это случилось буквально в трех минутах езды от Смольного. Одна женщина особенно переживала, она больше всех и помогла: и «скорую» вызывала, и Сечину позвонила, и о ребенке позаботилась — она все время была рядом. Потом оставила свой телефон, а он потерялся где-то в машине. Так жалко. Мне с тех пор хочется ее поблагодарить. А телефон куда-то делся.

«Скорую» вызвали сразу, но приехала она только через 45 минут. Врачи на месте констатировали перелом позвоночника.

Отвезли в больницу. Больница оказалась совершенно жуткая. Там в основном народ умирал. В коридоре стояли тележки с трупами. Это я на всю жизнь запомнила. Имени 25-летия Октября она называлась.

Я постеснялась сказать «скорой», чтобы меня везли в Военно-медицинскую академию, к Юрию Леонидовичу Шевченко, вот меня и отвезли в эту дежурную больницу. Туда всегда людей с травмами отвозят. И если бы я там осталась, я благополучно умерла бы, потому что они, во-первых, не собирались делать мне операцию на позвоночнике. Не собирались, потому что, я думаю, не умели.

Во-вторых, они даже не заметили перелома основания черепа. Мне в лучшем случае грозил посттравматический менингит с летальным исходом.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

В приемную позвонила какая-то женщина: «Я по просьбе Людмилы Александровны, она попала в аварию. Просила позвонить». Что делать в этой ситуации? Владимира Владимиро-

вича на месте не было — он был на переговорах. Взяли машину кого-то из его заместителей. Привезли Катюшу прямо в приемную, в Смольный. Я спрашиваю: «Катенька, что случилось?» Она говорит: «Я не знаю, я спала». Она лежала на заднем сиденье и в момент удара, наверное, упала и стукнулась.

Первое, о чем я подумала: Людмила Александровна все-таки у врачей, это уже хорошо. И надо показать девочку врачу, потому что она заторможена и с синяком. Мы с Катюшкой пошли к врачу — тут же, в Смольном. Он посоветовал обратиться к педиатру.

Мы поехали в педиатрический институт к детскому невропатологу, чтобы проверить, нет ли сотрясения мозга. Врач толком ничего не ответил, сказал только, что ребенку нужен покой. Он ее спрашивал, что случилось, но она не в состоянии была что-то рассказывать. Шок, наверное, был.

Водитель, который привез Катю, сказал, что Людмила Александровна была в сознании, когда ее увозила «скорая». Я успокоилась: ну ладно, ничего страшного. Потом позвонила в больницу узнать, какой диагноз. Ни о переломе основания черепа, ни о трещине в позвоночнике и речи не было.

Но мы все-таки сомневались. Владимир Владимирович попросил позвонить Юрию Леонидовичу Шевченко в Военно-медицинскую академию. Звоню. Его нет. Звоню второй раз, третий, четвертый, пятый — нет. Уже очень поздно вечером наконец дозвонилась. И он сразу прислал своих хирургов, чтобы забрали Людмилу Александровну в его клинику. Они приехали и забрали.

— Доктор Шевченко, нынешний министр здравоохранения, получается, не чужой для вас человек?

— Нет, у нас с ним не было особо близких отношений, даже после этой истории. Просто он настоящий врач. Года четыре назад, в 96-м году, в первую чеченскую войну, он у солдата из сердца пулю вынул. Она на излете попала в сердечную мышцу. Солдат остался жив. Шевченко и сейчас оперирует — летает в Питер на выходные и делает операции. Настоящий врач.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

В клинику меня перевез Валерий Евгеньевич Парфенов. Он и спас мне жизнь, забрал прямо из операционной. У меня ведь еще и ухо было порвано, они решили сделать мне операцию, зашили ухо и оставили голой на столе в совершенно холодной операционной, в жутком полусознательном состоянии, а сами ушли. Когда приехал Валерий Евгеньевич, ему сказали: «Ей ничего не нужно, только что сделали операцию, все хорошо».

Но он зашел в операционную. Я открываю глаза: передо мной стоит офицер и берет мою ладонь. И у него совершенно горячая ладонь. Я сразу согрелась и поняла, что теперь-то я спасена.

В клинике Военно-медицинской академии мне сразу сделали снимок и сказали, что нужна срочная операция на позвоночнике.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Людмила Александровна тогда жила с детьми на служебной даче за городом. Машенька все еще была в школе. Они с Катей-то утром, когда произошла авария, ехали в эту школу. Там какое-

то представление было. Катюша утром приболела и не поехала, а потом все же напросилась на это мероприятие.

И теперь Машу надо было забрать из школы и решить, что дальше делать с детьми.

Я предложила Владимиру Владимировичу: «Давайте я девочек отвезу к своей маме». Он говорит: «Нет, это неудобно, но если бы вы согласились переночевать с ними у нас на даче, я был бы вам благодарен». Я сказала: «Хорошо».

Ехали мы на дачу как раз мимо больницы, куда перевезли Людмилу Александровну. Там я увидела машину Владимира Владимировича, он уже собирался уезжать. Попросила остановиться, вышла и говорю ему: «Там, в машине, девочки». Он пошел к ним, а я в больницу. Девчонок все равно бы не пустили.

Людмиле Александровне только что сделали операцию. Она была в сознании и первое, о чем спросила меня: взяли ли мы теплые вещи для девочек. В этот день резко похолодало, и на даче могло не оказаться теплой одежды.

Когда мы уже собрались ехать, Владимир Владимирович сказал, что если сможет, подъедет позже, но вряд ли, потому что встречи у него будут до поздней ночи.

Водитель привез нас и уехал. Но он забыл сказать нам, как включить отопление в доме. Холод был страшный. Но девочки вели себя очень достойно. Когда мы приехали, они мне стали помогать: «Тетя Марина, одеяла надо достать оттуда, а простыни — вон оттуда»... Они не были в ужасе и не жались по углам со слезами на глазах. Они пытались помочь.

Девочки, конечно, понимали, что все очень серьезно. Когда по пути на дачу около больницы они увидели папину машину, то сразу спросили: «Тут мама лежит?» Откуда-то они знали, что это новое здание больницы. Мы ведь не сказали им, что ее в академию перевезли, чтобы не волновать их.

Я положила девчонок в одну постель, чтобы им было теплее. И вдруг часа в три ночи стук в дверь. Я испугалась, потому что, кроме нас троих, на даче никого не было. Оказалось, приехал Владимир Владимирович, освободившись наконец от Тернера. Он сразу все включил, и дом быстро согрелся.

Я его таким раньше не видела. Нельзя сказать, что он был не в своей тарелке, выбит из колеи, совершенно потерян и не знает, за что завтра хвататься и куда бежать. Нет, этого не было. Чувствовалось, что в его голове все равно есть какой-то стройный план. И все-таки я Владимира Владимировича никогда таким не видела.

В три ночи он приехал, а в семь утра уже уехал. А я осталась с девочками до вечера, пока из Калининграда не приехала Екатерина Тихоновна, мама Людмилы Александровны.

— Как она узнала?

— Я послала ей телеграмму. Может быть, Людмила Александровна будет меня ругать, когда узнает, но это я сделала и попросила, чтобы она приехала. Конечно, с согласия Владимира Владимировича. Дети были с ней, пока Людмила Александровна не выписалась из больницы.

— Она долго выздоравливала?

— Месяца полтора или даже два она пролежала в больнице. Там ведь еще и перелом основания

черепу обнаружили. Это их волновало гораздо больше, чем трещина в позвоночнике.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Уже когда мне сделали операцию на позвоночнике, я лежала в реанимации и все время говорила врачам, что у меня шевелятся челюсти. А они шутили: «Ничего, новые вставим». Но потом хирург, который меня оперировал, все-таки обратил на это внимание, и на всякий случай мне сделали снимок. Тут перелом основания черепа и обнаружился. Сделали еще одну операцию, начали лечить, но теперь я понимаю, что у врачей были очень большие сомнения в успешном исходе. Шансов почти не было. Мне повезло, что я выкарабкалась.

Жалко только, что шею разрезали с двух сторон: спереди и сзади. До этой истории там был в целом неплохой дизайн.

— Испугали вас этим диагнозом?

— Нет, не особенно, потому что это было в реанимации, в бреду. Только мне было очень жаль моей шеи. Я стала плакать. А Валерий Евгеньевич, хирург, когда узнал, почему я плачу, сказал: «Вот дуручка! У нее позвоночник и череп переломаны, а она из-за шрамов на шее плачет!»

А я плакала. Я боялась, что будут видны эти шрамы. А на самом деле они оказались совсем незаметными.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Она лежала в больнице в общей палате на четырех человек, пока не затянулась сама собой эта трещина в основании черепа. И Владимир Владимирович, и девочки, и я все время навещали ее.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Когда я вышла из больницы, то первые две недели просто ползала по квартире. Постепенно стала кое-что делать. Но в итоге в нормальную жизнь входила два-три года.

Через пару месяцев всей семьей поехали в Испанию. Все отдыхали, я долечивалась.

«С РУЖЬЕМ СПОКОЙНЕЙ»

СЕРГЕЙ РОЛДУГИН:

Однажды Володя приехал ко мне на дачу со своим шофером. Мы посидели, поговорили. Пошли спать. И тут я вижу, что он кладет помповое ружье рядом с собой. Видимо, какие-то проблемы возникли. Я говорю: «Вовка, ты чего? Думаешь, помповое ружье тебя спасет?» Он отвечает: «Спаси не спасет, но так спокойнее».

Это было в последний год его работы в мэрии, когда началась предвыборная кампания Анатолия Собчака.

С самого начала было ясно, что выборы мэра в 1996 году будут сложными для нас. Я чувствовал, что происходит, и сразу сказал Анатолию Александровичу, что эти выборы будут очень тяжелыми.

В 1992 году в том, что Собчак стал первым всенародно избранным мэром города, определенную роль сыграл я. Убедил многих депутатов ввести в Петербурге, так же как в Москве, должность мэра. Собчака, как председателя Ленсовета, в любую секунду могли снять те же депутаты.

В конце концов Собчак согласился с тем, что пост мэра вводить надо, но у него не было уверенности в том, что это предложение пройдет, потому что у него были достаточно конфликтные отноше-

ния с подавляющим большинством депутатов Ленсовета. При этом популярность среди населения была очень высокой, и депутатский корпус понимал, что если они проголосуют за введение должности мэра, то Собчака точно выберут. А этого не хотели. Депутатов устраивало, что они всегда как бы держали Собчака на крючке.

Но мне все-таки удалось часть депутатов убедить в том, что это будет целесообразно для города. Кроме того, удалось мобилизовать руководителей районов города, которые придерживались такого же мнения. Они не имели права голоса, но могли повлиять на своих депутатов.

В итоге решение о введении поста мэра было принято Ленсоветом с перевесом в один голос.

Спустя четыре года стало ясно, что для победы нужны профессионалы, технологи для работы по предвыборной кампании, а не успешные переговорщики с депутатами. Это совершенно разные вещи.

— Вы давали Собчаку какие-то советы по тому, как вести кампанию?

— В принципе я ему сразу сказал: «Знаете, теперь совсем другой уровень, здесь нужны специалисты». Он согласился, но потом решил, что сам будет руководить предвыборной кампанией.

— Самонадеянно?

— Трудно сказать. Ведь знаете, кампания, специалисты — все это требовало больших денег. У нас их не было. Вот Собчака полтора года преследовали неизвестно за что, якобы за квартиру, которую он купил за счет города. Но на самом деле у него не было денег ни на квартиру, ни на предвыборную кампанию, потому что мы не занимались извлечением средств из бюджета города. Нам даже в голову не приходило, что можно найти таким путем нужные суммы.

Вот Яковлеву эти суммы были предоставлены. За счет Москвы. Потому что его поддерживали как раз те люди, которые организовали работу против Собчака.

— Там тогда активно Коржаков играл против...

— По имевшейся у нас тогда информации — и Сосковец тоже. Потом подключились и правоохранительные органы. Играли они очень грязно.

Где-то за полтора года до выборов приехала комиссия, назначенная руководителями трех ведомств — ФСБ, МВД и прокуратуры. Завели несколько уголовных дел. Собчака сделали свидетелем по двум из них. А в ходе предвыборной кампании послали запрос в Генеральную прокуратуру: проходит Собчак по уголовным делам или нет. В тот же день получили ответ: да, проходит по двум уголовным делам, — но, естественно, не написали, что свидетелем. Размножили ответ в виде листовок и разбросали с вертолета над городом. Вот это прямое вмешательство правоохранительных органов в политическую борьбу.

Собчак решил сам руководить штабом. Потом подключилась Людмила Борисовна, его супруга. И он объявил, что она будет возглавлять штаб. Мы переубедили его и ее, потому что не были уверены, что ей станут подчиняться все, кто нужен для работы в штабе.

Пока решали, кто будет руководить кампанией, упустили массу времени.

Перед первым туром мы с Алексеем Кудриным, который тоже был заместителем Собчака, решили все-таки включиться. Но Собчак сказал, чтобы я продолжал заниматься городом. Надо же было, чтобы кто-то занимался хозяйственной деятельностью пятимиллионного Петербурга в тот период.

Тем не менее в последний момент, между первым и вторым турами, мы с Кудриным еще раз все же попытались включиться, но это было уже бессмысленно.

Выборы мы благополучно продули.

«КОРОЧЕ, Я РЕШИЛ УЙТИ»

Еще некоторое время после поражения я сидел в кабинете в Смольном. Шел второй тур президентских выборов, а я был в санкт-петербургском отделении штаба Ельцина и активно там работал. Новый губернатор Владимир Яковлев сразу не стал выгонять меня из кабинета, но как только президентские выборы закончились, меня довольно жестко попросили освободить помещение. К тому времени я уже отказался от предложения Яковлева сохранить за мной пост заместителя мэра. Он сделал его через своих людей.

Я считал для себя работу с Яковлевым невозможной, о чем ему и сообщил.

Тем более в процессе предвыборной борьбы я был инициатором заявления, в котором все чиновники мэрии подтвердили, что в случае поражения Собчака они покинут Смольный. Было очень важно высказать консолидированное мнение, чтобы все люди, которые работали с Анатолием Александровичем, с его администрацией, поняли, что его проигрыш — это крушение и для них. Хороший стимул, чтобы все включились в борьбу.

Мы тогда собрали журналистов и сделали открытое заявление для прессы, которое я озвучил. Так что после этого мне оставаться в мэрии было просто неприлично.

К тому же в ходе предвыборной кампании я несколько раз прошелся по Яковлеву. Уже не помню, в каком контексте, но в одном из телевизионных интервью я назвал его иудой. Как-то так к слову пришлось, и я его приложил.

Хотя отношения с Яковлевым у нас от этого лучше не стали, но, как ни странно, все-таки сохранились.

Но все равно остаться я не мог. Впрочем, как и многие другие сотрудники.

Помню, как пришел ко мне Миша Маневич и говорит: «Слушай, я хочу с тобой посоветоваться. Мне Яковлев предлагает остаться на посту вице-мэра». Я говорю: «Миша, конечно, оставайся». А он говорит: «Ну как же, мы же договорились, что все уйдем». Я ему: «Миш, ты что? Это же предвыборная борьба была, мы были вынуждены это сделать. Но теперь-то на кого все это оставлять, кто будет работать? Городу нужны профессионалы». Я уговорил его остаться.

Миша был потрясающий парень. Мне так жалко, что его убили, такая несправедливость! Кому он помешал?.. Просто поразительно. Очень мягкий, интеллигентный, гибкий в хорошем смысле слова. Он принципиальный был человек, под всех не подстраивался, но никогда не лез на рожон, всегда искал выход, приемлемые решения. Я до сих пор не понимаю, как такое могло случиться. Не понимаю.

Кроме Миши, я еще нескольких сотрудников уговорил остаться. Дима Козак, который был руководителем юридического управления, уже написал заявление, уволился. И я его уговорил вернуться — он вернулся. Но вообще, тогда довольно много народа ушло из Смольного, не только из руководства.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Заявление об уходе я написала в последний день работы Владимира Владимировича в Смольном. Уходила я в никуда, никакого запасного аэродрома у меня не было.

Работать с Путиным было сложно, но очень интересно. Работать с умными людьми вообще интересно. И я себе не представляла, что смогу работать с кем-то другим.

Владимир Владимирович догадывался о моих настроях еще до того, как я пришла к нему с заявлением. Он меня стал отговаривать: «Марина, почему вы решили уйти? Подождите, не уходите». Он сказал, что не знает, где будет работать дальше, и не уверен, что сможет в будущем предложить мне какую-то работу. Я ответила: «Независимо от того, сможете вы мне предложить что-то или нет, я все равно работать здесь не буду».

Когда я принесла ему на подпись заявление о своем уходе, глаза у меня были на мокром месте. Он заметил это, попытался меня успокоить: «Мариночка, не надо так расстраиваться». Я постаралась взять себя в руки: «Все, извините, пожалуйста, больше не буду». Он опять: «Не расстраивайтесь так, пожалуйста».

Конечно, я довольно тяжело все это переживала. Было жаль, что заканчивается такой интересный и довольно значимый период в моей жизни. И все-таки я была абсолютно уверена, что у Владимира Владимировича все должно быть хорошо, и понимала, что такой умный человек не может остаться невостребованным.

В июле мы с семьей переехали на дачу, которую я строил несколько лет, и стали жить там в ожидании, — ведь я «такой нужный всем» и меня

обязательно куда-нибудь позовут. Анатолий Александрович твердо так сказал, что меня непременно сделают послом. Он тогда переговорил с Примаковым и сказал мне: «Я с министром говорил — будешь послом». Я, конечно, сомневался, что меня послом куда-то отправят, но мне было неловко Собчаку говорить: «Анатолий Александрович, это чушь несусветная! Не только мне, но и вам не видать никакого посла как своих ушей!» Так и случилось.

«СОБЧАК БЫЛ НАСТОЯЩИМ»

Анатолий Александрович Собчак был человеком эмоциональным. Он всегда любил быть в центре внимания, чтобы о нем говорили. При этом ему, как мне казалось, было отчасти все равно, ругают ли его или хвалят.

В начале своей работы в Ленсовете он несколько раз позволил себе резко высказаться об армии. Назвал генералов тупоголовыми, хотя на самом деле не считал, что они тупоголовые. Я это знаю. Собчак нормально относился к армии. Пришлось к красному словцу, в запале, вот и сказал. Ему казалось, что широкая общественность поддерживает такое мнение, вот и лепил. Ошибка.

А генералы его на дух не переносили. Как-то было заседание военного корпуса или что-то в этом роде. Сам он член военного совета Ленинградского военного округа, и это заседание у него в плане стояло. А тут Алла Борисовна Пугачева в город приезжает. Он мне говорит: «Слушай, позвони генералам и скажи, что я не приеду». Он на самом деле хотел Пугачеву встретить. А генералы и так уже из-за него перенесли заседание, неудобно, обидятся. «Надо, — говорю, — ехать». — «Ну скажи, что я

заболел!» И все-таки уехал в аэропорт встречать Пугачеву.

Я звоню командующему: «Вы знаете, Анатолий Александрович не придет. Он заболел». — «Да? Ну ладно, спасибо, что сказали». Недели через две мы с командующим встречаемся, и он мне с обидой говорит: «Значит, заболел, да?» Оказывается, видел по телевизору, как Собчак встречал Пугачеву и потом поехал на ее концерт. И тут же нехорошо отозвался об Алле Борисовне, хотя она была здесь совершенно ни при чем: «Вот этих... значит, встречать у него время есть? Даже болезнь перевозим. А заняться государственными делами времени нет?»

— *Когда Собчак улетал в Париж, вы где были?*

— В Петербурге, хотя работал уже в Москве.

— *Расскажите.*

— А что рассказывать?

— *А там какая-то хитрая история была с его отъездом...*

— Ничего хитрого. Я был в Питере, встречался с ним, в больницу к нему приходил, навещал.

— *Вы просто прилетели попрощаться?*

— Нет, я не прощался, я навестил его в больнице, и все. Он лежал в кардиологической больнице, а потом начальник Военно-медицинской академии Юра Шевченко перевел его к себе.

И 7 ноября его друзья, по-моему, из Финляндии прислали санитарный самолет, и он на нем улетел во Францию, в госпиталь.

— *То есть вот так, ничего никто не организовывал, просто прислали самолет?*

— Да, друзья прислали самолет. Поскольку это было 7 ноября, когда страна начала праздновать, то его отсутствие в Санкт-Петербурге обнаружилось только 10.

— **Внешне это все выглядит как спецоперация, хорошо организованная профессионалом.**

— Да ну? Ничего здесь не было особенно специального. В газетах писали, что его провезли без досмотра. Ничего подобного, он прошел и таможенный, и пограничный контроль. Все как положено. Штампы поставили. Положили в самолете. Все.

— **Аплодисменты. А его арестовать могли?**

— Наверное, могли. Только не очень понимаю, за что.

— **До сих пор непонятно, да?**

— Нет, почему. Как раз мне понятно, что арестовывать его было не за что. Ему инкриминировали какую-то мутную историю с квартирой. Завели дело. Оно в конце концов развалилось. Но самого Собчака сначала крючили четыре года, а потом гоняли несчастного по всей Европе.

— **Вы сами разбирались в этой истории?**

— Нет. Я, честно говоря, даже деталей не знал, потом уже для себя выяснил.

— **А вам интересно было самому раскопать и разобраться до конца, чтобы просто понять, с каким человеком вы работаете? Или у вас вообще не возникало сомнений?**

— Вы знаете, я абсолютно был убежден в том, что он порядочный человек на сто процентов, потому что общался с ним много лет. Я просто знаю, как он думает, о чем, что является для него ценностью, что не является, на что он способен, а на что — нет.

Помните, в фильме «Щит и меч» эпизод, когда пытались завербовать советского офицера? Ему сказали: «Вы что думаете, мы вам дадим умереть героем? Вот уже опубликована фотография, где вы в немецкой форме. Все, вы предатель». Наш офицер схватил стул и попытался ударить вербовщика. Тот его застрелил и говорит: «Да, неправильная

была идея с самого начала. Не было смысла его шантажировать. Видимо, репутация этого офицера на родине безупречна».

То же и с Собчаком. Он — порядочный человек с безупречной репутацией. Более того, он очень яркий, открытый, талантливый. Анатолий Александрович, при том что мы с ним совсем разные, очень мне симпатичен. Мне искренне нравятся такие люди, как он. Он — настоящий.

Мало кто знал, что у нас с Анатолием Александровичем были близкие, товарищеские, очень доверительные отношения. Особенно много мы с ним разговаривали в заграничных поездках, когда оставались фактически вдвоем на несколько дней. Я думаю, что могу назвать его старшим товарищем...

**ЭТОТ РАЗГОВОР СОСТОЯЛСЯ ЗА ДВА ДНЯ
ДО ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ АНАТОЛИЯ СОБЧАКА.
19 ФЕВРАЛЯ В ГОРОДЕ СВЕТЛОГОРСКЕ
ОН СКОНЧАЛСЯ ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА.**

«ВСЕ СГОРЕЛО ДОТЛА»

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

В то лето 1996-го, сразу после выборов, мы переехали за город — в дом, который строили шесть лет, это примерно в ста километрах от Питера. Мы там прожили полтора месяца. Шили шторы, убирали, обустроивали, расставляли мебель. Как только мы все это сделали, дом сгорел. Это скучная история. Он сгорел дотла.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Мы поехали на машине на дачу Путиных. Они только что построили ее. Причем поехали не

очень рано, уже ближе к вечеру. Мы с мужем хотели вернуться в этот же день, но Владимир Владимирович и Людмила Александровна стали говорить: «Да что вы, мы сейчас баньку затопим, попаримся». И их девчонки заголосили: «Пусть Светуля остается!» Светуля — это наша дочка.

Дом был кирпичный, но изнутри обшит деревом. В тот день я был на даче с женой и детьми, мы недавно туда заселились. К нам приехала Марина Ентальцева, мой секретарь, с мужем и дочкой. Мы, мужики, пошли в сауну, прямо в доме, на первом этаже. Попарились, искупались в речке и вернулись в комнату отдыха. И вдруг я слышу какой-то треск. Потом дым — и вдруг пламя как бабахнет! Я закричал своим командирским голосом, чтобы все бежали из дома. Горела сауна.

Катя сидела на кухне и что-то ела. Она оказалась самой дисциплинированной. Когда я крикнул: «Вон из дома!» — она ложку на стол шмырк и выскочила, даже не стала спрашивать почему. И потом уже на улице стояла и смотрела. А я побежал наверх.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Мы уже пошли укладывать девочек. Катя была еще внизу, а Маша уже ложилась спать. Моя Светуля пошла на первый этаж, и Людмила Александровна там была.

Дом у них двухэтажный, не скажу, что большой. А лестница на второй этаж в центре, налево и направо от нее по комнате. Я была первый раз в этом доме. И когда сауна загорелась, во всем доме отключилось электричество. Короткое замыкание, наверное. Стало темно.

Я сразу почувствовала угарный газ и растерялась. Тут Владимир Владимирович кричит «Все

вон!» или что-то в этом роде. А мне же дорогу не найти!

И пламени пока нет, только дым и угарный газ. Просто задыхаешься. Темнотень. Я куда-то побежала. Они мне снизу кричат: «Марина, спускайся вниз!» Я кричу: «Не могу найти дорогу!» Это было последнее, что я крикнула. Ползаю и ищу руками лестницу. Думаю: должна же где-то здесь быть лестница. Выяснилось потом, что я проползла мимо нее и очутилась в другой комнате.

Дыма было столько, что не видно лестницы, по которой надо спускаться. На втором этаже и Марина, и Машка, старшая дочка, вертятся и не могут понять, куда им бежать, и даже друг друга не видят. Я Машу взял за руку и на балкон вывел.

Потом содрал с кровати простыни, связал их, привязал к балконной решетке и говорю Маше: «Спускайся!» Она испугалась: «Не полезу, боюсь!» Я пригрозил: «Я тебя сейчас возьму и как щенка отсюда выброшу! Ты что, не понимаешь, что дом сейчас сгорит?!»

Взял ее за шиворот, перекинул через решетку, снизу ее приняли.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

И тут моя рука наткнулась на руку Владимира Владимировича. Он, видимо, поднялся на второй этаж. Он меня и вытолкнул на балкон.

Тут все загорелось. Сначала вообще не было огня, а потом разом все загорелось. Не как в кино: сначала половичок, потом ишторка... Все это ерунда. Все вспыхнуло мгновенно, моментально. Мне рассказывали, выделяется какой-то летучий газ, который очень быстро загорается. Короче говоря, столб пламени.

После Маши я Марину спустил. Связал несколько простыней и перебросил через балкон. Она, когда по простыням скользила, испугалась и разжала пальцы. Там можно было очень сильно удариться, потому что ступеньки отделаны из камня. Но ее муж поймал, правда, выбил при этом руку из сустава. Ничего, потом вправили.

И тут я вспомнил, что в комнате остался «дипломат» с деньгами, все наши сбережения. Я думаю: как же без денег?

Вернулся, поискал, руку запустил туда, сюда... Чувствую, что еще пару секунд пошарю — и все, можно уже не спешить... Бросил, конечно, искать свой клад. Выскочил на балкон, пламя вырывается. Перелезаю через перила, хватаюсь за простыни, начинаю спускаться. И тут нюанс: я же был в чем мама родила, успел только обмотаться простыней. И вот, представляете, картина: пылает дом, голый человек, обмотанный простыней, ползет вниз, ветер раздувает паруса, и вокруг на пригорке выстроился народ и молча, с большим интересом наблюдает.

Рядом с домом две машины стояли. Они довольно сильно раскалились. А ключи от них в доме. Машины на передаче, дверцы заперты.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Мы же остались без ключей, все было в доме. Людмила Александровна говорит: «Давайте толкать». У нас «девятка» была. Я кричу в истерике: «Да черт с ней, с машиной! Дом ведь горит!» Она на меня очень удивленно посмотрела. И говорит: «Да ладно, пригодится еще». Берет камень и кидает в стекло. Потом снимает машину с передачи, и мы ее кое-как толкаем. И вторую так же.

А потом я стояла и молча смотрела, как горит дом. Это был полнейший шок для меня. А Людмила Александровна первое что сказала: «Слава богу, что все живы и здоровы!»

Дом как свечка сгорел. Пожарные приехали. Но у них сразу вода кончилась. А озеро буквально рядом. Я говорю: «Как кончилась вода? Целое озеро же есть!» Они согласились: «Озеро есть. Но нет шланга». В общем, пожарные приезжали и уезжали три раза, пока все не сгорело дотла.

Девочкам было хуже всех в этой истории. Они ведь перевезли сюда из квартиры все свое богатство — все игрушки, всех Барби, которые у них скопились за все детство. Маша потом рассказывала, что несколько месяцев после этого спать не могла. Все самое родное, что у них было, они перетащили в ту комнату.

Пожарные, когда сделали экспертизу, пришли к выводу, что во всем виноваты строители: они неправильно сложили печку. А раз они виноваты, то обязаны возместить ущерб.

Первый способ — заплатить деньги. Но непонятно было, какие. Дом сгорел в 96-м году. Строили мы его лет пять. Хорошо помню, как в 91-м покупал кирпич по три рубля за штуку. Потом этого не хватило, и я докупал, но уже по семь рублей. Это были уже другие цены... В общем, непонятно, как индексировать.

Поэтому второй способ мне понравился больше. Заставить их восстановить все в прежнем объеме. Что и было сделано. Они поставили точно такую же коробку, сами наняли польскую фирму, и она все доделала. Строители сделали все это за полтора года. Все стало как до пожара и даже немножко лучше. Только сауну мы попросили вообще убирать.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я отнеслась к потере дома философски. После этой истории я поняла, что ни дом, ни деньги, ни вещи не стоят того, чтобы ради них сильно напрягаться в жизни. Знаете почему? Потому что в один момент все это может просто сгореть.

— Такая уж традиция у нас в стране — все важные вопросы решать в бане. Как же вы теперь?

— В бане вообще-то мыться надо. Мы и в тот раз никаких вопросов не решали. Это были поминки по прежней должности, если хотите.

«ЭТО НАШ ГОРОД»

— *А что же дальше было с работой? От губернатора Яковлева вы ушли, послом не стали ...*

— Прошло несколько месяцев после того, как мы продули выборы в Питере, я все еще был без работы. В общем, не очень хорошо, да и семья все-таки... Надо было что-то решать. А тут какая-то невнятная ситуация с Москвой: то вроде зовут на работу, то не зовут.

— *И кто все же позвал?*

— Бородин, как ни странно.

Инициатива моего прихода в администрацию президента принадлежала с самого начала управляющему делами президента Павлу Бородину. Не знаю, почему он обо мне вспомнил. Мы несколько раз в жизни до этого встречались. Вот, собственно, и все отношения.

Бородин говорил обо мне с тогдашним главой администрации президента Николаем Егоровым. Тот меня вызвал в Москву и предложил стать его заместителем. Показал проект указа президента, сказал, что на следующей неделе подпишет его у Ельцина — и за работу. Я согласился: «Хорошо. Что мне делать?» Он говорит: «Лети домой, в Питер. Подпишет, и мы тебя вызовем».

Я уехал, а буквально через два-три дня Егоро-

ва сняли и главой администрации назначили Анатолия Чубайса. А Чубайс ликвидировал должность, которую мне предлагали. Так что в Москву я тогда так и не переехал.

Прошло еще какое-то время. Уже было сформировано правительство Черномырдина, а его первым замом назначили Алексея Алексеевича Большакова. Нашего, питерского. И на каком-то приеме — это я позднее узнал — он Бородину и говорит: «Что же вы? Обещали трудоустроить человека и бросили, он так без работы и сидит». Бородин обиделся: «Да не бросал я его. Там все ваш дружок Чубайс переломал». «Ну и возьми его тогда к себе», — предложил Большаков. Бородин считал, что я к нему в Управление делами не пойду, потому что привык к другой работе. Большаков настаивал: «Ну тогда придумай что-нибудь». На том и разошлись. Бородин обещал придумать. И придумал, но об этом я узнал позднее.

Как-то позвонил Леша Кудрин. Он тогда был начальником Главного контрольного управления президента. Приезжай, говорит, посмотрим, что можно сделать, одну должность ликвидировали, но не все же. Я прилетел. Встретился с Кудриным. Он поговорил с Чубайсом, и тот перед отъездом в отпуск предложил мне возглавить Управление по связям с общественностью. Мне это дело было совсем не по душе. А куда деваться? С общественностью так с общественностью. Все-таки администрация президента. В общем, согласился.

Мы с Кудриным сели в его машину и поехали в аэропорт. По дороге он говорит: «Слушай, давай поздравим Большакова, наш, питерский, первым замом стал». — «Ну давай». Мы набрали телефон Большакова прямо из машины. Нас соединили. Лешу как начальника Главного контрольного управления со всеми соединяли. Алексей

поздравил Большакова и сказал: «Вот и Володя Путин вас поздравляет. Он тут, рядом со мной». Большаков говорит: «Дай-ка ему трубку». Я беру трубку и слышу: «Ты где?» — «Ну как где? В машине. Едем с Лешей в аэропорт. Я в Питер улетаю». — «А где был?» — «В Кремле. Решали вопрос моего трудоустройства. Буду начальником Управления по связям с общественностью». — «Позвони мне минут через тридцать». А машина-то все приближается к аэропорту.

Я уже хотел идти на посадку, но в последний момент все же дозвонился до Большакова. Он говорит: «Слушай, а ты можешь остаться? Завтра подойди к Бородину». Я не понимал, о чем идет речь, но остался. Мне даже в голову не приходило, что Большаков может обо мне вспомнить.

Не знаю, почему он это сделал, а спрашивать неудобно. У меня есть только одно объяснение, другого и быть не может. Алексей Алексеевич в Питере был человеком заметным. Первый заместитель исполкома Ленсовета, человек, который реально руководил городом. Отзывались о нем, как правило, хорошо, как о человеке деловом, энергичном и очень работающем. Его смела демократическая волна, хотя он не был каким-то ортодоксом, но Собчак решил, что он должен уйти.

Большаков оказался почти на улице, чем-то занимался, но никому и в голову не приходило, что он может снова какой-то серьезный пост занять, а тем более в Москве. Время от времени Большаков появлялся в Смольном, по своим делам. И ни разу, я его не заставлял ждать. Сразу все дела прекращал, всех выгонял, сам выходил в приемную: «Алексей Алексеевич, заходите». У нас с ним никогда не было близких отношений, он, может быть, просто это запомнил...

Утром я зашел к Бородину, он предложил мне должность своего заместителя.

Вот так в августе 1996 года я оказался на Старой площади в Москве в качестве заместителя Управделами президента. Курировал юридическое управление и заграничную собственность.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я помню, что вопрос не стоял так: ехать в Москву или не ехать? Было понятно, что ехать надо. И даже нельзя сказать, что мы с Володей как-то уж очень обсуждали новое назначение. Володя сказал, что хотя и предложили работу, которая не вполне ему подходит, но ничего другого нет. Потом появилось другое предложение.

Мне не хотелось уезжать из Петербурга. Только начали жить в своей квартире, а тут опять все казенное. Хотя что уж жаловаться? Дача в Архангельском. Дом, правда, старый и старая обстановка, зато два этажа, шесть комнат. Две внизу, четыре наверху — шикарно! И Москву я полюбила сразу. Необъяснимо, вот просто подошел мне город, и все — то ли атмосферой, то ли обстановкой на улице, то ли ухоженностью. Питером я болела. Приехала в Москву и выздоровела. Муж дольше привыкал к Москве, но, кажется, привык. Тут комфортно даже от самого сознания, что жизнь бьет ключом.

Не могу сказать, что я не любил Москву. Я просто больше любил Питер. Но Москва, совершенно очевидно, — европейский город. Есть у него, конечно, свои проблемы, но тем не менее здесь кипит жизнь. Надо признаться, что Питер все-таки провинция, хотя бы политическая.

— Вы сделали невероятно быструю карьеру в Москве. Практически каждый год повышение. 1997-й — начальник Главного контрольного управления, 1998-й — первый замглавы администрации президента, курирующий регионы, 1998-й — директор ФСБ, а позднее еще и секретарь Совета Безопасности. В августе 1999-го — премьер-министр и с 31 декабря — и.о. президента. И что, вам вот всем этим было одинаково интересно заниматься?

— Совсем нет. Собственно, был момент, когда я собирался уходить из администрации президента.

— Когда же?

— А вот когда работал в Контрольном управлении. Работа такая... несозидательная сама по себе. Важная, нужная, я все понимаю, но неинтересно мне было. Не знаю, чем бы я занялся, если бы все же ушел. Наверное, создал бы какую-то юридическую фирму. Трудно сказать, можно ли на это жить, но это действительно интересно. Многие из моих друзей занимаются этим, и у них все получается.

— Так почему же не ушли?

— Пока думал, меня назначили первым замом главы администрации президента, и я занялся регионами, контактами с губернаторами. До сих пор считаю, что эта работа была самой интересной. Тогда же, кстати, у меня сложились отношения со многими губернаторами. Мне стало ясно, что работа с региональными лидерами одно из самых важных направлений деятельности в стране. Все же говорят о том, что нарушена вертикаль управления, вот и надо ее восстанавливать.

— Вот только надо ли это губернаторам? Готовы ли они выстраиваться в вертикаль?

— Они готовы. Ведь и губернаторы — часть страны и тоже страдают от управленческих недостатков. Этот вопрос надо решать вместе с ними. Кому-то что-то может не понравиться, всем не угодишь, но что-то общее в подходах можно найти. Потом, мне было интересно узнавать страну. Ну где я работал — в Петербурге, за границей... Конечно, семь лет работы в Питере — хороший опыт, и хозяйственный, и управленческий. Но Питер — это все же не вся страна. Хотелось поездить, посмотреть.

«НУ СПАСИБО, РЕБЯТА»

— *Что же вы тогда через полгода бросили это интересное дело и пошли директором ФСБ? Потянуло обратно в органы?*

— Не потянуло. Меня не то что не спросили: хотите — не хотите, а даже не намекнули, что может быть такое назначение. Просто президент подписал указ...

— *Главой администрации тогда ведь был Валентин Юмашев?*

— Да. Сажу в кабинете, раздается звонок: «Можешь подъехать в аэропорт, встретить Кириенко?» Он тогда был премьер-министром и возвращался от президента, который отдыхал в Карелии. Я говорю: «Могу». «Что это вдруг?» — думаю. Я уже заподозрил что-то неладное. Приезжаю в аэропорт — выходит Кириенко: «Володя, привет! Я тебя поздравляю!» Я говорю: «С чем?» А он: «Указ подписан. Ты назначен директором ФСБ». Ну спасибо, ребята... Не могу сказать, что обрадовался. У меня не было желания второй раз входить в одну и ту же воду.

Понимаете, все-таки в военизированных организациях очень тяжелая служба. Я помню: подходишь к зданию КГБ, где работал, и тебя как будто к току подключают. Не знаю, может быть, только у меня так, но думаю, что и у подавляющего большинства. Человек живет там в постоянном внутреннем напряжении. Бумажки все секретные, то нельзя, это нельзя.

Да в ресторан нельзя было сходить! Считалось, что в рестораны ходят только проститутки да фарцовщики. Что приличному сотруднику органов безопасности делать в такой компании?

Потом, если ты сотрудник разведки, то всегда являешься объектом потенциальной проверки. Что-то там выясняют про тебя. Может быть, и не так часто это происходит, но приятного все равно мало. А совещания каждую неделю! А план работы на день! Зря смеетесь. Там тетрадка есть с грифом «Секретно». В пятницу пришел, открываешь, пишешь план работы на неделю — прямо по дням. Причем каждый день расписываешь по часам.

Вы скажете: а в Кремле что, лучше? Но у меня здесь положение другое. Сейчас меня никто не контролирует. Я сам всех контролирую. А тогда были начальник отделения, начальник отдела. Открывают план: что сделано за неделю? И начинаешь отчитываться, почему что-то не сделано. Объясняешь: это крупномасштабное дело, его так сразу не сделаешь. Зачем же, говорят, тогда пишешь в план, пиши то, что можешь сделать. Я это рассказываю, чтобы объяснить, что такое служба. Конечно, все это подавляет.

И потом, я так интересно, и разнообразно жил после увольнения из КГБ. И вот захожу в кабинет директора ФСБ, меня встречает Николай Ковалев, мой предшественник в этой должности. Открывает

сейф и говорит: «Здесь у меня — секретная тетрадь. Здесь — патроны». А я с тоской смотрю на все это.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Пожалуй, единственное назначение Володи, которое обсуждалось в семье, — это на пост премьер-министра. По поводу же ФСБ, я помню, мы говорили месяца за три до назначения, и он сказал, что ни в коем случае не согласится. Мы гуляли в Архангельском и говорили о его работе, и он тогда сказал, что вот куда бы ему точно не хотелось, так это в ФСБ. Я понимала почему. Это опять возвращение к закрытой жизни. Когда Володя работал в КГБ, это была вообще очень закрытая жизнь. Туда не ходи, это не скажи, с этим общайся, а с тем — нельзя. И потом, ему так нелегко далось решение уйти из КГБ, он уходил как бы навсегда.

Я была в отпуске на Балтийском море, когда он позвонил и сказал: «Ты там повнимательнее, потому что меня вернули туда, где я начинал». Я решила, что его вернули снова заместителем Бородина, понизили то есть. Никак не могла расшифровать его слова. Подумала, что пока отдыхала, в стране что-то произошло, как-то изменилась ситуация. А он повторил: «Меня вернули туда, где я начинал». Когда он сказал это в третий раз, до меня дошло. Вернувшись из отпуска, я спросила его, как же это произошло. Он ответил: «Назначили, и все». Вопросов у меня больше не было.

Когда Володя пришел в ФСБ, ему предложили стать генералом. Он остался на гражданской службе. Ведь не полковник командует генералами, а человек, который на это способен.

Сказалось ли это назначение как-то на нашей жизни? Да нет, вот только у меня были знакомые в Германии — муж и жена. С ними пришлось прекратить контакты. Я думала, на время, а они так до сих пор и не возобновились.

— Как вас приняли в ФСБ? Пришел какой-то полковник...

— Настороженно меня приняли. Потом это прошло. Что же касается полковника... Давайте все же разберемся. Во-первых, я полковник в отставке. Закончил службу подполковником. Но это было десять лет назад. Эти десять лет у меня была другая жизнь. И пришел я работать в ФСБ не как полковник, а как гражданское лицо, с должности первого заместителя главы администрации президента.

— То есть вы фактически стали первым гражданским руководителем органов безопасности.

— Конечно, но на это не обратили внимания — кто по глупости, кто по незнанию, а кто-то специально.

— При вас руководящий состав сильно изменился?

— Изменился, но не сильно. Я вообще не делал никаких резких движений. Я просто присмотрелся к обстановке и к людям и начал проводить те изменения, которые считал нужными.

— А почему же Евгений Примаков говорил, что вы всюду расставили ленинградцев?

— И еще говорили, что я всех уволил и набрал неизвестно кого. А я взял и всю коллегию ФСБ привел к Примакову на совещание. И выяснилось, что все на месте, никого не уволили. Примаков потом извинялся, сказал, что его ввели в заблуждение.

— Правда ли, что, будучи директором ФСБ, вы встречались с Владимиром Крючковым?

— Правда.

— Случайно?

— Нет, не случайно. Я довольно активно работал с ветеранами.

— Снова начали поговаривать о возможном слиянии ФСБ с МВД. Вы как?

— Отрицательно. Сообщество спецслужб уже сложилось, и что-то снова ломать — плохо. И потом, с точки зрения интересов ведомств, это может быть и нормально, но с точки зрения политических интересов, невыгодно — лучше получать информацию из двух источников, чем из одного.

— А может быть, еще лучше, чтобы они друг за другом следили и между собой не договаривались?

— Это не ко мне. В Германию, пожалуйста, 33-го года. Каждый должен следить за каждым — принцип гестапо.

— Любопытно, что вас дважды назначали на пост, который до вас занимал тоже петербуржец Сергей Степашин. И в ФСБ, тогда еще ФСК, и премьер-министром. О Степашине в ФСБ вспоминали без симпатии?

— Наоборот, хорошо вспоминали. Он ведь в ФСК повел себя неожиданно по-взрослому, чем вызвал уважение многих, в том числе и мое.

Собчак очень поддерживал назначение Степашина на пост начальника ленинградского управления ФСК. Я тогда уже работал в администрации города. Помню, Собчак сообщил мне после путча, что у нас ФСК возглавит демократ. Мне это совсем не понравилось. Хотя к самому Собчаку я относился с симпатией. Но тут... Милиционер какой-то...

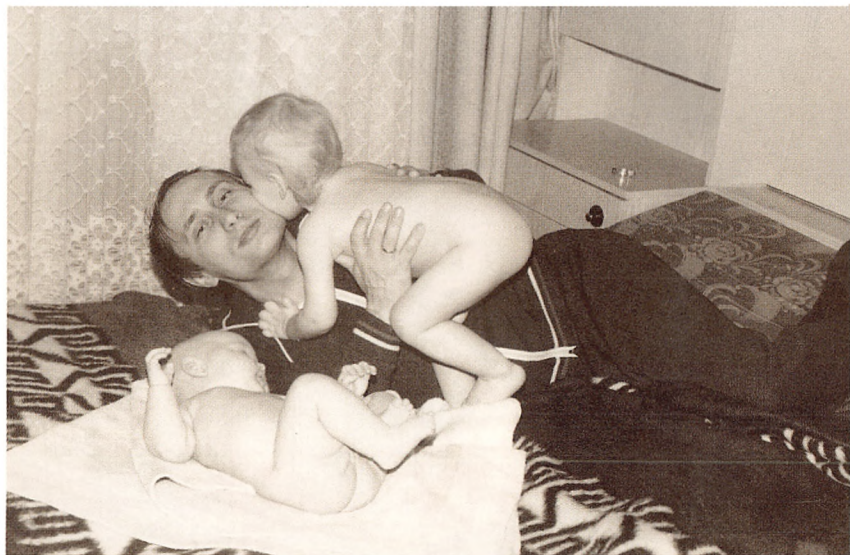
Мы зарегистрировали Машу в Ленинградском Доме малюток.

Наши друзья Ира и Сергей Ролдугины стали крестными Маши.

В Дрездене у Маши (вверху) появилась сестра Катя.

В ГДР я работал по линии политической разведки.

Мои любимые женщины.

«Кавказца» Малыша любила вся семья. Он погиб.

Маша (справа) хочет стать менеджером, а Катя – дизайнером по интерьерам.

Я очень люблю путешествовать.

Горными лыжами я увлекся,
еще когда был студентом.

В Германии
я поправился
на три размера.
Пришлось худеть.

Дзюдо – это не только спорт, но и философия.

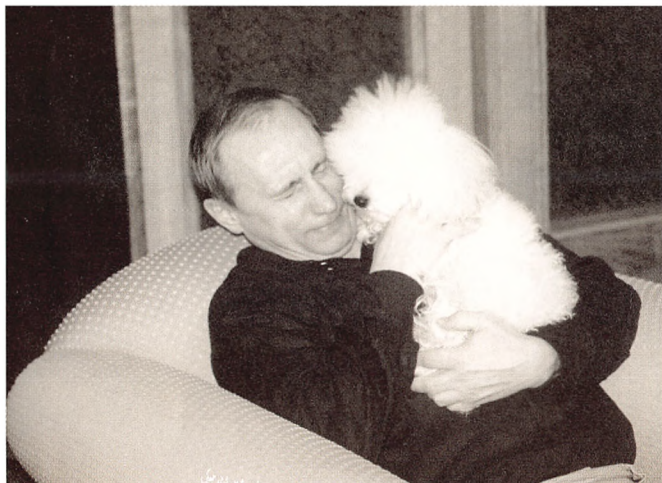

Из этой заготовки на телевидении сделали мою куклу.

На даче в Подмоскowie. Моя жена...

...я и Тося — «пудель с намеком на болонку».

Через несколько секунд Борис Николаевич повернется ко мне и скажет:
“Берегите Россию”.

Первый президент России покидает Кремль. 31 декабря 1999 года.

На день рождения я подарил Борису Николаевичу охотничий набор.
1 февраля 2000 года.

Я считал Собчака своим старшим товарищем...

На похоронах Анатолия Александровича. 24 февраля 2000 года.

Клинтон очень обаятельный.
Сентябрь 1999 года, Окленд, Новая Зеландия.

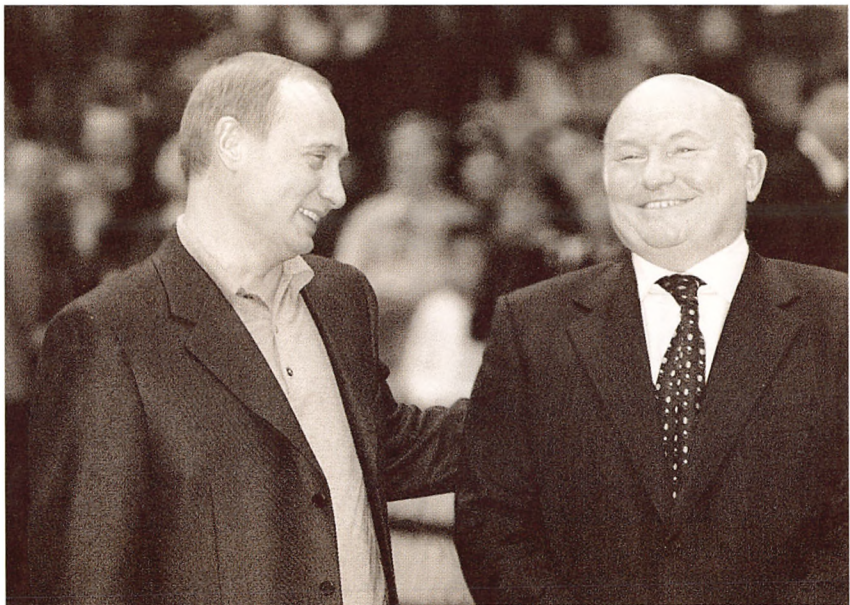
С Госсекретарем США Мадлен Олбрайт мы проговорили
на два часа дольше, чем планировали.

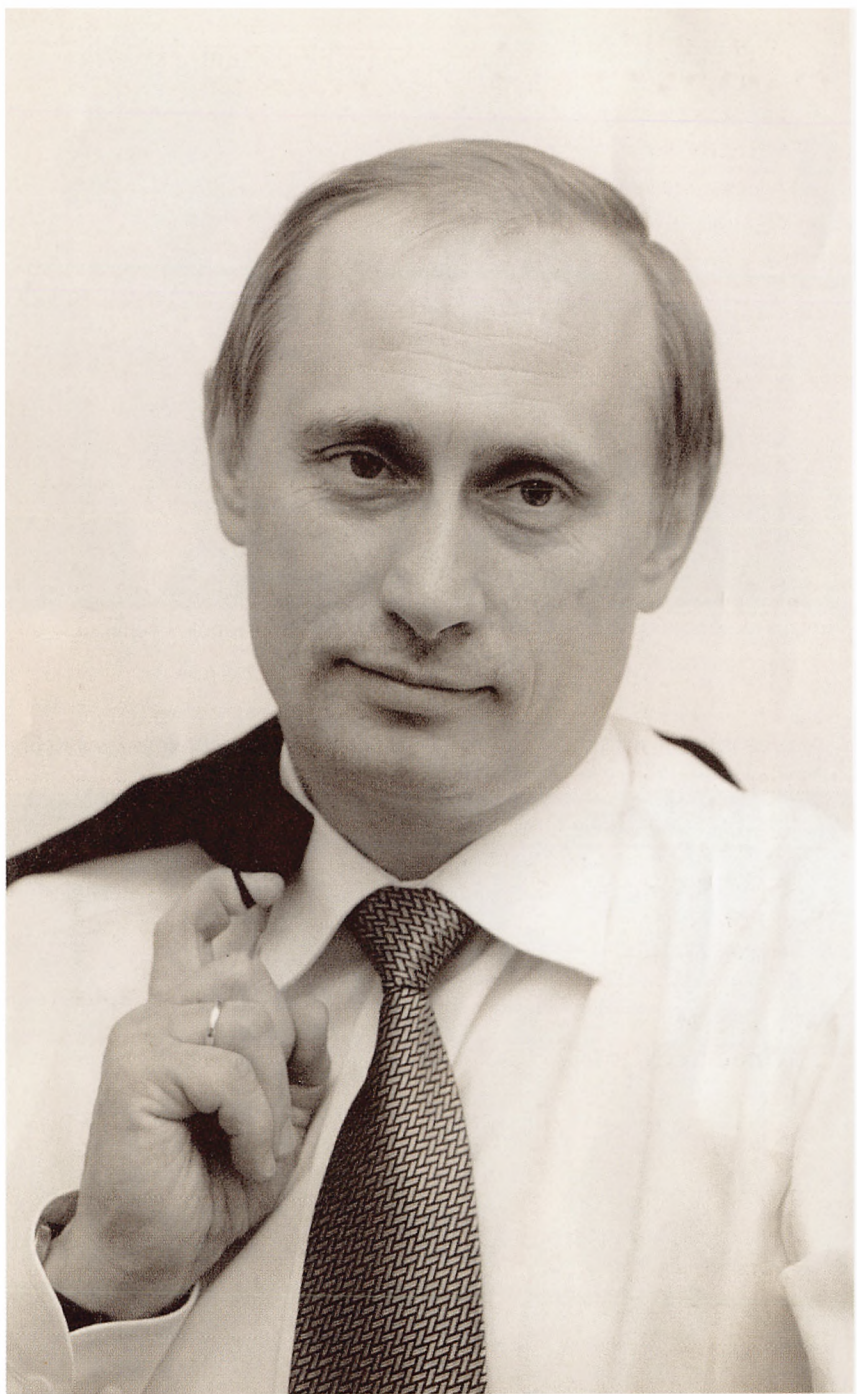

Ничего личного... С министром внутренних дел Владимиром Рушайло.

Сам я в теннис не играю, но смотреть люблю. С Юрием Лужковым на Кубке Кремля. Осень 1999 года.

У нас в ЧК всегда милиционеров недолюбливали. К тому же человек, никогда не имевший отношения к органам безопасности. Нет, конечно, если честно, меня не коробило то, что он представитель демократической волны. Я сам уже был из этой среды. Но тревожно стало. Помните, в какой ситуации оказались тогда органы безопасности? На этой волне хотелось крушить, ломать, раздирать, предлагали открыть списки агентуры, рассекретить дела. А Степашин повел себя совершенно неожиданно. Фактически он своим демократическим авторитетом прикрыл спецслужбы Ленинграда. Он с самого начала твердо сказал: «Если вы мне доверяете, то доверяйте. Что можно будет, опубликуем, но ничего, что идет во вред государству, делать не будем». Надо отдать ему должное, он смог наладить деловые отношения с оперативным и руководящим составом. Ему поверили, это правда.

Мы встречались потом со Степашиным и в Москве, хотя у нас не было близких, приятельских отношений. Но помните, после отставки из ФСК он работал в аппарате правительства? Я тогда уже был в администрации президента. И когда решался вопрос о том, кто станет министром юстиции, я предложил Степашина. Перед этим заехал к нему и спросил: «Сергей, ты хочешь? Не знаю, что получится, но я готов тебя поддержать». Он ответил, что хочет, потому что надоело бумажки носить.

«Я НЕ УДИВИЛСЯ»

— Вас обрадовало, когда Степашина назначили премьер-министром?

— Да.

— А вы знали, что тогда же обсуждалась и ваша кандидатура в качестве претендента на этот пост?

— Когда его назначали премьером? Нет. Мне даже в голову не приходило.

— Он пробыл премьером считанные месяцы. Не мог скрыть, сколь болезненной была для него отставка. Вы говорили с ним с глазу на глаз?

— Да, он знает, что я не имею отношения к его увольнению. Но все равно было ужасно неловко, когда накануне увольнения Степашина мне позвонили и попросили утром приехать к Ельцину в Горки. Мы сидели вчетвером — Борис Николаевич, Степашин, Аксененко и я. Сергею президент объявил о его отставке. Представляете мое состояние! Я же его товарищ. Оправдываться мне вроде перед ним не в чем. Ну что сказать: «Сергей, все равно тебя уволят». Ну, это невозможно произнести вслух. Язык не поворачивается. Конечно, было очень неприятно.

— А когда вышли от Ельцина, не поговорили?

— Попрощались, и все.

— И никогда больше при встречах не возвращались к тому утру?

— Возвращались. Думаю, в нем жила обида. Не ко мне, но обида была. Время пройдет, забудется. Внешне он не сделал ничего такого, за что можно было бы уволить. Но президент посчитал иначе. Он исходил, наверное, не только из тех двух-трех месяцев, что Сергей был премьером...

Борис Николаевич пригласил меня к себе и сказал, что у него есть идея предложить мне пост премьер-министра, только он должен еще переговорить со Степашиным. Я не особенно удивился. Уже было понятно, что все к тому идет. Я имею в виду не мое назначение, а снятие Степашина. Ель-

цин не спрашивал, согласен ли я стать премьером или нет. Он лишь сказал, что относительно Степашина уже принял решение.

Кстати, в разговоре со мной он не произносил слова «преемник». Ельцин говорил о «премьере с перспективой», что если все пойдет нормально, то он считал бы это возможным.

А потом, уже в эфире, президент сказал обо мне как о будущем возможном президенте. Он произнес это вслух на всю страну. И когда меня сразу после этого забросали вопросами, я ответил: «Раз президент сказал, то я так и сделаю». Возможно, это прозвучало не очень уверенно, но по-другому ответить не мог.

Вспомните, в каком состоянии в это время находилась страна? До выборов оставалось ничтожно мало времени. Борису Николаевичу надо было принимать решение. Ведь те же губернаторы прекрасно чувствовали, что все зависло, а им надо было определяться. Почему тогда же было создано ОВР, если честно? Потому что для губернаторов не было другой альтернативы. А альтернатива должна быть.

— Например, «Единство»?

— Да.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Меня не поразила такая молниеносная карьера мужа. Я всегда считала, что раз так происходит — значит, это кому-то нужно. Но иногда я ловлю себя на мысли: как странно, я замужем за человеком, который вчера еще был, в общем, никому неизвестным заместителем мэра Петербурга, а сегодня стал премьер-министром. Но я почему-то всегда верила, что с Володей такое может произойти.

Мне не страшно за него. И гордости никакой особой нет. А вот восхищение есть. Он очень

целеустремленный, не тщеславный, а именно целеустремленный. Он всегда вкалывал и добивался своей цели, всегда жил ради чего-то. Есть люди, которые вкалывают ради денег, а он — ради идеи. Ему всегда доставлял удовольствие сам процесс работы. Такие люди, как мне кажется, много добиваются. Знаете, вот то, что я — премьерша, меня удивляет, а то, что он премьер, — нет.

МАРИНА ЕНТАЛЬЦЕВА:

Путин стал премьером, а через несколько дней у него скончался отец. Владимир Владимирович приезжал к нему из Москвы каждые выходные. В это время он был страшно загружен работой, но все равно появлялся в Петербурге раз в неделю хотя бы на полдня. Владимир Владимирович очень боялся, что не успеет попрощаться с отцом. И мне говорили, что он все-таки провел с отцом его последние часы.

«ПАРЕНЕК СЛОМАЕТ СЕБЕ БАШКУ»

— Но вот когда Ельцин на всю страну объявил вас преемником, ничего не дрогнуло внутри?

— Нет.

— Вы так уверены в своих силах?

— Нет, не в этом дело. Помните, Селезнев тогда сказал: «Зачем же они с вами это сделали? Они же на вас крест поставили». Все сочли, что это конец. Но ведь и я, собственно, этого не исключал. Правда, по другой причине.

Я попытаюсь объяснить. Все это происходило на фоне только что начавшейся агрессии в Дагеста-

не. Я как бы внутренне для себя решил, что все карьера на этом, скорее всего, закончится, но моя миссия, историческая миссия — звучит высокопарно, но это правда — будет заключаться в том, чтобы разрешить эту ситуацию на Северном Кавказе. Тогда совсем непонятно было, чем все закончится, но мне, и не только мне, наверное, было ясно, что на Северном Кавказе «башку себе этот паренек сломает». Я к этому так относился. Сказал себе: Бог с ним, у меня есть какое-то время — два, три, четыре месяца, — чтобы разбабахать этих бандитов. А там уж пусть снимают.

Понятно было, что бить надо там, в Чечне, по базам. Ведь честно говоря, все, что делалось в последние годы, особенно в сфере сохранения государства, это... Как бы помягче сказать, чтобы никого не обидеть? Это — любительство... Поверьте мне, еще в 1990—1991 годах я точно знал, как это ни самоуверенно звучит, что при том отношении к армии, которое сложилось в обществе, к спецслужбам, особенно после распада СССР, страна окажется уже очень скоро на грани развала. Теперь о Кавказе. Ведь по существу, что такое сегодняшняя ситуация на Северном Кавказе и в Чечне? Это продолжение развала СССР. Ясно же, что это когда-то надо останавливать. Да, какое-то время я надеялся, что с ростом экономики и развитием демократических институтов этот процесс будет заторможен. Но жизнь и практика показали, что этого не происходит.

Моя оценка ситуации в августе, когда бандиты напали на Дагестан: если мы сейчас, немедленно это не остановим, России как государства в ее сегодняшнем виде не будет. Тогда речь шла о том, чтобы остановить развал страны. Я исходил из того, что мне нужно будет это сделать ценой политической карьеры. Это — минимальная цена, кото-

рую я готов был заплатить. Поэтому, когда Ельцин объявил меня преемником и все сочли, что для меня это начало конца, я был совершенно спокоен. Ну и черт с ним. Я посчитал: несколько месяцев у меня есть, чтобы консолидировать вооруженные силы, МВД и ФСБ, чтобы найти поддержку в обществе. Хватит ли времени — вот только об этом и думал.

— Но вы же не могли самостоятельно принять решение о начале кампании в Дагестане, а потом в Чечне. Президентом был Ельцин, а на нем лежал груз первой неудачной чеченской операции. Кстати, и на Степашине тоже.

— Ну, Степашин уже не был премьер-министром. Что касается Ельцина, то он полностью поддержал меня. Доверил мне, и все. Я ему докладывал по факту проделанных мероприятий.

— То есть он вообще не вмешивался?

— Еще раз повторяю. Он мне полностью доверял. При каждой встрече мы обсуждали ситуацию в Чечне.

— Значит, вся ответственность лежит на вас.

— В значительной степени это так. С первыми лицами Минобороны, Генштаба, МВД мы собирались почти ежедневно, а то и два раза в день — утром и вечером. И вот так, почти на ручном управлении, силовики консолидировались. Первое, что я обязан был сделать, — это преодолеть ведомственную разобщенность: когда армия не понимает, что делает МВД, а ФСБ критикует всех, но сама ни за что ответственности не несет. Мы — одна команда, единый организм. Только тогда будет успех.

— Вы говорили о цене, которую вы лично готовы были заплатить за кампанию на Северном Кавказе. Она действительно минимальна — карьера.

Но ведь цена любой военной операции измеряется и в человеческих жизнях, и в денежных единицах, кстати.

— Я был убежден, что если мы сейчас не остановим экстремистов, то через некоторое время нам грозит вторая Югославия на всей территории Российской Федерации, югославизация России.

— Ну и выбили бы боевиков из Дагестана, оградили бы Чечню санитарным кордоном...

— Это бессмысленно и технически невозможно.

— Скажите, а вот тот факт, что Ленин много десятилетий назад отдал Финляндию, вызывает у вас аллергию? Отделение Чечни в принципе невозможно?

— Возможно, но дело-то не в отделении.

Мне казалось, что это было абсолютно понятно. Я скажу вам, чем я руководствовался и почему был так убежден в угрозе, которая нависла над страной. Вот все говорят, жесткий, жестокий даже — малоприятные эпитеты. Но я ни на секунду не сомневался, да и для элементарно политически грамотных людей давно было понятно, что Чечня не ограничится только независимостью самой Чечни. Она будет использована как плацдарм для дальнейшего нападения на Россию.

Ведь началась же агрессия. Они накопили там силы и напали на сопредельную территорию. Для чего? Для того, чтобы защитить независимость Чечни? Конечно, нет. Для того, чтобы отторгнуть дополнительные территории. Вот захлестнуло бы Дагестан — и все. Кавказ отошел бы весь, это же понятно. Дагестан, Ингушетия, а потом вверх по Волге — Башкортостан, Татарстан. Это же направление в глубь страны.

Вы знаете, когда я представлял себе реальные последствия — меня оторопь брала. Я думал, что если это вот так будет развиваться, то сколько беженцев смогут принять Европа, Америка? Потому что дезинтеграция такой огромной страны — это, конечно, была бы глобальная катастрофа. И когда я начинал сопоставлять масштабы возможной трагедии с тем, что мы там имеем, у меня ни на секунду не было сомнений, что мы должны действовать так, как сейчас, может быть, еще более жестко. Проблема в том, что нам не хватило бы никаких вооруженных сил, если бы конфликт пошел дальше. Нам пришлось бы объявлять призыв резервистов и их отправлять воевать. Началась бы настоящая крупномасштабная война.

Или пришлось бы согласиться на раздел страны. Немедленно появились бы недовольные лидеры отдельных регионов, краев — мы не хотим жить в такой России, мы будем самостоятельными. И пошло-поехало.

Теперь вернемся к вопросу о независимости Чечни. Допустим, мы согласились бы на эту независимость республики вплоть до ее отделения. Ситуация стала бы уже совсем другой. Сегодня все признают, и правильно делают, что необходимо соблюдать территориальную целостность России, и не оказывают официальной поддержки террористам и сепаратистам. А если бы мы согласились на их самостоятельность, то нашлось бы немало стран, которые признали бы Чечню и в тот же день начали оказывать ей крупномасштабную и абсолютно официальную поддержку. И наши действия уже рассматривались бы как агрессия, а не как решение внутренних проблем. Это кардинально меняет ситуацию и делает ее многократно худшей для России.

Летом прошлого года мы начали борьбу не против самостоятельности Чечни, а против агрессивных устремлений, которые начали нарождаться на этой территории. Мы не нападаем. Мы защищаемся. И мы их выбили из Дагестана. А они опять пришли. Мы опять выбили, а они пришли. И в третий раз выбили. А когда дали им серьезно по зубам, они взорвали дома в Москве, в Буйнакске, в Волгодонске.

— Решение продолжить операцию в Чечне вы принимали до взрывов домов или после?

— После.

— Вы знаете, что есть версия о том, что дома взрывались не случайно, а чтобы оправдать начало военных действий в Чечне? То есть это якобы сделали российские спецслужбы?

— Что?! Взрывали свои собственные дома? Ну знаете... Чушь! Бред собачий.

Нет в российских спецслужбах людей, которые были бы способны на такое преступление против своего народа. Даже предположение об этом аморально и по сути своей нечто иное, как элемент информационной войны против России.

«ШАМПАНСКОЕ ПИЛИ ПРЯМО ИЗ ГОРЛЫШКА»

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Недели за три до Нового года Володя сказал: «На Новый год я полечу в Чечню. Ты со мной?» Я сначала удивилась: «А как же я детей одних оставляю? А если что-то случится с нами обоими, то как же они будут? Нет, не полечу». Через пару дней я улетела в Питер, подумала спокойно, вернулась в Москву и сказала ему, что летим вместе. Не знаю почему... Одной страшно

остаться, без него. А ведь никто не мог гарантировать, что ничего не случится. Это — непредсказуемо.

Из женщин полетела еще жена Патрушева, директора ФСБ. Остальные все мужчины. Мы прилетели в Махачкалу, потом пересели в три вертолета и отправились в Гудермес. А в Гудермесе пилот не рискнул посадить вертолет: видимость была недостаточной. Нужно было, кажется, 150, а она была 100 метров. За двадцать минут до наступления Нового года развернулись и полетели обратно. А в полночь открыли в вертолете шампанское. Стаканчиков не было. Пили прямо из горлышка. Две бутылки шампанского на всех.

Когда мы развернулись, то там, в Гудермесе, все решили, что уже не прилетим. Но надо знать Володю. У меня не было ни минуты сомнений, что мы все равно попадем в эту воинскую часть. Неважно, когда и как, но попадем. Когда вернулись в Махачкалу, он мне сказал: «Давай оставайся, а мы поедем на машинах». Вот уж нет! Стоило лететь в такую даль, чтобы сидеть и ждать неизвестно чего. Мы сели в машины. Времени было уже полтретьего, наверное. Через два с половиной часа доехали до части. Я, честно говоря, всю дорогу спала.

Видели бы вы, какое удивление и какой восторг был там у ребят в глазах, когда мы приехали. Лица у них усталые, даже отрешенные немного. А в глазах такое, как будто они уцепиться себя хотят: действительно это Путин к ним приехал Новый год праздновать или мерещится?

Час побыли в части и поехали назад. А еще через пару часов дорогу, по которой мы только что проехали, взорвали. Вот и все. Прилетели в

Москву. А 1 января мы были приглашены к Борису Николаевичу. Я его видела второй раз в жизни.

*МАША,
старшая дочь:*

Мы все время донимали родителей: «Где будем встречать Новый год?» А за неделю, кажется, до праздника мама сказала, что их с папой в Новый год не будет. Но они не сказали, куда поедут. Мы с сестрой как-то не особенно задумывались, куда они отправляются. Да и не обиделись на них. Мы пригласили подружку, к тому же у нас тогда гостили тетя с кузиной. И подарки нам уже подарили. Мы просили компьютер, а подарили два — чтобы у каждой свой. Вернулись родители на следующий день вечером и снова куда-то уехали. А мы потом только по телевизору узнали, что они были в Чечне.

Интервью с Людмилой Путиной

«В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ТОЖЕ ЛЮБОПЫТНО»

— *Вы прожили с мужем двадцать лет. Наверное, все о нем знаете?*

— Так не бывает, чтобы все. В каждом человеке что-то остается за кадром.

— *Он неразговорчив?*

— Я бы не назвала Володю молчуном. На интересующие его темы и с интересующими его людьми он очень даже охотно говорит. Но он не склонен обсуждать людей, тем более тех, с кем работает. Я — наоборот. Если я знаю человека или просто кого-то увидела по телевизору, то высказываю свое мнение. А он не любит этого делать.

— *Ну, выскажитесь о ком-нибудь. Вот Чубайс, например. Вы его знаете?*

— Немного.

— *Он обычно нравится женщинам.*

— А он женщин, как мне показалось, всерьез не воспринимает, относится с некоторым пренебрежением. Я не феминистка, но мне хочется, чтобы женщина в этом мире занимала достойное место.

— *Так это вы влияете на мужа? Он все время говорит, что женщин у нас недооценивают.*

— Вряд ли это мое влияние. Просто у нас иногда совпадают взгляды.

— **А он на женщин заглядывается?**

— Думаю, что красивые женщины привлекают его внимание.

— **Вы спокойно к этому относитесь?**

— Ну какой же это мужчина, если его не привлекают красивые женщины?

— **Довольно многие мужья срывают дома накопившееся за день раздражение.**

— Нет, Володя никогда не вешал на меня свои проблемы. Никогда! Он всегда сам их решал. Более того, не заводил об этом разговор, пока не решит. Потом мог что-то рассказать. Но я точно знаю, когда у него проблемы какие-то или просто плохое настроение. Это он не очень умеет скрывать. Вообще-то он человек уравновешенный, но в такие минуты его лучше не дергать.

— **А то — скандал?**

— Смотря что вы имеете в виду? Если битье посуды и метание сковородок, то нет. Он даже не говорит на повышенных тонах. Но может довольно резко ответить.

— **Напиться может?**

— Такого не было. Он вообще к этому равнодушен. В Германии полюбил пить пиво. А так может выпить немного водки или коньяку.

— **Вы ведь никогда не жили богато? Или все же был такой период в жизни, когда не приходилось считать деньги до зарплаты?**

— Да нет, такого не было, чтобы не считали деньги. Даже не знаю. Это, наверное, надо каким-то крупным бизнесом заниматься, чтобы их не считать.

— **А финансами в семье вы занимались?**

— Да.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Люда этим в основном и сейчас занимается. А я как не обращал, так и не обращаю на это вни-

мание. Копить деньги я не особенно умею. Да и на что копить-то? Я считаю, что нужно иметь комфортное жилье, нормально питаться, прилично выглядеть, дать хорошее образование детям, иметь возможность иногда съездить куда-нибудь отдохнуть. И это все, на что нужны деньги. А на что еще?

Вообще, если бы у меня была куча денег, я бы поездил, попутешествовал. Я мало бывал в экзотических странах. В Америке был всего дважды — в Нью-Йорке, в жарницу, да в Лос-Анджелесе. Мало что видишь, когда приезжаешь по делам: аэропорт, гостиница, зал для переговоров, аэропорт, и все.

Я в Африку хотел поехать, на сафари. В Кению. Собрался и детей взять, а потом не решился. Там, говорят, прививки надо делать. Я бы в Индию съездил. В арабских странах тоже не был. Хочется посмотреть Египет, Саудовскую Аравию. В Латинской Америке вообще не был. Также любопытно. Правда, говорят, что там все выглядит, как в Советском Союзе пятидесятих годов.

— Дома, наверное, вы готовите?

— Готовила. Обязательно завтрак, обед и ужин. А теперь есть повар.

— Вы не замечали, что у нас как только кто-то занимает серьезный пост, сразу начинает толстеть.

— Володя тренируется каждое утро, минут двадцать—тридцать. И плавает — утром и вечером.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Я обычно не обедаю, не успеваю. Днем стараюсь есть фрукты, пью кефир, когда получается.

А когда не получается, предпочитаю вообще ничего не есть. Вечером ужинаю. Худеть не собираюсь, но и толстеть тоже. А вот Людмила похудела на пятнадцать килограммов, я даже не ожидал. И девочки у меня хрупкие.

На премьерской даче, где мы сейчас живем, есть бассейн, небольшой, метров двенадцать. Стараюсь плавать каждый день. Да и тренировки, как показал опыт, лучше не бросать. Бросишь — и сразу надо закупать одежду на несколько размеров больше. У меня, я рассказывал, был такой период, когда я из 44 — 46-го размера перелез в 52-й. Потом взялся за себя. Так что дома хоть полчаса в день стараюсь тренироваться.

А вообще я вам скажу, иногда доходит до маразма. Рассказали всем, что я занимался борьбой, так теперь звонят и говорят: «У нас назначено такое-то первенство. Когда прикажете проводить?» Я даже оторопел: «Что?» Они говорят: «У нас в принципе дата уже есть, но вы когда считаете нужным?» Я говорю: «Слушайте, да проводите когда хотите». А они все спрашивают, мол, когда вам удобно, вы-то приедете? Ну, не выдержал и послал их куда подальше: «Смогу — приеду, не смогу — не приеду. Дурака-то не валяйте!»

«СРЕДИ КОГО ЖЕ МНЕ КАТАТЬСЯ?»

— А вот на лыжах вы катались вместе под Сочи, в Красной Поляне. В Германии пристрастились?

— Нет, раньше. А дети катаются лучше, чем мы. Но у них были в этот день гости, и они с нами не поехали.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Я давно начал кататься на горных лыжах. Раньше ездил на Чегет, в Славск — это на Украине. Потом за границу несколько раз ездил. И Людмила катается. Я в этот раз посмотрел: даже совсем неплохо. А когда приехали в феврале в Сочи, люди там ошалели, когда нас увидели. Но реакция была какая-то очень добрая, человеческая. Может быть, еще и потому, что с нами не было чиновников человек сто пятьдесят, которые не умеют кататься, но готовы лыжные палки держать.

Мы первый раз спустились, я потом подхожу к подъемнику, очки снял, а там очередь стоит — и вдруг возгласы: «Не может быть!» Начали пропускать без очереди. А вообще никто не приставал. Сфотографироваться только хотели. Много народу сразу собралось и сфотографировались все вместе. Вот автографы, правда, отказался давать, потому что или надо было кататься, или автографы раздавать. Все время бы на это ушло. Смешно еще было. Кто-то сказал: «Как же так, вы среди нас катаетесь!» Я засмеялся: «А среди кого же мне кататься? Среди негров? Так они не умеют, да и снега там нет».

— Вы вечером дожидаетесь мужа?

— Да. И утром встаю вместе с ним. Знаете, до того как он стал премьером, легко вставал по утрам, хотя спать ложились в двенадцать, в час ночи. Уставал меньше. Сейчас — фантастическая нагрузка. Мне кажется, что просто нечеловеческая. Когда я смотрела по телевизору его встречу с Мадлен Олбрайт, мне даже страшно стало. Спал он накануне от силы четыре часа, а утром была встреча с

Олбрайт, длилась три часа. И это же не просто светский разговор.

— **Вас не удивляет, как он со всем этим справляется?**

— Удивляет. Правда, у Володи всегда была хорошая память. Я помню, когда он еще работал в Питере, нас пригласили на прием во французское консульство. Это было в самом начале его карьеры. Володя опаздывал, и мы все, человек семь, его ждали. Когда он пришел, набросились на него с вопросами, и он часа два фактически давал пресс-конференцию, хотя мы были приглашены просто в гости.

— **О чем?**

— Да обо всем. Я тогда впервые увидела его в работе. Сидела открыв рот. А он говорил о политике, экономике, истории, юриспруденции. Я слушала и все время думала: «Откуда он все это знает?» Но знаете, я как-то всегда в него верила. Сколько раз он начинал с нуля. И получалось. И в Москве все сложилось. А ведь после того как он ушел с поста вице-мэра, ему было непросто, он мог и не найти работу. Тот период вообще был для него тяжелым. Он молчал, ничего не говорил, но я же понимала. Я и сейчас в него верю, хотя и боюсь за него немного.

— **Статус вашего мужа довольно резко изменился, и это не могло не сказаться на вашей жизни. Больше ограничений, как ни странно. Друзья, наверное, не могут просто взять и приехать к вам в гости. Девочки растут, в общем, оторвано от друзей...**

— А сейчас и от школы, потому что усилены меры безопасности. Маша в девятом классе, Катя — в восьмом. Учителя приезжают домой. Но и подружки к ним сюда приезжают. Они все же ходят в кино, в театр... Конечно, элемент несвободы появился. Но девочки у нас получились — ох, не

сглазить бы — какие-то очень умные по жизни. Я надеюсь, что все эти перемены на них не скажутся.

МАША:

Честно говоря, в школу хочется. Там, конечно, задают всякие вопросы про папу. Интеллигентные люди не спрашивают, а неинтеллигентные спрашивают. Ну, те, которые очень любопытные. Когда папа стал премьер-министром, нас стали очень уважать, резко так стали уважать. Но знаете, некоторые ведь льстят, подлизываются. И это очень чувствуется. Есть такие, которые на улице рассказывают: я знаю Путина. А вообще, кто со мной в прошлом году дружил, те и сейчас дружат.

КАТЯ,

младшая дочь:

Вообще-то политика нас не волнует. Мы зовем папу смотреть мультики с нами, и он иногда смотрит. А еще у нас сейчас любимый фильм «Матрица», но папа его не видел. Мы его приглашали. Он сказал, что нет времени, но потом обязательно посмотрит. Мы сначала пошли в кинотеатр на Красной Пресне и посмотрели этот фильм на русском, а потом купили кассету на английском. В школе у нас три языка — немецкий, английский и французский.

МАША:

И уроков задают очень много. Даже когда мы в школу не ходим, уроки все равно задают...

КАТЯ:

Нас в кино охраняют. Человек сидит, кино смотрит, я думаю, заодно нас охраняет. А во-

обще охрану мы почти не замечаем. Даже когда с друзьями куда-то ходим, они так, рядышком, стараются не мешать. Мы их тысячу раз звали с нами кофе попить, но они не соглашаются.

МАША:

Нас иногда спрашивают: «А вот вы знаете, что папа собирается делать?» Мы никогда его не спрашиваем. Зачем? Ему и так все задают кучу вопросов. Мы больше ему о себе рассказываем. По-моему, ему это интересно.

— Хорошо им вдвоем, похоже? Как же вы решились подряд родить?

— Володя так хотел. Он действительно очень любит девочек. Не все мужчины так трогательно относятся к своим детям, как он. И он всегда их баловал, а воспитывать приходилось мне.

— А мальчика он не хотел?

— Он всегда говорил: «Что Бог даст, то и хорошо». Никогда не говорил, что хочет мальчика.

— А вот это белое и пушистое, которое там у двери лежит, девочка или мальчик?

— Тоже девочка, это Тоська — тойпудель, но сейчас она больше похожа на болонку. Не стригли давно. Володя сначала отнесся к ней с некоторым недоверием. Слишком маленькая. Но сейчас поллюбил.

— Маша и Катя говорят о будущем? Кем они хотели бы стать?

— Маша очень серьезно произносит слово «менеджмент», а Катя говорит, что хочет быть дизайнером, мебель придумывать.

— Девочки, наверное, совсем не видят отца.

— Чаще по телевизору, чем дома. Но он всегда к ним заходит, когда бы ни пришел. Вообще у

нас уговор с Машей и Катей, что они должны ложиться спать в одиннадцать. Если просрочили, то в субботу никого не приглашают в гости. Это, наверное, слишком строго, но иначе они будут сидеть до трех ночи. Я за самоконтроль. Если сидят до трех, то знают, какие будут последствия.

— А из папы они, наверное, веревки могут вить?

— Из их папы веревки вить никому не удастся.

«ЖЕНЩИНЫ ОДАРЕННЫЕ, А МУЖЧИНЫ ПРОСТО ИЗВЕСТНЫЕ»

— Что это за книжка лежит, на немецком языке? Вы читаете по-немецки?

— Да, эту подарила преподавательница дочек. Она немка. Очень любопытный подарок, и трогательный. Я еще ее не прочитала.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Знаете, как книжка называется? Жена перевела как «Способные женщины в тени великих мужчин». Но это не совсем точно. Буквальный перевод: «Одаренные женщины в тени известных мужчин». Мне кажется, так звучит гораздо менее приятно для мужчин. Женщины — одаренные, а мужчины — просто известные.

— У женщин, которые находятся в тени мужчин-политиков, наверное, непростая жизнь. Женщине все же хочется внимания, чтобы ее носили на руках...

— Меня не нужно носить на руках. Я, наверное, из той категории женщин, о которых сказано:

«Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Есть женщины, которых не носят на руках.

— Но зато буквально все интересуются женами известных политиков. Вы уже успели обидеться на прессу?

— «Обидеться» — неточное слово. Обижаются обычно на близких людей, которые тебе небезразличны. Неприятно — бывает. Неприятно, допустим, когда журналисты приходят к моей маме и сестре и требуют интервью. Без всякого предупреждения, пользуются их простотой. Неприятно, когда где-то копаются в твоей биографии. Неприятно, когда врут.

— А муж как относится к прессе? Смотрит телевизор?

— Новости, иногда кино.

— Реагирует как-то?

— Или смеется, или возмущается, или расстраивается. Вполне эмоционально реагирует, я бы сказала. И вечером в субботу или воскресенье, если бывает дома, смотрит аналитические программы.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Я читаю все газеты. Именно газеты, а не дайджест. Все равно, в каком порядке. Начинаю с той, которая лежит сверху. Читаю «Известия», «Комсомолку», «Советскую Россию», «Коммерсантъ»... Новости смотрю, если есть время. «Кукол» видел пару раз всего. Меня не раздражает, а друзья обижаются. Ну, друзья, может, и имеют на это право.

— У вас есть друзья?

— У меня лично три подруги.

— А у мужа?

— Мне вообще казалось, что у Володи пол-Питера знакомых. У нас всегда был полный дом

народу. Особенно в выходные дни. Да и в будни. Всегда кто-то заходил. В основном по его инициативе. Он любит общаться с людьми, иначе, мне кажется, он сейчас не выдержал бы этой нагрузки. Да и сюда приезжают друзья из Питера. Останавливаются у нас.

ВЛАДИМИР ПУТИН:

Недостаток общения с друзьями сильно меня подавляет эмоционально. Потому что у меня очень хорошие друзья. И на самом деле, это часть нашей жизни, это мы, это часть нас самих. Я это остро почувствовал, когда за границу уехал. Первые годы страшно скучал по друзьям. Просто без них — пустота и одиночество. Хотя и нагрузка была на работе, и семья, и дом. Я понял, что мы же самовыражаемся в друзьях. После третьего года в Германии наступил период адаптации, появились новые связи. И я вдруг с тревогой почувствовал, что меня не тянет в отпуск. Правда! Испугался даже.

У меня много знакомых, а близких людей напечет. Они никуда не делись. Они меня никогда не предавали. И я их тоже. Это, на мой взгляд, то небольшое, чем стоит дорожить. Даже не знаю, ради чего можно было бы предать друзей. Карьера? Сама по себе она не очень меня привлекает. Только как возможность реализовать себя, сделать что-то интересное. А как же можно самореализоваться, если ты себя предаешь? Я на это так смотрю, просто. Если же смотреть на карьеру как на способ прорываться к власти, чтобы командовать или зарабатывать деньги, и ради этого ты готов лишиться всего — ну, это другое дело. А если у тебя есть жизненные приоритеты, ориентиры и ценности, то ты

понимаешь, что нет смысла жертвовать собой и теми, кто является частью тебя. Просто нет смысла: потеря больше, чем выигршей. Так получается.

— Вам наверняка приходится ходить на приемы, вести с мужем светскую жизнь, быть на виду, соблюдать этикет. Вас это не тяготит?

— Ну если есть с кем поболтать, то нет. Что касается одежды, то даже приятно. Женщине всегда приятно красиво одеваться. Другое дело, что сама политика никогда меня не интересовала. Вот это скучно.

— А что вы предпочитаете носить — юбку или брюки?

— Сейчас юбки, а раньше — брюки. В повседневной жизни люблю трикотаж — юбку и свитер. А в официальных случаях теперь приходится носить костюмы.

— Раньше жены руководящих работников одевались в закрытой секции ГУМа. А вы куда едете, если хочется что-то купить?

— В магазины, как и все. Вот недавно съездила в «Эскаду» и купила брюки и свитер, которые сейчас на мне. Неделю ездила по городу и искала себе сапоги. Так и не нашла. Ничего не подошло.

— А мужу тоже вы покупаете одежду?

— Какое-то время покупала я. Да и сейчас иногда. Он никогда не придавал значения одежде. У него всегда было два, максимум три костюма. Ну, еще джинсы, рубашки. Дома он ходил в джинсах и свитере. Очень непритязателен в одежде. Сейчас, поскольку все время на публике, стал к этому относиться внимательнее, но не более того.

— Многие обратили внимание, что раньше рукава костюмов были длинноваты. Теперь все нормально.

— Просто раньше этим занималась я, и иногда ленилась подшивать. Теперь появилась возможность делать это в ателье.

— Если вы ему купите галстук, он безропотно наденет?

— Только если будет подходить к рубашке и костюму. Безропотно он ничего не делает.

— Раньше у вас были длинные волосы, а теперь — стрижка. У кого вы стрижетесь?

— У Ирины Барановой. У нее стриглась и Наина Иосифовна Ельцина. По-моему, Ирина — замечательный мастер. У нее свой салон.

— А мужа кто стрижет?

— Есть какие-то мастера — то ли в ФСО, то ли в ФСБ. Стрижке он тоже никогда не придавал особого значения. Я люблю, когда он пострижен совсем коротко.

— А отдыхать вы ездите вместе?

— Раньше ездили. Два раза на Куршскую косу. За границей были. А теперь... Знаете, я больше не строю планов. Раньше строила, и когда они рушились или не сбывались, мне было всегда ужасно больно, плохо, обидно. А потом я поняла: проще всего, чтобы не было разочарований, не строить планов — ни совместного отдыха, ни праздников, ни отпусков...

— Как-то вы очень грустно это сказали.

— Да нет. Я же понимала, что так будет. В конце концов, если бы меня волновала только моя личная судьба, то я бы в какой-то момент сказала мужу: «Володя, я тебя просто умоляю, не надо этого ничего. Давай останемся в стороне. Давай будем жить по-другому». Но я же не сказала.

— *Ваша жена рассказала нам, что вы как-то давали французам импровизированную пресс-конференцию и два часа отвечали на коварные политические вопросы. Рискнете повторить с нами?*

— *О чем будем говорить?*

— *Обо всем.*

«АРМИЯ УЙДЕТ В КАЗАРМЫ»

— *Более или менее понятно, какой цели вы намерены добиться в Чечне: окончательного разгрома боевиков. Вы знаете, что делать в Чечне после этого?*

— *Правильно, сначала надо закончить военную операцию. Что это означает? Разбить крупные бандформирования, то есть отряды от десятка боевиков и выше. Параллельно усиливать роль органов правопорядка, восстановить органы власти и управления. Заняться социальными проблемами — школами, больницами. Начинать активно организовывать рабочие места. После этого провести выборы.*

— *Необходимо также провести довыборы в Думу от Чечни, у республики должен быть свой депутат. В зависимости от развития ситуации возможно введение прямого президентского правления.*

— Прямое президентское правление? На какой срок?

— На полтора-два года. За это время восстановить там в полном объеме все органы власти и управления и переходить к другим политическим процедурам: к выборам местных органов власти, руководителя республики. Предварительно подготовив необходимую базу и тех людей, на которых можно опираться.

— Назначенных из Москвы? Русских, чеченцев?

— Возможны варианты, в том числе и смешанное руководство. Возможностей очень много. Надо решать. Выбирать надо не по национальным признакам, а по деловым.

— Но это уже было, хотя в иной форме — и выборы, и органы власти, и социальная помощь. А потом боевики в два счета вернули себе Грозный. И сейчас нет никакой гарантии, что это не повторится.

— Знаете, в чем гарантия? Могу повторить: бандиты будут уничтожены. Вот кто возьмет в руки оружие, тот будет уничтожен. А со всеми остальными мы готовы иметь дело. Пускай выбирают руководителя республики. Мы готовы подписать соглашение с Чечней. Сколько у нас таких соглашений о разграничении полномочий? Человечество выработало огромное количество всяких вариантов сожительства различных народов в рамках одного государства. Да, нужно искать какой-то компромисс, и мы будем искать. Но нам никто никогда никакого решения силой навязывать не будет.

— А мы разве не силой будем навязывать? Неужели вы думаете, что остался хотя бы один чеченец, который не будет за кого-то мстить?

— Россию спровоцировали на те действия, которые она сегодня там проводит. Бандиты же обо-

кralи Чечню, свой народ. В течение трех лет он кralи у людей зарплату, пенсии, пособия. И большинство граждан Чечни сегодня считают, что во всем виноваты те, кто руководил Чечней эти годы.

— **Но вы собираетесь установить диктат.**

— Ничего подобного. Мы применяем силу не к народу, а к бандитам. Это они пытались диктовать чеченцам, как им жить и даже как молиться Аллаху. Мы установим порядок, в республике будет спокойно и мирно, и потом перейдем к выборам, и будем договариваться уже с новым руководством о разграничении полномочий между Чечней и федеральным центром при общем понимании того, что мы все равно будем жить вместе.

У вас есть другие варианты? Опять уйти, все бросить и ждать, когда на нас снова нападут? Это не было преступлением? И простых чеченцев бросили, и Россию подставили.

— **А армия?**

— Армия сделает свое дело и уйдет в казармы.

«МЫ ЖЕ ЕВРОПЕЙЦЫ»

— **Чечня — это все же не вся страна. Что, по вашему, нужно в первую очередь стране? Главное?**

— Точно и ясно определить цели. И не вскользь говорить об этом. Эти цели должны стать понятными и доступными каждому. Как Кодекс строителя коммунизма.

— **И что напишете в первой строке этого кодекса?**

— Моральные ценности.

— **Будем снова искать особый путь для России?**

— А ничего искать не надо, все уже найдено. Это путь демократического развития. Конечно, Рос-

сия более чем разнообразная страна, но мы — часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность, на самом деле. Где бы ни жили наши люди — на Дальнем Востоке или на юге, мы — европейцы.

— *Осталось, чтобы Европа считала так же.*

— Мы будем стремиться оставаться там, где мы географически и духовно находимся. А если нас будут оттуда выталкивать, то мы будем вынуждены искать союзы, укрепляться. А как же? Обязательно.

«А ВЫ БЫ РАЗВЕРНУЛИ САМОЛЕТ?»

— *В чем проблема наших отношений с НАТО?*

— В том, что мы себя не чувствуем там полноценными участниками процесса. Если будем принимать полноценное участие в выработке решений, то я здесь ничего не вижу страшного.

— *Ситуация с Югославией показала, что решения можно принимать и без России.*

— Так в том-то и дело! Такие отношения нам не нужны.

— *Вы ведь были секретарем Совета Безопасности, когда начались события в Югославии. Вашим мнением интересовались президент или премьер-министр?*

— Президент решал эти вопросы напрямую с Министерством обороны и МИДом.

— *А вы бы развернули самолет над Атлантикой на месте Примакова?*

— Возможно. Примаков оказался в очень сложной ситуации. Да, он мог долететь до Вашингтона и использовать свой визит как трибуну, чтобы

высказать позицию России. Но и американцы могли это использовать в своих целях. Интерпретировать прилет российского премьера как знак того, что Россия согласна с предложенным вариантом решения югославской проблемы.

Тот способ решения проблем, который избрали для Югославии, был predetermined после распада СССР.

— Тогда зачем эти демонстрации, если ослабшая Россия все равно ничего сделать не может?

— Не так. Россия и в сегодняшнем своем качестве может многое сделать. Нужно было заранее, до начала бомбардировок в Югославии, проанализировать ситуацию, разобраться, какими ресурсами мы располагаем, чтобы влиять на решение наших партнеров. Можно было активнее работать с теми странами, которые не хотели подобного развития событий.

**«ОНИ БУДУТ ТАМ И ТОГДА,
ГДЕ И КОГДА МЫ СКАЖЕМ»**

— Давайте вернемся еще раз к Чечне, если уж мы заговорили об интеграции в Европу. Вы можете представить себе ситуацию, при которой в Чечню можно было бы ввести миротворческий контингент?

— Исключено. Если мы признаем, что Чечня независимое государство, то да. Она тогда может привлечь туда любые миротворческие силы.

— Но говорили, что и Косово останется в составе Югославии, а войска ввели.

— Вот поэтому мы и не соглашаемся ни на какие варианты типа косовского. Ничего, что напоминало бы аналог югославских событий, нет и быть не может. Тем более, что все, чего добились

союзники по альянсу, на практике оказалось прямо противоположным целям, которые ставила перед собой НАТО.

— **Вы говорите «мы не соглашаемся». А что, разве предлагали?**

— Посредника, допустим, предлагают в разрешении конфликта в Чечне. Нам там не нужны никакие посредники. Это первый шаг к тому, чтобы интернационализировать конфликт. Сначала посредники, потом еще кто-то, потом наблюдатели, потом военные наблюдатели, потом ограниченный контингент. И понеслось...

— **Ну а наблюдатели, допустим, ОБСЕ?**

— В Чечне? После завершения боевых действий и разгрома бандформирований. Они будут там и тогда, где и когда мы скажем, где мы разрешим и сочтем это целесообразным.

— **С таким подходом Европа нам, похоже, не светит.**

— Смотря какая Европа. Давайте разберемся. Да, мир изменился, изменилась и Европа, никакого секрета тут нет. Устав ООН писался с учетом иного расклада сил в мире — мы тогда были главными победителями во Второй мировой войне.

Сейчас мы стали, увы, слабее, а Устав ООН продолжает действовать. Это не всех устраивает. Его как-то пытаются менять или подменять, например, решениями НАТО. Мы не должны с этим соглашаться.

Кстати, многие забыли, что когда в конце сороковых годов создавался НАТО, Советский Союз высказывал намерение войти в этот блок. Но нас туда не пустили. В ответ, вместе со странами Восточной Европы мы образовали Варшавский договор, сейчас уже несуществующий — как ответ на формирование альянса.

— Так не вернуться ли к идее вступления в НАТО?

— Вернуться-то можно, но вряд ли сейчас. Вопрос в том, о каком НАТО идет речь. Если о том, который в нарушение решений ООН действовал в Косово, то нам это даже теоретически обсуждать неинтересно. Если речь идет о серьезной трансформации этого блока, преимущественно в политическую организацию, готовую к конструктивному взаимодействию с Россией, тогда есть предмет для обсуждения.

Словом, я не вижу причины, которая бы препятствовала развитию сотрудничества России с НАТО, но, повторяю, только при условии, что к нам будут относиться как к равноправному партнеру.

Хотя в любом случае, даже в режиме предположений, надо говорить об отдаленной перспективе. Ведь есть масса проблем — политических, экономических, военных. Например, любой блок, и НАТО не исключение, принимает стандарты вооружений, и это, понятное дело, существенно затрагивает интересы оборонной промышленности.

— А что думают по этому поводу собственно натовцы?

— Я думаю, будут бояться разрушения НАТО изнутри. Я их тоже прекрасно понимаю. Мы — слишком мощная доминанта. Сейчас есть одна — США, а появится вторая, хотя и не такая мощная, как первая. Но баланс может быть нарушен, и отцы-основатели НАТО опасаются, что организация сильно изменится. С нашей точки зрения, в лучшую сторону, а с их — возможно, в худшую.

— Все-таки непонятно. Получается, что Россия критиковала НАТО потому, что мы не были допуще-

ны к решению югославской проблемы как полноценные партнеры. А если бы были?

— Так в том-то и дело. Если бы были, то не было бы и этого решения. Мы бы в любом случае не согласились на подобного рода вмешательство во внутренние дела другой страны. Оно не может быть оправдано никакими соображениями, в том числе и так называемой гуманитарной интервенцией. Я считаю, что сама операция была крупномасштабной ошибкой в области международных отношений, нарушением основополагающих принципов международного права.

— А ввод войск Варшавского Договора в 56-м в Венгрию и 68-м в Чехословакию тоже был крупномасштабной ошибкой?

— Вы забыли, что и в Германии в 53-м мы применили силу. Это были крупные ошибки, на мой взгляд. И та русофобия, которую мы имеем сегодня в Восточной Европе, это как раз плоды тех ошибок.

И потом. Мы ведь начали с отношений России с Европой, а свели все к отношениям с НАТО. При всей североатлантической направленности сегодняшней европейской политики не надо забывать, что НАТО и Европа — все-таки не одно и то же. И я уже сказал, что мы страна европейской культуры, а не натовской.

«ГОСУДАРСТВО ХОЧЕТ И МОЖЕТ»

— Вот мы все время говорим, что Россия ослабла и от этого куча проблем и внутри страны, и вовне. Ваш тезис: нужно восстанавливать государственность, нужно сильное государство. Понятно. Но не означает ли это, что надо восстанавливать и государственную собственность?

— Нет, конечно. У нас должна быть государственная собственность в ограниченном масштабе, там, где это необходимо. Например, в оборонной отрасли.

— То есть надо расширять частный сектор?

— Первое, что нужно, — гарантировать право собственности. Я считаю, что одна из главных задач государства — создавать правила, общие правила: в виде законов, инструкций, положений. И второе — соблюдать эти правила, гарантировать их соблюдение..

— Да уже насоздавали этих инструкций и правил, положений и законов, а результат?

— Вы правы. И поэтому столь велик дефицит доверия народа к власти. Посмотрите, сколько законов всяких наприносили в социальной сфере. Вот бесплатный проезд, например, для военнослужащих. Принять приняли, но в жизни за проезд военные платят. Таких примеров масса. Чтобы изменить эту ситуацию, власть должна решиться на непопулярные меры.

— Какие непопулярные меры?

— Надо будет пересматривать все те социальные обязательства, которые взяло на себя государство за последние годы и которые никак не обоснованы и ничем не обеспечены. Никуда не деться.

— А конкретнее? Хотя бы на примере того же бесплатного проезда для военнослужащих?

— Пожалуйста. Не лучше ли повысить зарплату некоторым категориям граждан, в том числе и военнослужащим? Даже если чуть больше им дать денег, то они смогут платить за проезд сами и не будут поставлены в унижительное положение. Но если уж власть сказала, что будет платить этим гражданам, скажем, компенсацию за проезд, то надо платить.

Уверен, левая оппозиция тут же обрушится с

критикой, что людей лишают льгот, что это удар по обездоленным трудящимся, которым и так тяжело живется. Но власть, которая не выполняет свои обязательства, — это вообще не власть. Поэтому такое недоверие к ней сейчас.

«ПАРТИЯ С ТАРАКАНАМИ»

— Так вы с левыми в сговор вступаете потому, что они вам пригодятся, когда будете принимать непопулярные решения? И поэтому вам был так нужен Селезнев в качестве спикера Думы?

— Мне нужен? Я, наоборот, и Селезневу, и Зюганову говорил: найдите свежее лицо, даже если это будет человек от вас.

— Но все равно же от коммунистов! Очень свежее лицо получили в итоге...

— Послушайте, сотрудничество с коммунистами в нашей Думе было всегда. Ни один закон не проходил без поддержки коммунистов. И никакого сговора, если уж мы говорим серьезно, не было. Мне представляется, что в отношениях с коммунистами есть два пути. У них есть все шансы стать современной парламентской партией в европейском смысле этого слова. У нас есть очень много партий, групп, группировок, объединений без всякой социальной базы. И есть коммунисты — единственная крупная, действительно большая партия с социальной базой, но с идеологическими «тараканами».

— Назовите «тараканов» поименно.

— Например, требование конфискации и национализации.

— Этого не будет?

— Вот этого точно не будет. Не будет очередной крупномасштабной трагедии. И не будет

никакого партнерства с коммунистами, пока они придерживаются такой позиции. Если были произведены в предыдущие годы какие-то неправомерные действия и это установлено и доказано судом, то другое дело. Ну а сама по себе национализация и конфискация вне судебной процедуры — это катастрофа. Хотя бы потому, что это путь к произволу.

Коммунисты либо изменяют свои программные установки, и тогда они станут крупной левой партией, повторяю, европейского типа, или они не смогут этого сделать и тогда потеряют свою социальную базу по мере ее естественного убывания и постепенно будут сходиться с политической сцены.

— **Сами-то они вряд ли так считают.**

— Лидеры все это понимают, как ни покажется неожиданным. И они готовятся, на мой взгляд, к тому, чтобы видоизмениться. Не могут этого сделать сегодня, боятся, что их электорат это воспримет как предательство. А ведь тут достаточно важно не упустить момент — когда, в какой степени и сколько им нужно менять в себе.

«А, ПОДУМАЕШЬ, СУД»...

— **Для многих понятие «сильная власть» ассоциируется с диктатурой.**

— Мне вот, например, больше нравится другая формулировка — не сильная, а эффективная власть.

— **Можно назвать как угодно. Но как это власть станет эффективной? Как она будет контролировать соблюдение установленных ею правил?**

— Суды должны работать, правоохранительные органы, арбитражи. Роль этих органов изменилась, а мы никак не хотим этого понять. Она стала

соответствовать тому, что написано в законе. Почему мы не платим судьям и сотрудникам правоохранительной системы тех денег, которых они заслуживают? Потому что у нас в сознании до сих пор советская идеология. Помните, мы думали тогда: а, подумаешь, суд... Что такого особенного? Вот райком партии — да, понятно, там люди, которые принимают решения. А что от судей зависит? Им как скажут, так они и сделают.

Людям до сих пор кажется, что суды не так уж важны, поэтому и платить им надо не больше, чем в среднем бюджетникам.

Или нотариусы, например. Во французской системе, если нотариус поставил печать, то это не просто закон, а железобетонное решение. И ошибиться нотариусу нельзя, потому что тогда он обязан возместить ущерб. Две ошибки — и он разорен. За этот риск они получают там огромные деньги.

У нас общество должно понять, что меньшинству, определенным категориям людей государство должно платить очень серьезные деньги для того, чтобы обеспечить интересы большинства. Когда же мы это все, наконец, поймем?! Люди-то у нас неглупые. Просто не объясняли ничего толком.

— Да все объясняли про роль судов! Десять лет уже объясняют. Ни суды не меняются в лучшую сторону, ни отношение к ним. Как еще объяснять?

— Настойчиво. Без этого ничего не изменится. И повышать судьям зарплату.

«НОСИТЕЛИ ПОНИМАНИЯ»

— А вот губернаторам все эти ваши идеи про эффективную власть и управляемость государства

вряд ли понравятся. Будут бояться, что урежете их самостоятельность.

— Я считаю, что нужно сохранить и местное самоуправление, и избираемость губернаторов. Но все эти связи между собой должны быть более сбалансированными. При сохранении избираемости губернаторов я, например, считаю, надо подумать о возможности применять к ним какие-то санкции. Например, снимать с должности.

— **То есть одни избирают, а другие снимают.**

— Можно разработать и другие системы их зависимости от центра. Не может быть полной независимости.

— **Вы имеете в виду: разработать систему контроля?**

— Контроля и оказания влияния. Нужно, чтобы все субъекты Российской Федерации были поставлены в одинаковые экономические условия перед федеральным центром. Я имею в виду, что у нас заключено большое количество всяких соглашений о разделении полномочий, но некоторые субъекты имеют неоправданные льготы, такие, которых нет у других.

— **Например, Татарстан?**

— Например, Татарстан.

— **Шаймиев вас может не понять.**

— Ошибаетесь, понимает. Я с ним недавно в общих чертах обсуждал эту проблему. Шаймиев со мной, в общем, согласился.

Ведь все понимают, что конкретно разъедает общее экономическое и политическое пространство. И эта задача одна из первоочередных.

Следующий шаг — наука и образование. Потому что без современных менеджеров, без современного понимания того, как и что нужно делать, и без носителей этого понимания добиться результатов невозможно.

— Да эти носители уже все уехали из страны.

— Не все. У нас сохранилось пока главное — фундаментальная наука и школа. Если утрачим это, то тогда все, конец.

«НЕ ТАК МНОГО ДЕНЕГ И НУЖНО»

— Откуда вы на все это деньги возьмете?

— А вы знаете, не так много и нужно. Это не проблема денег. Это та же проблема понимания.

— Ну и сколько бы вы платили, например, молодым специалистам, с учетом понимания?

— Скажем, на Западе им платят порядка пяти тысяч долларов. А если мы заплатим, условно говоря, две тысячи долларов?

— Ой!

— Да. И, прикинув, могу сказать, что тогда подавляющее большинство никуда не поедет. Жить в среде своего родного языка, среди близких, родных, знакомых, в своей стране, получать немного выше, чем другие, — это даже выгоднее.

— Все же непонятно. Судьям вы собираетесь повышать зарплаты, вообще госаппарату, армии, на образование и науку нужны деньги. Откуда? Завтра Америка решит распродать свой стратегический запас нефти, цены упадут и...

— Деньги есть, только утекают сквозь пальцы. Пока не будет сильного государства, мы так и будем зависеть от чьего-то стратегического запаса.

«ВОЗМОЖНЫ ПОПРАВКИ»

— Вот вы юрист. Закон — это вещь неизбле-
мая?

— Закон надо соблюдать, а если он отстаёт от

жизни, его надо менять. Один из постулатов теории права — закон всегда отстаёт от жизни.

— *А как насчет нашей Конституции? Она не отстаёт от жизни?*

— В Конституции должны закрепляться самые общие принципы, поэтому она и живет дольше, чем обычный закон. Это правильно, поскольку Конституция гарантирует обществу определенные правила игры на длительную перспективу. Но можно вносить поправки.

— *Так надо вносить поправки, например, в главу о полномочиях президента? Ограничить их, скажем? Правда, сейчас предлагают и иного рода поправки — увеличения срока полномочий президента до семи лет.*

— Не знаю, может, и четырех лет достаточно, чтобы что-то реально сделать. Все должно быть естественно, хотя четыре года — маленький срок. Технологи, с которыми мы работаем, выстраивают программу действий по годам. Первый — формирование целей, команды, второй и половина третьего — поэтапное достижение конкретных результатов, конец третьего — начало четвертого — предъявление этих результатов и вхождение в следующую избирательную кампанию. И если этот цикл сорван, тогда все идет насмарку, просто уже ничего не сделаешь и не вступишь в цикл подготовки к следующим выборам.

— *А как с полномочиями президента?*

— Я не исключаю, что возможны поправки. Надо только внимательно посмотреть, насколько то, что там сформулировано сейчас, отвечает интересам государства, всего общества. Если записаны чрезмерные права в главе о полномочиях президента, то можно подумать об их пересмотре. Я считаю, что это должно быть предметом широкого обсуждения. А вообще Россия с самого начала созда-

валась как суперцентрализованное государство. Это заложено в ее генетическом коде, в традициях, в менталитете людей.

«МОНАРХ МОЖЕТ ДУМАТЬ О СУДЬБАХ НАРОДА»

— *Если уж вы так исторически подходите к вопросам, то в традициях России заложена и монархия. Что же теперь, восстанавливать?*

— Я думаю, что маловероятно. Но в целом... в определенные периоды времени... в определенном месте... при определенных условиях... монархия играла и играет до сих пор положительную роль. В Испании, допустим. Я думаю, что монархия сыграла там решающую роль в отходе страны от деспотии, от тоталитаризма. Монархия была очевидно стабилизирующим фактором. Монарху не нужно думать, изберут его или нет, мелко конъюнктурить, как-то воздействовать на электорат. Он может думать о судьбах своего народа и не отвлекаться на мелочи.

— *А обо всем остальном подумает премьер-министр.*

— Да, правительство.

— *Но в России это невозможно.*

— Вы знаете, нам многое кажется невозможным и неосуществимым, а потом — бах! Как с Советским Союзом было. Кто мог представить, что он сам по себе возьмет и рухнет? Да в страшном сне такое не могло привидеться.

— *А вы были на погребении останков царской семьи в Петербурге?*

— Нет.

— *Как вам кажется, правильно сделали, что захоронили?*

— Думаю, что да.

— У государства должны быть отношения с крупным бизнесом?

— Обязательно, потому что от крупного бизнеса очень многое зависит. Но эти отношения должны строиться на основе того же самого закона, тех же общих правил. Кстати, и сам крупный бизнес заинтересован в том, чтобы в среде бизнесменов у государства не было фаворитов, чтобы все были поставлены в равные условия.

— То есть общение с крупными бизнесменами не исключено?

— Конечно. Я считаю, что государство должно прислушиваться как к рабочим — а их представителями являются профсоюзы, так и к представителям крупного бизнеса, ассоциациям предпринимателей. От того, как они строят политику своих фирм, своих крупных компаний, многое зависит. Зачем же делать вид, что мне это безразлично? Это неправильно. Государство не должно командовать бизнесом. Это правда.

— Кстати, о фаворитах. Борис Березовский сказал в одном из интервью, что встречается с вами раз в месяц. Это так?

— Наверное, реже.

— По чьей инициативе?

— По его. У него такой живой ум и много предложений. Все они связаны главным образом с Кавказом — Чечней, Карачаево-Черкесией. Он же был все-таки замсекретаря Совета Безопасности, занимался этим. Кстати, на мой взгляд, его предложения по Чечне были нереальны и неэффективны, поэтому, собственно говоря, ничего из того, что он предлагал, не осуществляется. Но я время от времени встречаюсь не только с Березовским, но и с другими бизнесменами, например Авенном, Потаниным, Алекперовым...

— **Ваша жена сказала, что вы не любите обсуждать людей, с которыми работаете. Но нам же о людях интересно. Вот Борис Николаевич, например...**

— **Вы хотите, чтобы я дал оценку его роли в истории?**

— **Но у вас же были отношения с ним, личные в том числе.**

— **Особенно близких отношений с Борисом Николаевичем не было, просто хорошие рабочие отношения. Он относится ко мне очень по-доброму, и я ему за это благодарен. Я с ним практически не встречался в быту.**

— **И в теннис вы не играете?**

— **И в теннис я не играю. До его отставки я и домой к Ельцину приезжал только с деловыми вопросами, с бумагами. Больше того, я могу сказать, что когда он начал со мной обсуждать вопрос об отставке, я только тогда впервые почувствовал в нем душевность определенную, понял, что он чувствует.**

— **Вы ему звоните?**

— **Да. Мы сейчас с ним чаще общаемся, чем до отставки. Тогда мне и в голову не приходило... То есть я мог снять трубку, и звонил пару раз, но по рабочим вопросам. Сейчас — другие отношения. Я могу просто позвонить, поговорить.**

— **А заехать?**

— **Заезжаю. Не так давно заехал по делам, а Борис Николаевич говорит: «Оставайтесь у нас ужинать. Будем есть суши». Он, оказывается, один раз попробовал суши в ресторане, и ему понравилось. И вот жена и дочери решили устроить для Бориса Николаевича такой японский ужин дома. Я, конечно, остался. Потом мы еще долго сидели, пили пиво, разговаривали.**

— **А Ельцин звонит вам сам?**

— Звонил несколько раз. Интересовался, как дела на Кавказе. Потом как-то спрашивал, что у нас там с внутренними войсками, все ли в порядке. По поводу саммита СНГ звонил. Мы с ним встречались по моей инициативе, обсуждали, как ставить некоторые вопросы на встрече с лидерами СНГ, обсуждали какие-то решения по поводу руководства Содружества. Его опыт тут очень нужен.

«ИЛЛЮЗИЙ БОЛЬШЕ НЕ ВОЗНИКНЕТ»

— **Всем интересно, будете ли вы так же жестко, как раньше, бороться с Лужковым?**

— Так же жестко? Я с ним вообще никак не боролся.

— **Тогда так. Вы будете добивать его или будете работать как с рядовым членом Совета Федерации?**

— Буду работать, конечно. Больше того, я даже готов опираться на него как на человека, который имеет влияние на крупнейший регион в стране — на столицу, при условии, что его собственные действия будут направлены на укрепление государства.

— **А до сих пор на что они были направлены?**

— До сих пор в значительной степени на удовлетворение политических амбиций. Когда региональный лидер ставит перед собой такую задачу, я думаю, это разрушает страну.

Кстати, мне кажется, что это происходило не из-за чьих-то агрессивных устремлений, а в результате слабости центральной власти. Как только региональные лидеры чувствуют, что власть сильная и эффективная, они возвращаются к тому, что предписано им Конституцией, — начинают заниматься своими делами.

— **Кольцевой дорогой?**

— Да. Кольцевой дорогой.

— **Говорят, что воровали там много.**

— Когда слышу, что кого-то обвиняют в воровстве или еще в чем-то подобном, я хочу спросить: а у нас еще есть презумпция невиновности? Если преступление не доказано, никто не имеет права обвинять человека.

Конечно, есть чисто российская специфика, о которой всем известно. Помните, в советское время был анекдот. Приезжает Брежнев к Картеру. Картер говорит: «Вот видишь, какой красивый мост?» — «Вижу». — «В одну сторону пять полос, в другую — пять... А по проекту было в одну десять и в другую — десять». — «Так где же они?» — «Так все здесь!» — И показывает на обстановку в Белом доме.

Брежнев думает: «Ну ладно!» Приезжает к нему Картер. Наш говорит: «Видишь Москву-реку?» — «Вижу». «А мост видишь?» — «Не вижу». — «Потому что все здесь!» — И показывает на обстановку в Кремле.

Конечно, можно предположить, что кто-то сжульничал на строительстве кольцевой дороги, но она хотя бы есть, эта дорога! И ею можно гордиться. А если кто-то считает, что там что-то украли, пусть пойдет и докажет.

— **Как, вы думаете, Лужков будет вести себя с вами?**

— Уверен, что будет вести себя конструктивно. Не думаю, что у него будет какая-нибудь возможность вести себя по-другому.

— **На что вы намекаете?**

— Ни на что. Знаете, не на какие-нибудь силовые акции. Я думаю, что в какой-то момент многие решили, что президента как центра власти

больше не существует. До этого ведь вели себя вполне лояльно. Я просто сделаю так — если, конечно, вынужден буду, — чтобы ни у кого таких иллюзий больше не возникало.

«ПЛОХАЯ КРЕДИТНАЯ ИСТОРИЯ»

— А вот самый знаменитый петербуржец — Анатолий Чубайс. У вас с ним близкие отношения? Вы ведь с ним знакомы еще по Питеру?

— Когда я пришел работать к Собчаку, Чубайс был зампредом исполкома Ленсовета. Непосредственно с Чубайсом у меня никогда дел не было. Я с ним близко не общался.

— А когда он ваучеры придумал, вы как отреагировали?

— Никак.

— Что вы со своим ваучером сделали?

— Я его потерял сначала, потом нашел и что-то купил на него, какую-то глупость. Когда где-то за год до приватизации я с Василием Леонтьевым, лауреатом Нобелевской премии, разговаривал на эту тему, он мне сказал: «Да раздайте вы кому угодно эту собственность, все равно через два-три года вся она окажется в нужных руках. Хоть бесплатно раздайте». Вот Чубайс и раздал. Я думаю, что у него именно такой подход был, хотя, конечно, надо об этом его самого спросить.

— Через два-три года, значит. Вы считаете, что это неминуемо?

— Я не знаю, минуемо это или нет. Важно, чтобы она оказалась у эффективного собственника.

— Так ведь она оказалась у разного собственника.

— В том-то и дело.

— Вы не обиделись, что когда он пришел работать в администрацию президента, первым делом ликвидировал должность, которую обещали вам?

— Нет, не обиделся. Я знаю его технократический подход к решению проблем. Он решил, что такая структура не соответствует задачам, которые стоят перед администрацией.

— Ничего личного?

— Это не из области интриг. Он человек, который руководствуется не сантиментами. Я не могу, конечно, сказать, что очень обрадовался тогда этому, но у меня не было никаких подозрений в его адрес и даже, если честно сказать, обиды не было особой.

— А когда ваше общение с Чубайсом стало более-менее регулярным?

— А никогда.

— Но на дачу он к вам может приехать?

— Может, иногда приезжает.

— Вас удивило, что Чубайс поддержал операцию в Чечне?

— Да.

— Почему?

— Я думал, что он в большей степени живет в мире иллюзий. Оказалось, что он все-таки прагматик и способен воспринять реалии жизни, а не руководствоваться какими-то эфемерными идеями.

— А когда он сказал, что поддержит вашу кандидатуру на президентских выборах?

— Нет, это не удивило, потому что он прекрасно знает, что я не диктатор и не собираюсь возвращать страну к директивной административной экономике.

Чубайс, между прочим, очень хороший администратор. Я смотрел, как он руководит Комисси-

ей по оперативным вопросам, как работает на заседаниях правительства. Он умеет схватить главное и, как говорил Владимир Ильич Ленин, потом вытащить всю цепь. Но, конечно, он упертый, такой большевик... да, это правильное определение в его адрес. К сожалению, у него плохая кредитная история. Я имею в виду кредит доверия у населения.

«Я САМ ИХ ЗАКЛЮЮ»

— Кто из политических лидеров вам интересен?

— Наполеон Бонапарт. (Смеется)

— А если серьезно?

— Де Голль, наверное. И еще мне нравится Эрхард. Очень прагматичный человек. Это он выстроил новую Германию, послевоенную. Кстати говоря, у него вся эта концепция восстановления страны начиналась с определения новых моральных ценностей общества. Для Германии это было особенно важно после крушения нацистской идеологии.

— Почему вы до выборов отменили все поездки за границу?

— Формально потому, что президент и премьер не имеют права одновременно ездить за границу. А я одновременно и премьер, и и.о. президента.

— А неформально? Боялись, что заключат за Чечню?

— Я сам их всех заклюю. Просто они не очень хотели с нами встречаться из-за Чечни, а если хотели, то не в том формате, который нас устраивал бы, не на том уровне. А чтобы было в том,

как нам надо, они говорят: измените свою позицию по Кавказу. Это тем более нас не устраивало, потому что стоило дороже, чем мои поездки за границу.

— Но пока вы еще были «выездным» премьер-министром, успели встретиться с Клинтоном в Новой Зеландии.

— Да. Он мне понравился.

— Чем?

— А он обаятельный человек. Я имею в виду в разговоре.

— У вас, видимо, взаимная симпатия. Он тоже вас тут недавно поддержал в Интернете.

— Он и при той, первой встрече проявил внимание. Когда мы были в Новой Зеландии — не помню, за обедом или за ужином, уже ближе к концу, — он специально ко мне подошел. А мы сидели за разными столами. Поговорили о чем-то, а потом он сказал: «Ну что, пойдём?» Все выстроились коридором — лидеры других государств, гости, — и мы с ним вдвоем демонстративно шли сквозь этот коридор. Мы выходили из зала под аплодисменты. Я расценил это как знак особого внимания. Может, поэтому он и произвел на меня впечатление. Шучу. Он действительно в разговоре выглядит как человек искренний, открытый и приятный, что очень важно.

— У него природное обаяние.

— Наверное. Если нет природного обаяния, то этому ведь трудно научиться. Я это хорошо знаю.

— С кем еще вам приходилось встречаться лично?

— С Колем, с Тэтчер. С Мейджором.

— Это когда вы еще в Петербурге работали?

— Да.

— **С Колем вы разговаривали по-немецки?**

— Он встречался с Собчаком, минут тридцать. Я переводил. Это были самые общие разговоры, ни о чем. За ланчем. И он тогда предложил: «Давайте сейчас не будем ничего всерьез обсуждать. Приезжайте в Бонн недели через две, и все обговорим».

Собчак принял это предложение и взял меня с собой. Это была деловая поездка. Вы знаете, что меня больше всего удивило? Я не ожидал, что один из крупных политических деятелей Европы так хорошо и глубоко знает Россию. Меня это просто поразило.

Сейчас, может быть, не смогу воспроизвести на память все, что он говорил, но помню собственные ощущения. Он поразительно глубоко знает и историю нашей страны, и современную жизнь. Он понимает суть происходящих событий. И мне было особенно приятно, когда он сказал, что не представляет, как бы Европа существовала без России. Он говорил, что немцы заинтересованы не только в российском рынке, но и в том, чтобы Россия стала достойным партнером.

— **Но это могли быть просто обязательные слова вежливости.**

— Нет, мне так не показалось. Это были не протокольные слова. У меня сложилось убеждение, что он действительно так думает.

— **Такой сильный лидер и какой скандал после отставки! Странно.**

— Ничего странного. Какой лидер, такой и скандал. На самом деле они ослабли, их добивают. В известной степени ошибки были допущены и руководством ХДС. От одного лидера, даже столь сильного, как Коль, за шестнадцать лет устанет любовью народ, даже такой стабильный, как немцы. Они должны были это вовремя понять.

— Вот вы пришли в Кремль, с которым постоянно в последнее время связаны какие-то скандалы: Бородин и «Мабетекс», деньги «семьи»... Вы молчите, и это объясняют тем, что «семья» вас привела, и вы теперь в благодарность все эти страсти потушите.

— У меня никогда не было никаких особых отношений с теми людьми, которые близко работали с президентом. А доверять такое ответственное дело, как «тушить» что-то, малознакомому человеку очень рискованно.

— Не так уж, видимо, рискованно, если вы назначили Бородина на пост госсекретаря Белоруссии и России.

— Не я назначил. Я предложил. И его избрали.

— При том что за ним тянется хвост всяких скандальных обвинений? Вы не считаете, что с этим нужно было сначала разобраться, а потом уже предлагать Бородина на какой-то пост?

— Я считаю так, как это написано в законе. Есть золотое правило, основополагающий принцип любой демократической системы, и называется он «презумпция невиновности».

«БЫЛА ВСТРЕЧА ВЧЕТВЕРОМ»

— Но ведь и в случае со Скуратовым ничего не было доказано судом, что не помешало лишить его работы.

— Скуратов отстранен от работы в полном соответствии с законом, в котором написано, что на период расследования возбужденного против генерального прокурора дела он должен быть отстранен. Что и было сделано.

— Вы допускаете, что если расследование завершится ничем, он вернется?

— Теоретически да. Но есть ведь не только уголовно-правовая сторона, есть и моральная. Для меня лично с этой моральной стороной все ясно. Я точно знаю. Мы с ним на эту тему говорили.

— А почему же он потом опять отказывался?

— Потому что не хотел быть скомпрометированным, вот и все.

— В какой-то газете написали, что второе заявление об отставке Скуратов написал после того, как лично вы провели с ним работу. И после этой работы подвалы Лубянки могут показаться для человека счастьем.

— Да чушь все это.

— А как было?

— Была встреча вчетвером. Борис Николаевич, премьер-министр Примаков, я, тогда директор ФСБ, и он.

Борис Николаевич достал кассету и фотографии, сделанные с видеозаписи. На стол просто положил. И говорит: «Я считаю, что вы не можете работать дальше Генеральным прокурором».

И Примаков тоже согласился: «Да, Юрий Ильич, я считаю, что вам надо написать заявление». Юрий Ильич подумал, взял бумагу и написал, что уходит в отставку.

— Окажись вы в подобной ситуации, как бы вы действовали?

— Если бы я считал, что это несовместимо с исполнением служебных обязанностей, я бы, конечно, ушел. Я уверен, что должность Генерального прокурора, например, несовместима с таким скандалом.

— А должность премьера?

— Премьера? Как ни странно, в меньшей степени. Прокурор — это другое. Прокурор должен

быть образцом морали и нравственности, потому что именно он наблюдает за исполнением законов всеми гражданами: и премьером, и президентом, и всеми.

— **Еще вопрос в связи с героинями этой истории. Надо бороться с проституцией?**

— Социально-экономическими методами.

— **Какими?**

— Надо, чтобы люди жили нормально. Вот после Второй мировой войны в Западной Европе проституция процветала, потому что население там было нищим. Поговорите с ветеранами Великой Отечественной войны, они вам скажут, что женщины отдавались за кусок хлеба. И сейчас все от нищеты, от безысходности. Если жить нормально, если экономика будет развиваться, если уровень жизни будет высоким...

— **Ну вот для примера, в Германии уже высокий. И что? Проституции полно, и даже легализована.**

— Так ведь там одни только иностранки в борделях, немок просто нет.

— **А вы откуда знаете?**

— Рассказывали. Такие, как вы... люди свободных профессий.

— **Ну хорошо, немок нет, но ведь проституция есть.**

— Проституция есть. Я говорю сейчас просто о национальности участниц этого движения. Они все на виду. И среди них нет немок, потому что уровень жизни в стране очень высок.

— **А вы за легализацию этого движения или против?**

— Я не считаю, что проституцию нужно легализовывать. С ней нужно бороться социально-экономическими методами. Тогда никому не захочется. А вы что, за легализацию?

— Ну, в публичных домах все-таки врачи... И девушек не будут обдирать, издеваться над ними не будут.

— У вас доброе сердце.

«С КЕМ ВОЗНИКАЕТ ЧУВСТВО ЛОКТЯ»

— К чьим предложениям вы прислушиваетесь, кому доверяете? Вот вы говорили, что ваши технологи в качестве задачи на первый год ставят формирование команды. Кто в вашей команде? Кому вы доверяете?

— Доверяю? Сергею Иванову, секретарю Совета Безопасности.

— Вы давно знакомы?

— Давно, но не очень близко. Он начинал работать в ленинградском Управлении КГБ. Я тогда просто знал, что есть такой человек. Потом он уехал в Москву и так здесь и остался. Был в нескольких длительных заграничных командировках, по нескольку лет. У нас было много общих друзей. В общем, информация о нем была с разных сторон, положительная информация. Знает несколько языков: английский, шведский и финский, по-моему. Я считаю, что он вполне на своем месте. Недавно вернулся из Штатов, очень хорошо поработал. Он встречался с Клинтоном, Олбрайт, Бергером. Я доволен его работой.

— Но вы же еще ни с кем не съели пуд соли.

— Конечно, лучше, если есть возможность в чем-то убедиться на практике. Но давайте согласимся, что есть еще такое понятие, как чувство локтя. Вот с Ивановым такое чувство возникает. И с Николаем Патрушевым тоже, и с Димой Медведевым.

— **Медведев возглавляет ваш предвыборный штаб. Он же тоже питерский?**

— Он работал на кафедре гражданского права в Ленинградском университете, кандидат юридических наук, эксперт хорошего уровня. Во время работы с Собчаком мне там, в аппарате мэрии, нужны были люди. Я пришел за помощью к юрфаковцам, и они мне предложили Диму. Когда я был заместителем мэра, он был у меня советником, работал года полтора. А потом, после тех неудачных выборов, он, естественно, через какое-то время ушел из мэрии и вернулся в университет.

— **Вы его недавно пригласили в Москву?**

— Совсем недавно, в этом году. Вообще-то у меня идея была насчет Димы другая. Я хотел, чтобы он возглавил Федеральную комиссию по ценным бумагам. Он специалист по рынку ценных бумаг. Ему вроде бы работать в нашей команде нравится, а где конкретно — посмотрим.

— **Еще кто?**

— Я Алексею Кудрину доверяю. Он сейчас первый замминистра финансов. Считаю, что он парень порядочный и профессиональный. Мы вместе работали у Собчака, оба были его заместителями. За годы совместной работы можно было человека узнать как следует.

— **А Игорь Сечин откуда появился?**

— Сечин тоже работал у нас в Петербурге, в протокольном отделе. Он филолог по образованию. Знает португальский, французский и испанский языки. Работал за границей — в Мозамбике и Анголе.

— **Воевал?**

— В общем, воевал. Потом попал в исполком Ленсовета. Когда я стал заместителем мэра и набирал свой аппарат, многих пересмотрел, и Сечин мне

понравился. Предложил ему перейти ко мне на работу. Это было году в 92 — 93-м. А когда поехал работать в Москву, он попросился со мной. Я его взял.

«ЭТО ВИРТУАЛЬНЫЕ ВЕЩИ»

— А что же будет со старой-то гвардией в Кремле, с камарильей? Все говорят: подождите, вот Путин выиграет выборы и от них освободится. В лучшем случае уволит.

— Вы знаете, такая логика характерна для людей как раз с тоталитарным мышлением. Потому что так, по идее, должен был бы поступить человек, который хочет остаться на этом месте на всю жизнь. А я не хочу.

— Но есть какие-то фигуры, которые воспринимаются как общественные аллергены. Мы говорили о Павле Бородине. Вот еще глава администрации президента Александр Волошин. Нелюбим общественностью.

— Волошин нелюбим не столько общественностью, сколько частью истеблишмента. Есть негатив, возникший на уровне группировок и кланов, которые боролись между собой. Досталось и Волошину. Боролись, между прочим, негодными средствами. Я не считаю, что это — основание увольнять кого-то. На сегодняшний день он меня более чем устраивает. Работа, которой занимается Волошин, довольно тонкая. Мы с ним вместе обсуждали, кого можно было бы поставить на его место, говорили про Диму Медведева. Волошин сам сказал: «Пусть замом Дима поработает, потом, может быть, вырастет и будет вариант на мою замену». Сейчас загадывать нет смысла.

— Но есть все-таки смысл ответить на те упрёки, которые общество предъявляло власти в Кремле, окружению бывшего президента.

— Я сам тоже давно на государство работаю. В окружении я или нет? Это виртуальные вещи. Дороже на самом деле человек со своими знаниями, возможностями в работе, способностями. Я буду ориентироваться на свои представления о том, соответствует человек занимаемой должности или нет. Потому что это — основное.

Ну и кстати, я пока не президент. Надо сначала выборы выиграть. А я, честно говоря, человек суеверный, поэтому стараюсь заранее не думать о таких вещах. Или лучше, по-вашему, думать?

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ

— Вы предполагали, что можете поплатиться за войну карьерой, а стали исполняющим обязанности президента.

— Наверное, помогло то, что я не хотел быть никаким президентом.

— А когда Ельцин сказал, что хочет уйти досрочно, вы не сказали: «Да что вы, Борис Николаевич?!»

— Нет, я не стал его отговаривать, но не стал и восторгаться, благодарить и уверять, что оправдаю доверие. Первая реакция была такая — я не готов...

Когда назначили премьером, было интересно, почетно. Думал, ну поработаю год, и то хорошо. Если помогу спасти Россию от развала, то этим можно будет гордиться. Это целый этап в жизни. А дальше...

Недели за две-три до Нового года Борис Николаевич пригласил меня в свой кабинет и сказал, что принял решение уходить. Таким образом, я должен буду стать исполняющим обязанности президента. Он смотрел на меня, ждал, что я скажу.

Я сидел и молчал. Он стал более подробно рассказывать — что хочет объявить о своей отставке еще в этом году... Когда он закончил говорить, я сказал: «Знаете, Борис Николаевич, если честно, то не знаю, готов ли я к этому, хочу ли я, потому что

это довольно тяжелая судьба». Я не был уверен, что хочу такой судьбы... А он мне тогда ответил: «Я когда сюда приехал, у меня тоже были другие планы. Так жизнь сложилась. Я тоже к этому не стремился, но получилось так, что должен был даже бороться за пост президента в силу многих обстоятельств. Вот и у вас, думаю, так судьба складывается, что нужно принимать решение. И страна у нас какая огромная. У вас получится».

Он задумался. Было понятно, что ему нелегко. Вообще это был грустный разговор. Я не очень серьезно относился к назначению себя преемником, а уж когда Борис Николаевич мне сообщил о своем решении, я точно не совсем был к этому готов.

Но надо было что-то отвечать. Вопрос же был поставлен: да или нет? Мы ушли в разговоре куда-то в сторону, и я думал, что забудется. Но Борис Николаевич, глядя мне в глаза, сказал: «Вы мне не ответили».

С одной стороны, есть свои, внутренние аргументы. Но есть и другая логика. Судьба складывается так, что можно поработать на самом высоком уровне в стране и для страны. И глупо говорить: нет, я буду семечками торговать, или нет, я займусь частной юридической практикой. Ну, потом можно заняться, в конце концов. Сначала здесь поработать, потом там.

КАТЯ:

Я обалдела, когда узнала, что папа стал исполняющим обязанности президента. Когда мама сказала, решила, что она шутит. А потом поняла, что так она шутить не будет. Потом постоянно звонил телефон, все поздравляли. Одноклассники наши, даже жена директора школы. Она у нас английский ведет. В полночь мы включили телевизор и увидели, как папа поздравляет

людей. Мне понравилось. Он был такой серьезный... или спокойный. В общем, как всегда. Папа и папа. Мне, с одной стороны, хочется, чтобы он стал президентом, а с другой — не хочется.

МАША:

А мне, с одной стороны, не хочется, чтобы он стал президентом, а с другой — хочется. Мы еще в тот день Бориса Николаевича послушали. У меня горло заболело. Но знаете, не так, как болит, если простудишься, а как-то по-другому. Он в душу проник.

ЛЮДМИЛА ПУТИНА:

Я узнала об отставке Бориса Николаевича 31-го днем, в начале первого. Мне позвонила подруга и сказала: «Ты слышала?» Спрашиваю: «Что такое?» Вот от нее и узнала. Плакала целый день. Потому что поняла, что личная жизнь на этом закончилась. Как минимум на три месяца, до президентских выборов, а как максимум — на четыре года.

— Так вам хочется быть президентом или не хочется?

— Когда я уже начал работать как исполняющий обязанности президента, то почувствовал... удовлетворение... может быть, это не самое удачное слово... от того, что самостоятельно принимаешь решения, от сознания, что — последняя инстанция, а значит, от тебя многое зависит. И ответственность тоже на тебе. Да. Это приятное чувство ответственности.

У меня есть некоторые собственные правила. Одно из них — никогда ни о чем не жалеть. Постепенно я пришел к выводу, что это очень верно. Как только начинаешь жалеть, возвращаться назад, на-

чинаешь раскисать. Думать нужно всегда о будущем, смотреть всегда вперед. Надо анализировать, конечно, ведь где-то в прошлом могли быть ошибки. Но анализировать нужно только для того, чтобы скорректировать тот курс, которым ты идешь по жизни.

— **Вам нравится такая жизнь?**

— Надо получать удовольствие от процесса. Мы живем каждую секунду, и эту секунду никогда не вернуть.

— **Вы так серьезно это сказали, как будто никогда в жизни не совершали легкомысленных глупостей, не тратили время на пустяки.**

— Совершал, тратил.

— **Например?**

— Пожалуйста. Ехали как-то со старшим тренером «Труда» на базу под Ленинградом. Я тогда в университете учился. Навстречу идет грузовик с сеном. У меня окно открыто, и сено очень вкусно пахнет. Когда я с грузовиком на повороте поравнялся, за сеном и потянулся. Машины прямо вплотную...Раз! Руль пошел в сторону. Меня потащило к заднему колесу грузовика. Я резко вывернул руль в другую сторону. Несчастный «Запорожец» встал на два колеса. Я практически потерял управление. Мы, конечно, должны были улететь в кювет, но, к счастью, вернулись в исходное положение — на все четыре колеса.

А тренер мой сидел как вкопанный, ни слова не сказал. Только когда мы уже подъехали к гостинице, он из машины вышел, на меня посмотрел и говорит: «Рискуешь...» И пошел без комментариев. Бывают же такие совершенно необъяснимые поступки. И чего меня к этой машине потянуло? Наверное, сено вкусно пахло.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
СЫН	7
«Они помалкивали про свою жизнь»	7
«Это был предел мечтаний»	12
УЧЕНИК	16
«Я же не пионер, а хулиган!»	16
«Дзюдо — это не спорт»	20
«Инициативников не берем!»	24
СТУДЕНТ	27
«Шлюпка, звезды и тушенка»	27
«Вместо выдоха я просто хрипел»	30
«Пониженное чувство опасности»	33
«Я сказал ей правду...»	35
«Если не хотят говорить куда, значит — туда!» ..	37
МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ	42
«Инструкция и есть самый главный закон»	42
«Вот вышли люди со скрипками...»	44
«Посмотрите на товарища Платова!»	47
«Рискованный спутник жизни»	51
РАЗВЕДЧИК	60
«Восточноевропейская провинция»	60
«И никакого спорта»	63

«Насочиняли-то сколько!»	65
«Как накаркал!»	69
ДЕМОКРАТ	75
«Разведчики бывшими не бывают»	75
«Ну и ... с ним!»	77
«Вопросов больше нет!»	80
«Флагшток был срезан автогеном»	84
«Он высох в смысле души»	87
«Соприкоснулись с прекрасным, пора отваливать»	92
«С оглушительным грохотом»	94
«Больно, и дикая усталость»	96
«С ружьем спокойней»	104
«Короче, я решил уйти»	107
«Собчак был настоящим»	110
«Все сгорело дотла»	113
ЧИНОВНИК	119
«Это наш город»	119
«Поездил, посмотрел...»	123
«Ну спасибо, ребята»	124
«Я не удивился»	129
«Паренек сломает себе башку»	132
«Шампанское пили прямо из горлышка»	137
СЕМЬЯНИН	140
«В Латинской Америке тоже любопытно»	140
«Среди кого же мне кататься?»	143
«Женщины одаренные, а мужчины просто известные»	148
ПОЛИТИК	153
«Армия уйдет в казармы»	153
«Мы же европейцы»	155

«А вы бы развернули самолет?»	156
«Они будут там и тогда, где и когда мы скажем»	157
«Государство хочет и может»	160
«Партия с тараканами»	162
«А, подумаешь, суд»... ..	163
«Носители понимания»	164
«Не так много денег и нужно»	166
«Возможны поправки»	166
«Монарх может думать о судьбах народа»	168
«Такой живой ум!»	169
«Мы долго пили пиво»	170
«Иллюзий больше не возникнет»	171
«Плохая кредитная история»	173
«Я сам их заключаю»	175
«Не я назначил»	178
«Была встреча вчетвером»	178
«С кем возникает чувство локтя»	181
«Это виртуальные вещи»	183

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ	185
-------------------------------	-----

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
Разговоры с Владимиром Путиным

Редактор *Г.В. Успенский*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *С.С. Басилова*
Оператор компьютерной верстки *А.В. Волков*
Корректоры *А.И. Лисовская, И.Н. Сахарук*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.
Подписано в печать 14.03.2000. Формат 84 × 108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Объем 6 печ. л. Доп. тираж 50 000 экз.
Изд. № 1210. Заказ № 3462.

Издательство «ВАГРИУС»
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1

*Получить подробную информацию о наших книгах и планах,
авторах и художниках, истории издательства,
ознакомиться с фрагментами книг,
высказать свои пожелания и задать интересующие вас вопросы
вы сможете, посетив сайт издательства в сети
Интернет: <http://www.vagrius.com>*

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Миинистерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
113054, Москва, Валовая, 28.

Оптовая торговля:
«Клуб 36,6»

Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

Тел.: (095) 523-25-56, 523-92-63 E-mail: club366@aha.ru

Фирменный магазин «36,6 — Книжный двор»:

Москва, Рязанский пер., д. 3. Тел.: (095) 265-86-56, 265-81-93

Книги почтой:

107078, Москва, а/я 245 «Клуб 36,6»

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

ISBN 5-264-00257-6

9 785264 002571 >

Мы разговаривали с Владимиром Путиным шесть раз. По несколько часов. И он, и мы были терпеливы и терпимы. Он — когда мы задавали неудобные вопросы или попросту лезли в душу. Мы — когда он опаздывал или просил выключить диктофон: “Это очень личное”... Мы разговаривали с Путиным о жизни. Главным образом, о его жизни. Разговаривали, как это и бывает в России, — не на кухне, правда, но все же за накрытым столом. Иногда он приезжал вымотанный, с усталыми глазами, но ни разу не прервал разговор по своей инициативе. Лишь однажды, уже далеко за полночь, аккуратно спросил: “Ну что, все спросили или поболтаем еще?”